В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

7 • 1976

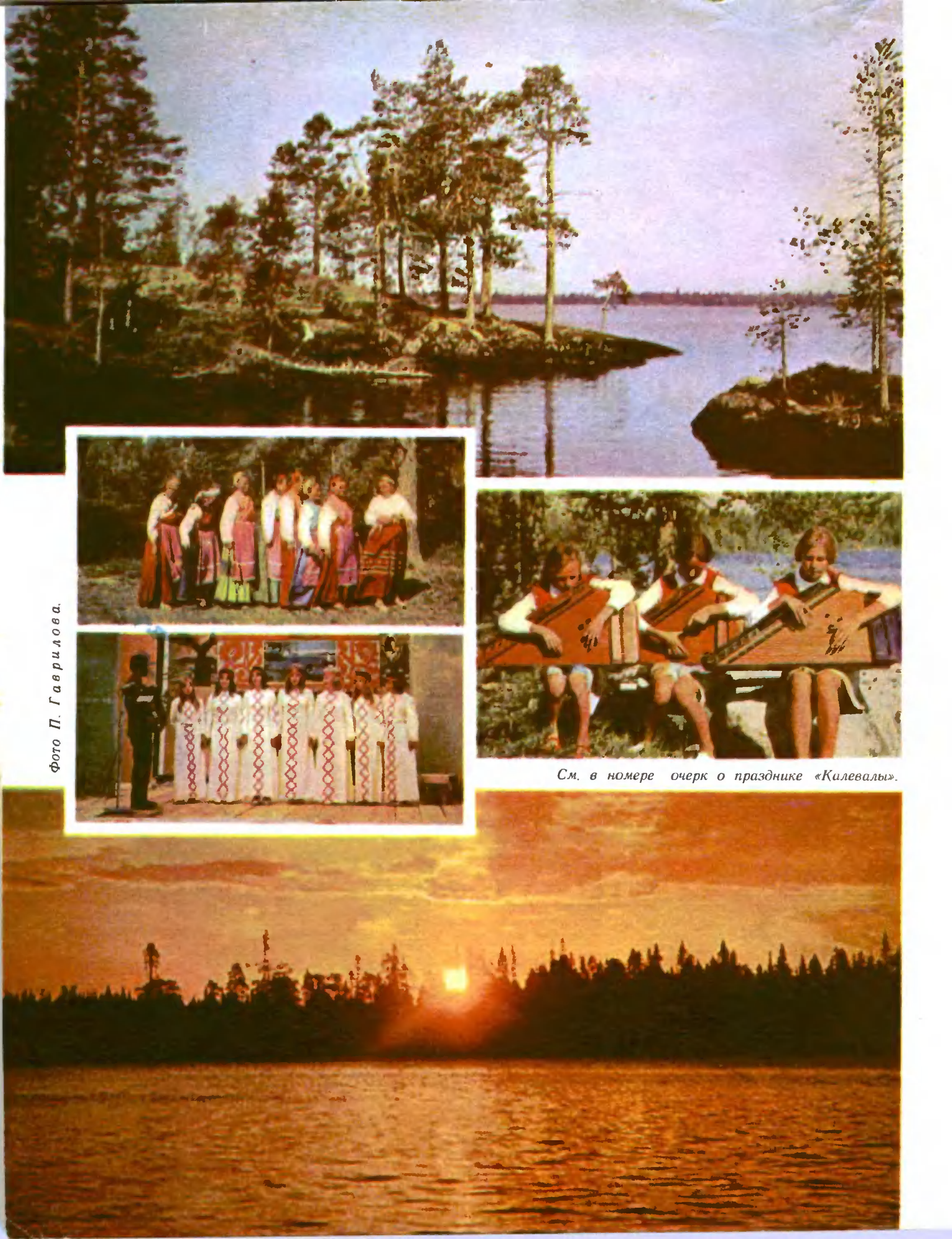

Фото П. Гаврилова.

См. в номере очерк о празднике «Калевалы».

НАУКА И РЕЛИГИЯ

№ 7 1976

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания семнадцатый

Художественный редактор С. И. Мартемьянова.

Технический редактор С. В. Сегаль.

Корректор Р. Ю. Грошева.

Макет Ю. Н. Фидлера.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются

Духовный мир человека

Практика: опыт, проблемы

Странички юных

Религия, церковь, верующий

О мире и его законах

Человеку о человеке

История и современность

Литература, искусство

У наших друзей

За рубежом

Наше обозрение

Алексей УЛЕСОВ

Рисунок А. Зайцева.

ЧАС

Алексей Александрович Улесов — строитель крупнейших гидроэлектростанций у нас в стране и за рубежом. Теперь он вновь трудится в родных донских краях, откуда в юности уехал учиться в ФЗУ и где в 1952 году за строительство Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, Цимлянской гидроэлектростанции и сооружений для орошения засушливых земель Ростовской области получил первую Звезду Героя Социалистического Труда.

В настоящее время бригадир электросварщиков строит завод Атоммаш, где применяется прогрессивный метод ванной электросварки, дающий большую экономию времени, металла, электроэнергии и облегчающий труд рабочего. В 1958 году за разработку и внедрение в строительство новых методов сварки А. А. Улесов был награжден второй Золотой Звездой.

Весной этого года он был делегатом на XXV съезде КПСС. Наши корреспонденты обратились к Алексею Александровичу с просьбой поделиться с читателями своими мыслями о труде, смысле жизни и предназначении человека.

КАК СЕЙЧАС стоит у меня перед глазами этот человек. Не раз, бывало, и раньше вспоминал его, но годы прошли, стал забываться. А недавно, этой весной в дни съезда, попала мне в руки одна статья, и все снова нахлынуло...

Было это в году шестидесятом. Появились у нас первые бригады коммунистического труда. Одну из них он и возглавлял. Молодой, приветливый и весь какой-то основательный. И бригада вокруг него сбилась, были там люди и постарше, а больше — молодежь. С уважением к нему относились, гордились им даже. Что-то было у него от старых умельцев: хватка, острый глаз, изобретательность. Помню, придумали они полумеханическую подачу проволоки для электросварки. Вроде, и дело не очень-то большое, а полезное.

У парня тогда уже семья была, дети, а жить приходилось на частной квартире. Нелегко было у нас в ту пору с жильем. Не раз обращался он за помощью. Очень просил. Ходил я с ним и в постройком, и в управление стройки. Чувствовалось, что дома здорово давят на него. Ведь в семьях по-разному бывает: одни легче переносят трудности, другие — тяжелее.

Наконец дали ему квартиру. И вдруг что-то случилось с ним, как застопорило. Потускнел человек, постепенно и от бригадирства как-то отошел... И вся смекалка вроде бы пропала.

— За квартиру что ли старался! Что случилось-то! — недоумевали вокруг.

— Тут дело посложнее. Он-то, может, и не за квар-

тиру, в просто дома его дальше не пустили. Сделал свое дело для семьи и хватит,— сказал самый пожилой в бригаде.

— То есть как это не пустили!

— А вот так. Не положено ему — и все тут. Попытался человек вырваться и не удалось.

Потом Анатолий (фамилию его называть не хочу) кажется ушел из бригады. Точно не знаю, я тогда уехал работать за границу.

Первый раз, да и единственный, пожалуй, я сам видел, как такое случается. Свернулся вдруг человек в домике своем как улитка. И все вокруг оказались бессильны. Было такое чувство, будто остановились мы на пороге его дома. Нету нам туда хода. А ему выхода. Тяжелый осадок от всего остался. Когда толком не понимаешь, в чем дело, бессильным себя чувствуешь,— это самое неприятное. Ну а на стройке, как всегда, горячая пора. Работали с утра до ночи.

Я, конечно, слышал, что Анатолий верит в бога, что баптист он, но как-то не придавал этому значения... Не думал, что все это так серьезно: на всей судьбе человека может сказываться.

И вот в дни XXV съезда в гостинице попался мне

ВЫБОРА

в руки январский номер журнала «Наука и религия». Взял с любопытством, тоненькая ниточка с ним связывала: много лет назад в самом первом номере было опубликовано письмо Евгении Григорьевны Левицкой, прекрасного, доброго человека. Ей посвятил Шолохов свой рассказ «Судьба человека». В дни XXI съезда был я у нее в гостях. А в этот раз пошел уже на могилу поклониться светлой ее памяти.

Так вот, в журнале привлекло меня поначалу название беседы «Сотворение мира». Стал читать. И тут всплыло все старое, вспомнился Анатолий. Глубоко взволновала и поразила меня эта человеческая исповедь Виктора Гарбузова. Ведь живешь в кругу своих представлений и не даешь себе отчета, что рядом, совсем рядом, есть люди, которые по-иному и думают, и чувствуют, и поступают.

Когда мы шли с заседаний съезда или в перерыв, я всегда невольно любовался маленькими, такими красивыми церковками у гостиницы «Россия». Прекрасные творения старых мастеров рядом с самыми современными строениями. Теперь я смотрел и думал: как все, однако, не просто. Красота, воплощенная в камне, мечта зодчих — это одно. А мрачная сила религии, которая и сегодня сковывает, ограничивает, угнетает человека,— совсем другое. Вроде бы, есть у человека и сноровка, и энергия, а вот не положено ему перешагнуть какой-то предел — и все тут.

Заседания съезда все смотрели по телевизору. Но надо было быть там, в зале, чтобы явственно ощутить подлинную народность этого собрания коммунистов. Отчетный доклад был обращен ко всем советским людям и к каждому человеку отдельно. С каким чувством, с какой силой благодарил Леонид Ильич всех тружеников.

Перед всей страной, перед всем миром прозвучали слова, обращенные к десяткам миллионов людей, которые «начинают свой очередной, самый обыкновенный рабочий день: становятся у станков, опускаются в шахты, выезжают в поле, склоняются над микроскопами, расчетами и графиками... Они, именно они, выполняя предначертания партии, поднимают Советскую страну к новым и новым высотам прогресса... Называя наше время временем великих свершений, мы отдаем должное тем, кто сделал его таким,— мы отдаем должное людям труда...».

Меня все эти дни не покидало ощущение, что на съезде здесь, в зале вся планета наша обдумывает свои дальнейшие пути. Героически, в святой борьбе за справедливость рождается новый мир. Своим примером мы показываем путь всем людям — вот, что чувствовал я, как и каждый делегат съезда.

Идущие впереди не имеют права замедлить шаг. И партия обращалась к активной силе всего народа, активной силе каждого.

Я много думал об этом в связи с беседой Виктора Гарбузова. «Вера без дел мертва»,— утверждает религия. Но она понимает дела как душеспасительные, как служение богу. Основное у верующего — молитва. Руки труду, а мысли — богу, жить так, чтобы угодить богу и наследовать жизнь вечную. Только это и хорошо, только это и нравственно.

Не вникая глубоко в суть религии и атеизма (не могу говорить о вещах, которые плохо знаю), хочу сказать о том, что знаю хорошо,— о труде, о работе.

Виктор Гарбузов на примерах из своей жизни показывает, что религия обрекает верующих на труд без души. Но, к сожалению, не только без души, но даже и нечестно работают иные ребята, которые о боге, может, и не слыхивали. Я думаю, что во всех случаях, когда ты видишь, что человек, работающий рядом с тобой, не отдает всей души делу, святая обязанность твоя, долг твой — долг старшего и более опытного — разобраться в причинах и помочь.

Но я не совсем понял Виктора Гарбузова, когда он говорит о добросовестности, с которой трудятся многие баптисты. Что значит «добросовестно, но без души»! Уж если добросовестно, так значит часть души участвует непременно. Тут сразу же возникает вопрос: сколько же этой души разрешено вкладывать в земное дело, чтобы не прогневить бога! Но что за торг с богом: какую долю души в работу вкладывать!

Может быть, я и не прав,— ведь в другом месте своей беседы-исповеди Виктор Гарбузов сам говорит о том, что добросовестным такой труд кажется только на первый взгляд. А когда он рассуждает об общественной активности, о том, что объединяет челове-

ка с трудовым коллективом, — тут я с ним согласен на сто процентов. Абсолютно прав он, говоря, что религия старается отгородить верующих глухим забором от окружающей жизни.

Религия настраивает верующего думать поуже, не выходить из строго очерченного круга обязанностей в широкую жизнь, не бороться со всем, что мешает. Но как же сегодня лишает это человека великого чувства причастности к людям, творящим новую жизнь на земле! Так, наверное, спокойнее — отвечать за одного себя и только перед богом!

И вот еще о чем мне хотелось бы сказать. Я думаю о индивидуальности, неповторимости каждого человека. Задумывались ли вы о том, что у каждого свой отпечаток пальца. Свой, неповторимый. Один отпечаток мне запомнился особо. В книге о жизни Жолио-Кюри есть фотография записей, сделанных Пьером Кюри больше пятидесяти лет назад. До сих пор бумага сохраняет радиоактивность. В углу страницы отпечаток пальца Пьера Кюри, совершившего великое открытие. Кюри — это цепая династия людей, отдавших себя до конца науке, труду на благо человечества. Их след, их «отпечаток» в том, что мы можем сейчас бороться с тяжелейшими болезнями, овладели энергией атомного ядра, шагнули в Космос.

Но если неповторим узор линий на пальце, то каким масштабом неповторимости мерить всего человека с его духовным миром! В каждом человеке скрыт свой талант! И как горько уйти из жизни, не отдав его людям. «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят... не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости, радости, счастья». Так писал М. М. Пришвин. Что может быть радостнее творческого, раскрепощенного труда! Но такой полет, такой размах, такой расцвет человеческой личности возможен лишь тогда, когда труд этот — твой, личный, необходимый и единственный твой талант. А свой талант ведь найти надо. Это так нелегко дается! Значит, чтобы быть счастливым и других делать счастливыми, опять же надо приложить труд, труд поиска. И именно его-то религия и отрицает. Какой же может быть поиск, если все предопределено!

Да простят меня верующие, но мне кажется, что в конечном итоге заботы о спасении души как-то отгораживают их и от людей, и от больших дел. И когда верующий следует заповеди «возлюби ближнего», то он обкрадывает себя в возможности отдать свой талант не только ближним, но и дальним, о дальних думать как о ближних, о всенародном благе думать! И кто они, эти дальние! Твои соотечественники, товарищи по работе, люди на общей нашей земле. Неужто безразлично, как будут они жить! Будет ли на земле мир и счастье, или война и гибель! Как можно не думать об этом, замкнуться в эгоистической мысли о спасении своей души! И самое грустное, что при этом человек лишает себя огромной духовной радости — радости труда, когда раскрываешься полностью и работаешь для счастья всех людей.

Незадолго до смерти Фредерик Жолио-Кюри написал удивительные строки: «Каждый человек невольно отшатывается от мысли, что вслед за его смертью наступает небытие... Думая о смерти даже в раннем возрасте, я видел перед собой проблему глубоко человеческую и земную. Разве вечность — это не живая, ощутимая цепь, которая связывает нас с вещами и людьми, бывшими до нас!.. Подростком я вечером делал уроки. Работая, я вдруг дотронулся рукой до оловянного подсвечника — старой семейной реликвии. Я перестал писать, меня охватило волнение... Мне казалось, что я чувствую тепло рук, которые в течение веков держали подсвечник, вижу лица. Я почувствовал огромную поддержку в сонме исчезнувших. Конечно, это фантазия, но подсвечник мне помог вспомнить тех, кого больше не было, я их увидел живыми, и я окончательно освободился от страха перед небытием. Каждый человек оставляет на земле неизгладимый след, будь то дерево перил или каменная ступенька лестницы. Я люблю дерево, блестящее от прикосновения множества рук, камень с выемками от шагов, люблю мой старый подсвечник. В них вечность...»

След на земле... Рядом со мной в дни XXV съезда жил Николай Васильевич Бочкарев — тракторист, прекрасный самоотверженный труд которого был отмечен в Отчетном докладе. Николай рассказывал мне о работе своей бригады трактористов, о том, как удалось им получить рекордный урожай в засушливый минувший год. Мы говорили с Николаем (я ведь тоже вырос в деревне) о земле, сколько труда требует она от человека, как умеет благодарить за труд. И я думал, что не всякому дано увидеть результаты своего труда, но какое же огромное духовное удовлетворение получает человек, если он видит эти результаты.

Я очень счастливый. Судьба моя неотделима от Советской власти, немыслима без нее. Она дала сироте, неграмотному подпаску (отец мой был в коннице Буденного, умер после ранений) обрести любимое дело, создать на земле три моря и привести море к родному хутору. Я положил первый шов в основание здания Цимлянской ГЭС и мне выпало счастье приваривать знамена, венчавшие его. Я хорошо помню тот день. Я смотрел сверху на залитую солнцем Цимлянскую электростанцию и думал: «Где он, мой труд! Кто его увидит! Ведь миллионы швов, которыми мы, электросварщики, крепим арматуру, навеки залиты бетоном. Ощутят ли те, кто придет сюда, сколько труда было нами вложено!» И вдруг понял: «Что ж из того, что ушло от взоров людей каждое из миллионов человеческих усилий,— будет вечно стоять наша красавица гидростанция».

Потом участвовал я со своей бригадой в создании Куйбышевского моря, строил город Тольятти, три года работал в Египте, на строительстве плотины в Асуане. Там мы, 22 советских специалиста, обучили шесть с половиной тысяч египетских рабочих. Сколько пота там пролито, сколько сил отдано! А ведь человек так устроен: чем больше добра кому сделает, тем больше любит того, кому подарил это добро. Я вспоминаю перекрытие Нила. И трудно сказать, чья радость была больше: египетских феллахов или наша — беззаветная радость друга, пришедшего на помощь.

Сейчас я снова на родной донской земле. Мы строим в Волгодонске у Цимлянского водохранилища уникальный завод-гигант Атоммаш. Он позволит ускорить развитие атомной энергетики в стране, даст самое современное оборудование существующим и будущим электростанциям. «Создать и освоить мощности первой очереди Волгодонского завода тяжелого машиностроения и развернуть строительство второй очереди этого завода» — так записано в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». А строится Атоммаш на электричестве Цимлянской ГЭС! И только оросительная система, которая сооружалась тогда, дала возможность получить урожай в прошлое тяжкое лето...

Как и сотням моих друзей и товарищей, дано мне повторить гордые слова строителя первых советских гидростанций Генриха Осиповича Графтио: «Свои труды пишу железом и бетоном по земле».

Огромное это счастье: знать, что остаются после тебя моря, электростанции, каналы. Что в порту Петропавловска-на-Камчатке до сих пор работает кран, который я варил во время войны, уникальный по тем временам. Что идет по единой энергосистеме электрический ток через бескрайние пространства страны в даль времен. Грядущая пятилетка — наша десятая — это пятилетка не только огромных свершений, это пятилетка качества. От каждого требуется работать с полной отдачей. На первый план выдвигается сейчас проблема отношения к труду. Как говорил на встрече с рабочими ЗИЛа Л. И. Брежнев,— мало быть просто трудолюбивым и дисциплинированным, от каждого требуется еще хозяйское отношение, активный живой интерес и забота об общем деле. «В конечном счете, все сводится к добросовестности людей, к качеству их работы. За план, за бесперебойную работу... за качество продукции должна отвечать совесть каждого работника, будь он коммунист, или комсомолец, будь он беспартийный». Вот так ставит сейчас вопрос партия.

«В «Письмах с передового завода» у писателя Анатолия Аграновского есть такие слова: «У каждого человека должна быть уверенность, что добро, сделанное им, не будет забыто. И зло — тоже. Это не только им нужно, отдельным людям, это нужно нам всем вместе, обществу... Вот о доме, обыкновенном жилом доме, я точно знаю, что он может быть «наш» и «не наш»... Я хочу, чтобы на доме, в котором я живу, висела табличка с именами строителей. Если хорош мой дом, я буду благодарен им. А если плох, пусть им будет стыдно и через десять и через двадцать лет. Плохая работа — это не просто плохая работа. Разговор идет о нравственном облике поколения. Беспамятство — само по себе зло и любезно злу. Память о былых заслугах людей — сама по себе добро и служит добру».

Что может человек! Очень много! От самого человека зависит, какова будет его жизнь, что сумеет он сделать для людей. Что выберет он! Евгения Григорьевна Левицкая писала в первом номере журнала об этом: «Наша судьба — в наших руках».

Тяжко, если отступишь от себя, если ошибешься в час выбора.

Каждый раз, когда я начинаю сваривать металл, во все стороны летят горячие сверкающие брызги. О них пишут в газетах, красоту рассеивающихся искр воспевают в стихах.

А мне, электросварщику, до боли жалко этих раскаленных капель металла, они быстро гаснут, охлаждаются и, вспыхнув на мгновение, исчезают навсегда. Я быстро погружаю электрод в ванночку и торопливо плавлю его, чтобы каждая капля легла в чистое тело металла, служила бы людям. Вот так и в жизни. Можно бессмысленно рассеять силы, чувства, стоит только оказаться не на том пути или увлечься легкой, трескучей, искрящейся удачей.

Однажды я ехал в одном купе с профессором, умудренным годами, много за свою жизнь сделавшим для народа. Он сказал мне:

— Умереть я еще не имею права, я еще не все оставил людям.

И когда я вспоминаю об этом случайном моем попутчике, невольно приходит мысль: как было бы хорошо, если бы каждый из нас не растрачивал попусту ни одной капли драгоценнейшего металла — душевной силы своей, своих знаний, а отдавал бы их на пользу людям, для их счастья!

Читайте в следующем номере:

Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР
Х. БОКОВ
ДОБРО И ЗЛО ОБЫЧАЯ

ПРИРОДА И РАЗУМ
Очерки о земле и людях, ее охраняющих

ПРОВАЛ ЛОЖНЫХ ПРОРОЧЕСТВ
Как не состоялся армагеддон

В. ЛАНГЕ
ЗАГАДКА ТАНЦУЮЩИХ СТОЛОВ
Начало повести

К. ДАНИЛОВ
КИПРСКАЯ АВАНТЮРА И ЦЕРКОВЬ

Андрей НУЙКИН

ЖИЗНЬ И СДЕЛКИ С НЕЮ

ВЕЛИКОЕ множество людей поистине в муках перебирало, казалось бы, все возможные варианты решения вопроса о смысле бытия — от примитивно натуралистических до изощренно мистических, а вопрос так и остается вопросом. В то же время другие ухитряются прожить свой век, ни разу даже не заподозрив, что есть такая проблема, и нехудо прожить с полным удовольствием. Конечно, в основном это все далеко не Сенеки, но встречаются ведь и люди по-настоящему счастливые, живущие со смыслом и просто не представляющие, что можно жить иначе. Честь им и слава, но как же быть с теми, у кого «само собой» это не получается, — неужели махнуть на них рукой? На «невезучую» Людмилу К., например, очерк о которой и побудил меня взяться за перо?[1] Или на Ларису К. из Бийска?

«Очень взволновала и задела меня судьба Людмилы, — пишет Лариса. — Мне 34 года, у меня дочка учится во втором классе, есть отец и мать. И хотя многого недостает, зарплата минимальная, квартиры нет, но падать духом еще рано. Я тоже «невезучая». Очень часто и ко мне «приходит моя душа с пустым мешком за плечами», очень часто... Что делать?.. Сама себе в таком состоянии вряд ли поможешь, но окружающая обстановка! Все это очень важно... Нужна поддержка, чувство, что ты не напрасно просидела день за рабочим столом, отработала смену свою не как робот, а как чувствующий свое место в жизни человек... Я иногда подумывала о том, чтобы тоже стать верующей, найти утешение у бога. Но ведь его нет. А если уж верить, так верить искренне. И я не пошла в церковь. Чувствую, что мне не хватает душевного тепла, хотя все обращаются со мной хорошо и я соответственно делаю на лице некоторое подобие улыбки. Не всем дано излечить душу человека!.. Я не пошла в церковь, я не ищу «спасения» в стакане вина или в сигарете. Но кто придет ко мне на помощь?»

Это очень важно — «кто?». Но не менее важно и другое — «как?».

Окружающие Ларису люди могут помочь ей получить квартиру, подыскать работу с лучшей зарплатой. Станет ей легче жить, но обретет ли она смысл жизни вместе с ордером на квартиру? Опыт Людмилы уже ответил на этот вопрос. Теплота со стороны окружающих... Но ведь с Ларисой «все обращаются хорошо», сама она не в силах выразить, чего не хватает ей в отношениях с окружающими. Зовет на помощь Людмила довольно тихо и неуверенно — сама не знает, в чем ей надо помогать. Все у нее, вроде бы, есть, что принято считать необходимым «простому человеку»: хорошая зарплата, отдельная квартира, дочка... «Лучше, чем есть, не может быть»,— сразу оговаривается она. Вот только жить вроде бы незачем, на душе смутно, главного чего-то в жизни нет, а чего — и понять невозможно.

Достойна похвалы редакция журнала, услышавшая этот почти беззвучный крик и пославшая тотчас в «далекий волжский город» своего корреспондента.

И вот уже мы наперебой отвечаем на вопрос Людмилы, разъясняем ей, что счастье в борьбе, что «вечного» смысла жизни нет, но есть «подлинный» и не «подлинный», что религия смысл жизни отрывает от жизни, что ни труд сам по себе, ни занятия на досуге не наполняют жизнь глубоким смыслом, если человек не воодушевлен общественно значимыми идеалами, если у него нет стремления больше дать людям. Под любым из приведенных тезисов можно смело подписаться. Я пробовал ответить на этот вопрос (см.: «Трудное счастье быть человеком». «Наука и религия», 1974, № 2). Писал тогда вполне убежденно. Да и сейчас сомнений в верности отстаивавшихся формул у меня не возникает, но вот прочитал письма Людмилы и Ларисы и почувствовал: одной правильности в статьях на такие темы еще недостаточно и, вообще, как-то иными глазами взглянул на то, как мы пишем на такие темы.

Понять, в чем состоит высший смысл жизни для человечества вообще, еще не означает обрести смысл в своей собственной жизни. Этот реальный смысл наших реальных судеб обретается отнюдь не в итоге теоретических изысканий или дискуссий, но в ходе реального приобщения к каким-то по-настоящему нужным для человечества делам. Чужой, приобретенный в других условиях опыт, чужие советы и рецепты, даже самые умные, в этом деле могут оказаться и бесполезными. У Андрея Платонова были основания заявить в повести «Эфирный тракт»:

«Только людские ублюдки кричат: «Нет и не может быть смысла жизни: питайся, трудись и молчи!» Ну, а если мозг уже вырос и так же страстно ищет своего пропитания, как ищет своего пропитания тело? Тогда как? Тогда — труба, выкручивайся сам. В этом мало люди помогают»[2].

Не думаю, что если бы бригадир, мастер и член родительского комитета проявили больше «сердечности», «уважения и интереса к личности» Людмилы, то это дало бы ей ощущение нужности и душа ее просветлела бы. Вопрос о смысле жизни — это не вопрос об отношении к нам, а вопрос о нашем отношении к себе. Можно быть непризнанным, гонимым, презираемым окружающими и при этом понимать свое высокое предназначение на этом свете. Но можно, наверное, и презирать себя при всеобщем восторженном преклонении. Разумеется, самодовольство — не свидетельство жизни, полной высокого смысла, но подобный диссонанс в критериях оценки проистекает вовсе не из-за незнания, в чем состоит «истинный» смысл жизни. Ничтожный карьерист вполне может произнести связный горячий монолог во славу высокого служения людям. Вполне верный, но пустой. Вопрос о смысле жизни — это не вопрос знаний, «информированности», это вопрос нрав-

[1] См.: А. Васинский. Невезучая. «Наука и религия». 1974. № 7.
[2] А. Платонов. Потомки Солнца. М., 1974, стр. 72.

ственного, духовного уровня, идеалов, стиля жизни. Он не открывается, а созидается, «передается» от человека к человеку, не столько познается, сколько воспитывается.

Это не значит, что чужой опыт в поисках смысла жизни ничего не стоит. Просто передавать его, наверное, нужно иначе, чем истины науки. Тут требуется не столько информация, сколько исповедь, не столько просветительная лекция, сколько «заразительная» проповедь. Право же, беспомощные с точки зрения научных канонов письма Людмилы и Ларисы для выяснения вопроса о смысле бытия дают гораздо больше, чем иной пухлый том на эту тему, нашпигованный самыми умными и авторитетными высказываниями, но лишенный напряжения собственной мысли, трепета собственного чувства.

ОДИН из любимых героев А. П. Чехова говорил: «Призвание всякого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни»[3]. Чем и как проверить истинность такого рода утверждений? Если смысл жизни — некое предписание свыше, некий не зависящий ни от нашей воли, ни от нашего сознания закон, то какие тут с нашей стороны могут быть выборы вариантов? Нужно лишь отгадать эту резолюцию бога или природы и слушаться ее. Порой роль провидения берут на себя пророки, указывая людям, что надлежит им считать «истинным» смыслом их жизни: «познай себя», «познай бога в себе» или «нравственно совершенствуйся, не сопротивляясь злу насилием». Проверять истинность таких формулировок — затруднительно ввиду их туманности.

Когда смысл жизни пробуют искать в велениях темных инстинктов, то он тоже проверке поддается плохо. Опять тут нам диктуют чужую волю, хоть и спрятанную в нас самих, но тоже пересмотру не поддающуюся.

Не знаю, как у других, у меня божественно-провиденческие и темнобиологические трактовки смысла моей жизни вызывают желание поступать прямо наоборот. Ни в космических скрижалях, ни в молекуле ДНК не записано, что есть смысл жизни. Вне человека, вне его сознания, его хотений и идеалов не существует никакого смысла жизни. Смысл этот в том, что для самих людей в их жизни составляет нетленную ценность, что в их глазах не ветшает, не обесценивается ничем и никогда. И люди мучаются, ищут.

Хорошо это состояние описывал В. Шукшин, герои которого вместе с автором упорно стараются найти в своей жизни высший смысл:

На сорокалетнего Максима, мужика злого и порывистого, который «никак не мог измотать себя на работе, хоть работал много», по воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая. «Максим, когда тоскует, не философствует, никого мысленно ни о чем не просит, чувствует боль и злобу. И злость эту свою он ни к кому не обращает: ничего не хочется — вот где сволочь-маета! И пластом, недвижно лежать — не хочется. И водку пить не хочется...» Болит душа — и все тут. Жена этого не понимает.

«— А тогда почему же ты такой злой, если у тебя душа есть?

— А что, по-твоему, душа-то — пряник, что ли? Вот она как раз и не понимает, для чего я ее таскаю, душа-то и болит. А я злюсь поэтому. Нервничаю»[4].

Какой же вывод из Максимовой нутряной тоски следует? Он, как и Людмила с Ларисой, чувствует, что мало ему «как роботу» день отработать, но и философия попа-жизнелюба, который верит и в бога, и в химизацию, и в спирт, в жизнь вообще, Максиму чужда. Не знает ведь поп, чем жизнь эта кончится, куда все устремилось, кто победит — добро или зло, но ему «крайне интересно бежать со всеми вместе, а если удастся, то и обогнать других»[5]. Не хочет такой гонки Максим. Чего же он хочет? Сам не знает. Так, может быть, и нет его, особого «высшего смысла», может быть, все это пустое томление духа?

Если бы высший смысл предписывался нам кем-то «со стороны» или существовал вне нашего сознания наподобие законов природы, то это соображение трудно было бы обойти. Много было и есть любителей учить нас жить, гениев и ясновидцев, чьим откровениям мы должны якобы внимать, открыв рты, поскольку они видят то, что от нас сокрыто. Да, Людмила, Лариса, Максим не знают, чего они хотят. Но они уже знают, чего не хотят, что их не устраивает, — это очень много. Не нравится просто зарабатывать на жизнь, есть, спать, пить — это прямое доказательство, что для нас жизнь твердо делится на жизнь с высоким смыслом и без оного.

И вот еще о чем опыт таких людей, как Людмила и Максим, свидетельствует: человеку вовсе не легкой жизни хочется. И даже не счастливой. Поставь его перед выбором: счастье без высокого смысла или трудная, но осмысленная жизнь — он выберет, поколебавшись, второе. Потому — счастье без смысла довольно скоро начнет у него нутряную тоску вызывать и не счастье это вовсе окажется.

Давайте подойдем к человеческим целям и устремлениям без заведомых ограничений, без предвзятости и посмотрим, что же дает в жизни высшее удовлетворение, а что в конечном счете оказывается обманом. В частности — еще раз рассмотрим такие движущие силы, как стремление к богатству, власти, славе. Не случайно, надо полагать, они остаются одними из очень широко распространенных побудительных мотивов, не случайно в них видят многие цель и смысл своей жизни.

Итак, богатство, власть... Наверное, для многих, хотя и в разной мере, они составляют немалый соблазн, содержат множество всякого рода приятностей. Но вот в какой именно мере — в этом и состоит вопрос. К тому же приятность — это одно, а смысл жизни совсем иное.

Всю жизнь «ловчил» герой рассказа В. Шукшина «Билетик на второй сеанс» Тимофей Худяков, работать устроился завскладом, «хапал», воровал, ревизоров вокруг пальца обводил. Как сыр в масле со своей Гутей катался, дом крестовый построил, детей в институтах выучил. Казалось бы, чего еще — почет и благополучие! «Умеет жить» — говорят о нем, но однажды вдруг опостылело Тимофею все на свете. Понял он при всей своей убогости: не дало ему барахло удовлетворения — «не вышла жизнь»!

Не тот масштаб богатства и власти, чтобы удовлетворение испытать? Когда некто, очень пламенно ратовавший за служение людям, за возвышенные общественные интересы, меняет вдруг свои идеалы на богатство и власть, всегда возникает подозрение, что все эти пламенные речи были неискренними. Трудно в подобном случае делать выводы о соотносительной цене того и другого. Но ведь известно немалое количество случаев противоположного характера, когда люди, познав и власть, и богатство, решительно отрекаются от них во имя служения общественным идеалам. Притом — власть и богатство не шуточные, не как у того Тимофея. Такие случаи говорят о многом.

Реальные, не извращенные потребности в пище, одежде, комфорте людьми, гоняющимися за ними, достаточно быстро удовлетворяются. А что дальше? Безудержное соревнование амбиций? Недавно звезда американской сцены певец Элвис Пресли приобрел в личное пользование за полтора миллиона долларов «Боинг-707». По его указанию на самолете были оборудованы гимнастический зал и финская баня-сауна. Не правда ли, высоко взлетел обыватель, описанный некогда Чеховым в рассказе «Крыжовник»? «Летающая баня» — очень эффектно.

Власть как самоцель еще нелепее. Правда, в таком обнаженном виде

---

[3] А. П. Чехов. Дом с мезонином. Собр. соч. в 12 томах, т. 8. М., 1956, стр. 101.

[4] Василий Шукшин. Характеры. М., 1973, стр. 160—161.

[5] Там же, стр. 166.

жажда власти предстает редко. Для людей духовно бедных власть потому особенно сладка, что она, как ничто другое, способствует возникновению иллюзии общественной значительности их дел и поступков. Както довелось мне беседовать с бывшим директором сибирского совхоза. Десятилетия он решал все вопросы жизни огромного хозяйства, связывал и развязывал, наказывал и миловал, запрещал и позволял. Ему казалось: все, что делалось в совхозе, и многое из того, что происходило в семьях «вверенных ему» рабочих и служащих, — плод его деятельности, его воли и организаторских способностей. Директор был искренне убежден, что его уход на пенсию — беда не только для всего села, но и для района. Увы, землетрясения данное событие не вызвало! Шли годы, коровы почему-то так же, как и при нем, мычали, жевали сено, телились; пшеница давала всходы, а люди жили прежними радостями и горестями. В чем-то им даже стало лучше — новый директор меньше их «дергал».

Для человека духовно богатого в советском обществе власть, пост, должность не могут составить цели жизни. Они только повышают бремя ответственности. В обществе же, где господствуют буржуазные ценности, власть, к которой так рвутся во имя возвышения над другими, во имя «величия», в равной мере связана с унижением (перед вышестоящими), с холуйством. Не верю я, что из подобных «материалов» можно построить что-нибудь прочное.

Чем глубже иллюзии — тем горше разочарование. Поучителен финал жизни одного из могущественнейших воротил XX века Аристотеля Онассиса. Можно сказать, на нем история довела до полного завершения эксперимент по проверке гипотезы, согласно которой смысл жизни в богатстве и власти.

Торговый флот Онассиса не уступал по размерам флотам крупных капиталистических стран. Вся гражданская авиация Греции принадлежала ему. А уж такие «мелочи», как судовые верфи, банки, нефтеперегонные заводы, алмазные копи, земельные латифундии во многих уголках земного шара и собственные острова, перечислить трудно. Единовременный сбыт акций Онассиса мог вызвать потрясение на Уолл-стрите. Миллиардер имел основание заявлять: «Единственное, что принимается сегодня во внимание, — это деньги. Те кто обладает ими, — настоящие короли наших дней». Действительно, такие нувориши, как Онассис, имеют реальной власти куда больше, чем иные короли. Они не возглавляют правительств, но они назначают и убирают президентов. А в случае непослушания — убивают. Они не сочиняют законов, ибо законы пишутся не для них. За всю жизнь, как выяснилось позже, Онассис не уплатил ни драхмы налога. Верша свои дела в 12 странах на трех континентах, он везде игнорировал законы.

Незадолго до смерти Онассис собрал на своем острове Скорпиос членов семьи и заявил, что уходит от дел и будет вести монашеский образ жизни. Старость, болезни? Пустота и бессмысленность жизни. Молодая жена его Жаклин создала хорошую рекламу его империи, но не стала другом. Последние годы мировая печать широко и детально обсуждала все их ссоры и подсчитывала, какой капитал получит Жаклин после развода или смерти мужа. Умопомрачительные по роскоши приемы и пиры, сказочные яхты? Но тщеславие миллиардера давно уже было натешено до предела. Дети? Сын, надежда и гордость Аристотеля, разбился, сев нетрезвым за штурвал самолета. Разбился в 25 лет. «Для кого мне теперь работать?» — растерянно повторял Онассис.

Вот именно, для кого и для чего были все эти гигантские предпринимательские усилия, сделки, махинации, браки по расчету, смены правительств? В чем смысл этой жизни?

СЛАВА... Люди — существа социальные. Общественное признание достоинств, талантов, заслуг человека — большая радость. Издали слава представляется даже счастьем. То, как она выглядит вблизи, хорошо показано у Куприна в диалоге известного адвоката и прославленной певицы.

«— Но ведь, Елена Викторовна, ваша громадная слава, поклонники, рев толпы, цветы, роскошь... Наконец, тот восторг, который вы доставляете своим зрителям. Неужели даже это не щекочет ваших нервов?

— Нет, Рязанов, — ответила она усталым голосом, — вы сами не хуже меня знаете, чего это стоит. Наглый интервьюер, которому нужны контрамарки для его знакомых, а кстати, и двадцать пять рублей в конверте. Гимназисты, гимназистки, студенты и курсистки, которые выпрашивают у вас карточки с надписями. Какой-нибудь старый болван в генеральском чине, который громко мне подпевает во время моей арии. Вечный шепот сзади тебя, когда ты проходишь: «Вот она, та самая, знаменитая!» Анонимные письма, наглость закулисных завсегдатаев... да всего и не перечислишь! Ведь, наверное, вас самого часто осаждают судебные психопатки?.. Слава, знаменитость сладки лишь издали, когда о них только мечтаешь. Но когда их достиг — то чувствуешь одни их шипы. И зато как мучительно ощущаешь каждый золотник их убыли...»[6]

В будущем, надо полагать, понятие «толпа» исчезнет. Слава из капризной истеричной девицы превратится в спокойную справедливую хозяйку дома, воздающую уважение в строгом соответствии с заслугами. Но и тогда всякий, кто станет не делу служить, а ей прислуживать, с неизбежностью вытянет пустышку. Служение муз, как сказал поэт, не терпит суеты.

Широко распространена точка зрения, согласно которой бессмысленно искать «какой-то особый» смысл жизни. Смысл в том, чтобы просто жить здоровой, нравственной, полноценной жизнью, уметь радоваться тому, что есть, и посылать подальше всех моралистов с их худосочными советами

Этот общий тезис вбирает в себя десятки разных вариантов. Такой пример:

«Может быть, — подумала я, — когда человеку трудно, не стоит искать смысла сразу всей жизни. Достаточно найти смысл сегодняшнего дня. А осмысленные дни протянутся во времени и пространстве и свяжутся в осмысленную жизнь. Смысл сегодняшнего дня в том, что я научила дочь новому знаку, поправила маленькую ошибку. А завтра поправлю еще одну и научу не повторять предыдущих»[7].

Ну, как тут протестовать, если человек хочет заниматься такими нужными, такими симпатичными делами, если он так скромен и весь нацелен на помощь другим? Собственно, протестовать и незачем. Жизнь достаточно часто вынуждает нас быть маленькими. Если это для нас трагедия — тогда спрос с жизни. Если же мы начинаем свою мизерность поэтизировать, то мы становимся действительно маленькими и никакими трудностями жизни это не оправдать.

Надо остановиться и на взглядах тех, кто ищет смысл человеческого бытия в любви, дружбе, единении с природой и так далее. Любовь, к примеру, в разные века часто воспевалась поэтами как единственное, ради чего стоит жить. Прозаики, проявляя к любви тоже достаточно внимания, показывали на конкретных судьбах, как трагически заканчивается обычно жизнь тех романтических героев, которые ставку всей жизни делают на любовь. И суть не только в том, что люди не совершенны, что любовь капризна и недолговечна. Между любовью и смыслом жизни есть принципиальное внутреннее противоречие. Смысл жизни достаточно часто почти отождествляют со счастьем. Чтобы не ходить далеко за примерами, можно сослаться на учебное пособие по этике. «Вопрос о счастье есть вопрос о смысле жизни»[8], — прямо утверждается в нем. Казалось бы, это и правильно, и гуманно: то, к чему стремится более всего каждый человек, и отождествить со смыслом его жизни. Что же, в таком случае любовь

---

[6] А. И. Куприн. Собр. соч. в 9 томах, т. 6. М., 1972, стр. 267—268.

[7] Виктория Токарева. Извиняюсь. Не расстреляют. «Литературная газета», 21 ноября 1973 г.

[8] А. Ф. Шишкин. Основы марксистской этики. М., 1961, стр. 423.

действительно способна выдвинуться на одно из первых мест среди гарантов смысла жизни. Но факты восстают против подобного отождествления. Они показывают, что, с одной стороны, можно быть счастливым и жить без высокого смысла, с другой — иметь этот высокий смысл, не будучи счастливым. Счастье — это комфорт нашей души, явление сугубо личное, непроизвольное, даже капризное. Много в нем, увы, от случая, от удачи. И пустые люди бывают счастливыми. Смысл жизни — явление более весомое и справедливое. Это общественная значимость нашей жизни в нашей собственной внутренней оценке. Жизни, взятой в ее целостности.

В этой связи стоит остановиться на очень популярном у многих людей идеале «простой здоровой жизни», исходящем из гармонического сочетания всех естественных ее компонентов. Идеале, в котором находит свое место и честное выполнение порученной работы, и поцелуй жены, и добрая рюмка в дружеском застолье, и горесть по поводу проигрыша «Спартака». Вариантов этот идеал имеет множество.

«Закончить среднюю школу, иметь любящего мужа и любимых детей, работать геологом — так я представляю себе счастье и все то, чего я хочу от жизни», — определяет свою жизненную программу 17-летняя польская девушка в ответ на вопрос журнала.

У всех комментаторов подобные взгляды на смысл жизни встречают обычно сочувствие и понимание, если даже сами они думают иначе. Вот размышления В. Шукшина возле могилы дяди Ермолая, исступленно приучавшего его когда-то в детстве к честному труду:

«...Стою над могилой, думаю. И дума моя о нем — простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что, был в этом, в их жизни какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или — не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Вовсе не лодырей, нет, но... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю иначе! Но только когда смотрю на их холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее?»[9]

Не легко выносить приговоры в подобных случаях. С одной стороны, Маркс выступал против фетишизации труда самого по себе без учета его «смысла» и условий, в которых он протекает, против наделения его «сверхъестественной творческой силой»[10]. Расхожие фразы типа: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры» — он называл буржуазными. Ленин веру мужика в то, что «ему навеки суждена «святая обязанность» быть конягой; его «завещанный от отцов и дедов» сервилизм» связывал, как известно, с реакционными чертами мелкого производителя, его забитостью[11].

Понимая это в исторических масштабах, перед лицом конкретного Ермолая или около его могилы, трудно решать вопрос о смысле жизни только теоретически. Шукшин, явно иначе понимая этот вопрос, не хочет вступать в спор с Ермолаем. Это ведь — как выносить приговор жизни матери — может, ты и прав, а судить не в праве.

Однако от теории подобной деликатности требовать не приходится. Она вправе судить обо всем. Идеал «простой» трудовой жизни складывался в народе, он выкован из реальной плоти народного быта, прочно стоит на земле и всегда был здоровой почвой для развития нравственности. Все это бесспорно. Но складывался он в условиях быстрого и жестокого пресечения любой попытки народа вмешаться в решение кардинальных вопросов его бытия, в условиях духовного подавления и всесторонней зависимости от эксплуататоров. Как в культуре классового общества Ленин учил видеть две культуры, так и в идеале «простой здоровой жизни» просматриваются две тенденции, две стороны, антагонистичные по своей сущности. Одна, идущая от самого народа, отражает стремление в бесчеловечных условиях сохранить человеческие ценности и идеалы, сохранить оптимизм, духовное здоровье, принципы равенства, добра и справедливости. Эти идеалы отстаивались в противовес корыстным идеалам богатства, власти, собственной исключительности, — идеалам, управлявшим жизнью эксплуататорских классов и без конца вербовавшим себе последователей из низших классов, как только у них возникала возможность «выйти в люди».

Но стоит ли забывать, что правящие классы всегда очень охотно поддерживали (при помощи школы, нравственной проповеди, церкви и полиции) идеалы «простой здоровой жизни». Идеалы эти неплохо уживались с готовностью безропотно трудиться, быть послушным, довольным тем, что есть, и не претендовать на большее. До сих пор массовая пропаганда и массовое искусство капиталистического мира не без успеха внушают обывателю: не лезь в политику (там сплошная грязь и безнравственность!), не лезь в философию (там одна заумь!), живи «простой здоровой жизнью», работай старательно, честно зарабатывай свой хлеб, люби жену, детей, учи их добру, позволяй себе маленькие слабости — се ля ви!

Нет, только честно выполнять свое маленькое дело, устранившись от всего, что творится в мире, ныне уже нельзя, это уже безнравственно. Теории, поэтизирующие «простые» реальные будни, частные добрые дела, аморфную «полезность» людям, не выдерживают испытания даже просто в силу локальности компонентов, на которые они опираются, в силу зримой несопоставимости их с такими тотальными понятиями, как жизнь и смерть.

Как бы мы ни жонглировали словами насчет того, что смерть для человека ничто, ибо «пока мы живы, смерти нет, когда умрем, нас не будет», смерть — это мрачная реальность, которая ревизует все наши ценности, норовя обратить их, как и нас самих, в ничто. Разумеется, после смерти нам смерть не страшна, но вряд ли образцом храбрости для нас может служить страус, «принципиально» не желающий видеть то, чего ему видеть не хочется. Есть ведь у смерти и важная педагогическая миссия. Мысль о ее неизбежности, к примеру, значительно снижает удовольствие от неприятности, устроенной соседу по коммунальной квартире, и побуждает успеть сделать за свою жизнь что-то хоть чуть-чуть более значительное. Но эта же мысль может и парализовать наше сознание, обессмыслив почти все наши действия и поступки, уравняв большое и маленькое, великое и смешное, благородное и подлое. Перед лицом смерти все равно, потому что все одинаково лишено смысла.

Лев Толстой всю жизнь бунтовал против этого — не хотел примириться, что смерть столь всесильна, что перед ней — все ничто. Но не находя силы, способной противостоять смерти, впадал в меланхолию, в тоску, не раз был даже на грани самоубийства. В зените писательской славы, в период чуть ли не идиллического семейного счастья, дополняемого хозяйственными успехами, с болезненной остротой вставал вдруг перед Толстым достойный его по своей прямоте и замаху вопрос: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»

«Прежде чем заняться самарским имением, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать, — писал он в своей

---

[9] В. Шукшин. Характеры, стр. 105—106.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 13.

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 421.

«Исповеди». — Пока я не знаю — зачем, я не могу ничего делать. Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..» И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну и что ж!..» И я ничего не мог ответить». Вопросы не ждут, надо сейчас ответить, если не ответишь, нельзя жить. А ответа нет... Я почувствовал, что то, на чем я стоял, подломилось, что мне стоять не на чем, что того, чем я жил, уже нет, что мне нечем жить...»

Тут стоит еще раз вспомнить про теорию малых хороших дел. Уж Толстой ли не приносил пользу? Уж он ли не жил честной, нравственной, трудовой жизнью? Уж ему ли не хватало «радости общения и понимания»? А вот, оказывается, мало всего этого человеку. Мало ему просто маленьких смыслов отдельных дней. Ему необходим, как воздух, высший смысл, такой, чтобы и смерть перед ним оказывалась бессильной. Можно предположить, что и на поиски бога Л. Толстого толкнула именно невозможность решить вопрос о смысле жизни перед лицом смерти.

На самом деле, если даже вопрос, как достигнуть благосостояния народа, переставал его трогать («а мне что за дело?») перед лицом смерти, то какие земные дела вообще могут выдержать это беспощадное испытание? Разве что только неземные. Однако что это за дела, ведь что бы мы ни стали делать реально — все в конечном счете оказывается делом земным. Поэтому, наверное, религиозные «подвиги», как правило, измеряются не тем, что человек делает, а тем, чего он не делает, от чего отказывается. Прямо скажем, в поисках потустороннего смысла жизни люди достигали фантастических высот, проявляли нечеловеческую силу духа, но...

В РОМАНЕ Сергея Залыгина «Комиссия» есть очень симпатичный женский образ. Еще желторотым подростком оказалась Зинаида в состоянии повести за собой сход мужиков. Ни каторжный труд, ни заботы не убили у нее жажды добра для всех и правды. Изо всех сил старается Зинаида понять логику поступков Алексея, божьего человека.

«— Жил у богатых родителей Алексей, в довольстве и сытости. Родители его поженили. А в ту ночь, как бы ему с молодой женой остаться на ложе, он взял да и ушел из дому. В нищие.

— Ой, как он же, значит, и не любил невесту-то? — поражается Зинаида. — И даже ненавидел?! Этак-то с ненависти только и можно сделать.

— Нет, это он ради святости.

— Да какая же в том святость? Ну и не женился бы, и не давал бы невесте согласия, а то у ей-то в ту ночь как на душе образовалось — он и не подумал? Ежели она-то его любила?..

— Дольше семнадцати годов пробыл Алексей в неизвестности, нищенстве и в скитаниях, после вернулся домой, но родителям не сказался. Поселился у их в ограде, в хлевушке, как нищий, и оттудова кажный день глядел на мать свою, которая по ему непрестанно убивалась, и на невесту, которая так и жила под кровом жениха своего и так же убивалась и роптала, как ее свекровь со свекром. И так продолжалось снова семнадцать годов, — идет рассказ о святом подвиге Алексея.

— Снова — семнадцать?! — совершенно уже изумилась Зинаида. — Да оне-то, святые-то, и не стыдно им так себя вести? Мать страдает, невеста убивается, а он поглядывает на их слезы семнадцать годов, и ничто ему?! Непонятно нисколь! Ведь тот же самый у его выходит разбой, что и у злодея! Вот злодей убил бы Алексея, и что? И сделал бы то же самое страдание его родителям и невесте, какое он для них собою сам сделал...»[12]

Эта «простая» женщина заставила меня вдруг взглянуть на все традиционные религиозные «подвиги» с позиций здравого смысла, предложив рисовать Алексея — божьего человека — на иконах «с махонькой с такой головкой». И действительно, что за бессмысленность такого рода «высший смысл»! Вспомнился сразу Марк Твен с его вполне реалистической зарисовкой картинок из жизни святых:

«До самого вечера мы таскались от отшельника к отшельнику. Это был в высшей степени странный зверинец. Казалось, отшельники соперничали друг с другом главным образом в том, кто превзойдет остальных нечистоплотностью и разведет вокруг себя больше насекомых. Все их повадки свидетельствовали о необычайном самодовольстве. Один анахорет, например, гордился тем, что лежит голый в грязи и разрешает насекомым кусать себя; другой тем, что стоит весь день у скалы, на виду у восхищенных паломников, и молится; третий тем, что, раздевшись догола, ползает на четвереньках; четвертый тем, что много лет подряд таскает на себе восемьдесят фунтов железа; пятый тем, что никогда не ложится спать, а спит стоя, среди терновника, и храпит, когда паломники собираются вокруг и глазеют на него. Одна женщина, прикрывавшая свою наготу только седыми волосами, стала черной от головы до пят благодаря сорокасемилетнему благочестивому воздержанию от воды. Вокруг каждого из этих странных людей в почтительном изумлении стояли паломники и завидовали благодати, которую те стяжали себе на небесах своими набожными подвигами»[13].

Нет, такого рода «возвышение» над будничными земными делами высшего смысла жизни не создаст! Оно, стоит взглянуть лишь «свежими» глазами, как у Зинаиды, совершенно бесцельно и бессмысленно. А нужна цель. Большая. Как говорит герой повести Анатолия Макарова «Человек с аккордеоном»:

«Прошлое счастье не утешает. И вот после многих приступов бессонницы и отчаяния я понял, что единственный выход в том, чтобы иметь цель — реальную или недостижимую, — важно, чтобы большую, не теряющую со временем своей притягательности и такую всеобъемлющую, чтобы в этом смысле она была равна — равносильна, равнодейственна — самой смерти»[14].

Но кто же тут может считаться экспертом, какую цель разрешается считать приемлемой, какую нет? Давайте прикинем, разве в нашей реальной земной жизни не случается ничего, что оказывается для нас практически выше самой по себе проблемы жизни и смерти? Давайте переберем в уме все известные нам случаи, когда человек отдает жизнь за что-то, притом не в запале, а твердо взвесив и убедившись, что так будет лучше ему самому. Давайте вспомним критические моменты собственной жизни, ее наивысшие порывы. Давайте сопоставим духовные ценности, осмыслим признания людей, сделанные ими в конце жизненного пути, — какие моменты они вспоминают с гордостью и удовлетворением, а что обернулось пустотой и разочарованием?..

Ошибка Льва Толстого при попытках решить «вопрос вопросов», наверное, состояла в том прежде всего, что, сопоставляя со смертью жизнь, он рассматривал ценности не в их фактической функции, не в реальном жизненном звучании, а вычленяя их в изолированном, абстрактно-логическом виде, то есть умерщвляя их. Абстрактные рассуждения в минуту хандры о том, как народу достигнуть благосостояния, тоже способны вызвать фразу: «А мне-то что за дело?» Но когда мужики начали умирать вокруг с голоду — Толстому, насколько помнится, было не до размышлений: а какой смысл в их спасении? Его кипучей энергии в эти минуты мог бы позавидовать и молодой. Когда дело доходило до реальной борьбы за самые заветные идеалы, Толстой готов был пойти на любые жертвы и совершенно забывал о себе, своей смертности и прочих грустных вещах. Никогда, в самые мрачные минуты, не ставил он под сомнение, к примеру, нужности и важности нравствен-

[12] «Наш современник», 1975, № 9, стр. 99—101.
[13] М. Твен. Собр. соч. в 12 томах, т. 6, М., 1960, стр. 457.
[14] «Юность», 1974, № 6, стр. 30.

но-просветительской своей деятельности. Это было выше его, выше любого философствования. Практически тем самым это оказывалось для него выше вопроса о жизни и смерти.

Фритьоф Нансен — великий путешественник, кумир многих поколений полярников. Спросите человека, знающего о нем по популярной литературе,— обязательно скажет, что уж он-то, Нансен, в смысле жизни не сомневался, с фанатичной страстью покоряя и изучая Север. Стоит при этом вспомнить, однако, что были в его жизни периоды, когда он решительно зачеркивал все свои победы и открытия.

«Да где же непреходящая ценность в моих делах? В решении проблем, которые скоро забудутся... в этом бессмысленном стремлении не прожить жизнь впустую, а оставить в ней след, ничего не значащее громкое имя?..»[15]

Все ли людские дела можно так вот перечеркивать? Совсем нет. Когда Нансен борется за спасение от гибели эскимосов, за спасение от голодной смерти миллионов людей в революционной России, когда обличает войну и призывает человечество объединиться, он тоже забывает и о себе, и о философских проблемах смысла жизни, и о престиже своего имени, и о прочих суетных деталях.

«Когда же пойдет новое поколение, которое стряхнет всю эту наносную шелуху и заживет собственной жизнью, будет самим собою, свободными мужчинами и женщинами, перестанет возвеличивать мелкое и низменное, вернет красоту и гармонию на принадлежащие им высокие места в жизни?! Новая эра должна наступить, должно наступить возрождение, с новыми идеалами, когда духовные ценности снова сделаются главной целью, а материальные блага лишь побочными, когда ничтожество и посредственность не будут больше править миром, а великие умы поведут людей в более возвышенные области...»[16]

Когда Нансен в разгар первой мировой войны страстно провозглашал эту новую эру, для него, надо полагать, не было вопроса, есть ли в жизни высокий смысл жизни и в чем он состоит.

Только из обобщения таких вот реальных фактов, из анализа реальных состояний человеческой души, по-моему, и можно делать выводы о том, что есть для человека высший смысл жизни. Всякие же иные постановки вопроса (к примеру: что должно быть для человека смыслом жизни? или: что такое вообще смысл жизни, безотносительно к человеку?) — это пустая декламация. Ведь когда мы говорим: все в человеке, все для человека, — не абстракцию мы имеем в виду, а конкретных людей — живших и живущих и тех, что будут жить.

«...Никакие гармонии, никакие идеи, никакая любовь или прощение, словом, ничего из того, что от древнейших до новейших времен придумывали мудрецы, не может оправдать бессмыслицу и нелепость в судьбе отдельного человека...»[17]

Право же, в самой постановке вопроса с идеалистом Львом Шестовым нельзя не согласиться, вот только альтернатива им поставлена совершенно неправомочно, потому что отдельный-то человек, став всерьез «отдельным», перестает быть человеком. Именно ему нужны гармония, идеи, любовь, цели, которые были бы выше его, не кончались на нем. Многим может человек пожертвовать ради славы, власти, богатства, комфорта... Ну, а жизнью? Да какой же смысл в такой жертве, ведь только для себя, для своей жизни человек и гонится за всем этим!

Для В. Г. Белинского отдельный человек тоже был превыше всего. Он прямо это подчеркивал в письме к В. П. Боткину:

«Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здравия китайского императора...» Но: «Мне говорят: развивай все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом, плачь, дабы утешиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись к совершенству, лезь на верхнюю ступень лестницы развития... Благодарю покорно, Егор Федорыч[18] — кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастия и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братий по крови...» «Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братиями моими!»[19]

На эту цитату можно, конечно, ответить, что таких «отдельных людей», как Белинский, за всю историю человечества можно по пальцам перечесть, а легион имя таким, как герой «Записок из подполья», который говорил: «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»[20].

Так вот в том и суть, что Белинский со своим подходом прожил жизнь с огромным смыслом, а «легионеры» эти, даже преуспев по всем важным для них параметрам, угнетаются своей ничтожностью, поносят жизнь и высокие идеи, которые якобы не оправдали их розовых ожиданий.

Можно было бы, конечно, проанализировать причины, почему человек стал существом общественным, но в данном случае это и не обязательно. Важно, что человек стал именно таким, а не другим. Устойчивое, прочное, глубокое счастье, которое не приедается, не разочаровывает, не измельчается, может дать человеку только участие в борьбе за высокие человеческие идеалы, за общее счастье, за разумное, справедливое устройство человеческого общества. Конечно, чтобы испытать счастье, надо, чтобы эта была достаточно масштабная борьба, а итоги ее — достаточно весомыми. Не каждый имеет возможность прямо участвовать в борьбе большого размаха. Но надо, наверное, стремиться к пределу возможного. Даже если добьешься немногого, даже если ничего не добьешься и не испытаешь счастья, жизнь твоя все-таки будет иметь смысл. Это тоже немало. Без счастья жить трудно, но можно. Без смысла — нельзя.

Венгерский психиатр Лазар, к примеру, рассказывал о том, как сорокалетний токарь Т. Т. пытался расстаться с жизнью из-за того, что у него «порвался шнурок на ботинке». До этого, правда, была двойка по поведению у сына, ссора с женой, бессонная ночь, опоздание на работу и выговор от мастера, но переполнил чашу терпения все-таки этот злополучный шнурок. Что ж, когда жизнь лишена глубокого смысла, повод для разрыва с ней найти нетрудно. В связи с этим вспоминается герой повести Г. Уэллса «Люди как боги», который побывал в гармоническом обществе будущего и загорелся великой целью добиться его на земле.

«...Мистер Барнстейпл понял, что теперь он душой и телом принадлежит Революции — Великой Революции, которая уже зреет на Земле, которая уже началась и не прервется и не угаснет, пока старушка Земля не станет единым государством и на ней не воцарится Утопия. Он ясно видел теперь, что эта Революция и есть Жизнь, что все другие формы человеческого существования — лишь жалкая сделка между жизнью и смертью»[21].

Думается, мистера Барнстейпла уже никакая ссора с женой, не говоря

[15] Лив Нансен-Хейер. Еще один Фритьоф Нансен («Знание — сила», 1973, № 10).
[16] Там же.
[17] Л. Шестов. Собр. соч. в 8 томах, т. 3. СПб., 1911, стр. 120.
[18] Так между собой они называли Гегеля.
[19] Из писем к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г. и от 8 сентября 1841 г. (В. Г. Белинский. Избр. философ. соч. в 2 томах, т. 1. М., 1948, стр. 573, 589).
[20] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. V. Л., 1973, стр. 174.
[21] Герберт Уэллс. Собр. соч. в 15 томах, т. 5. М., 1964, стр. 368.

уж о порвавшемся шнурке, не толкнет в петлю. А ведь перед путешествием ему тоже жизнь казалась противной.

Когда мы говорим Борьба, Революция, то это, разумеется, не должно ассоциироваться только с подпольными собраниями и стрельбой на баррикадах. Борьба — широкое, многоэтапное явление. В разное время, в разных условиях и бороться приходится по-разному. Рецепты для этого заранее не разработаны. Каждый раз людям приходится решать заново: за что на данном этапе следует бороться, против кого (или чего) и как. Борьба за коммунизм, к примеру, — это не только выработка экономической теории и политической стратегии, это обязательно выработка идеала, новой системы ценностей, принципов взаимоотношения человека с обществом, человека с человеком, человека с природой. Последнее, кстати сказать, с каждым прожитым днем приобретает все большее значение, обретает все больший смысл.

«Я уже видел тропические атоллы, превращенные в загаженные свалки, и арктические льды, черные от мазута, — говорит президент Международного союза по защите животного и растительного мира океанов Жан Ив Кусто. — Уничтожая океан, мы уничтожаем тем самым свое будущее. А это может случиться, если мы будем сидеть сложа руки».

И Кусто не сидит сложа руки. Сорок лет бороздит он на бывшем тральщике моря и океаны, выбирается из ледовых ловушек, спасается от штормов, лавирует на лодчонке среди китов и касаток, снимает фильмы, пишет книги, отдавая всю выручку обществу по «защите всего живого на Земле».

Такая борьба смысл жизни вполне составит! Думаю, что это даже доказывать не требуется. Когда в США год назад провели опрос на тему «Кому вы хотели бы пожать руку?», Жак Ив Кусто занял пятое место в списке.

Да, но какое это все имеет отношение к письмам Людмилы и Ларисы? Если смысл жизни обретался бы лишь на делах планетарного масштаба, то нам с ними и претендовать на него не стоило бы. Борьба за будущее идет в разных формах и на разных уровнях. Борются люди. Порой в одиночку, но не каждый сам по себе. И «простой» труд, и самые повседневные дела могут стать частицей этой коллективной борьбы. Нужно, чтобы были. И когда человек улавливает реальную связь своих пусть маленьких дел с той Великой Революцией, о которой говорил мистер Барнстейпл, когда он видит, что пусть немного, но реально, действительно помогает ей, этой Революции, жизнь его обретает высокий смысл, а смерть, одолев его самого, окажется бессильной перед его делом.

И не кого-то мы облагодетельствуем своей «борьбой», нам самим это нужно, чтобы совесть была чиста, чтобы достоинство было не унижено, чтобы жизнь давала удовлетворение. Очень хорошо сказал об этом Герцен в письме к сыну:

«Вспомним маленького Грибуля: и он пострадал за правду из желания, чтоб всем было хорошо. Те, которые гонят, осуждают за это, те хотят, чтобы только им было хорошо... Но быть Грибулем не только выше, но и веселее. Помнишь, как он в тюрьме приучил мышей, лягушек и пел песни? На совести у него ничего не было, он сделал свое дело, а какой-нибудь Бурбон, отравивши жизнь другим, мучится, боится, стыдится. Так-то и я хочу со временем видеть тебя идущим по дороге, по которой я шел 25 лет. Не думай, чтоб нужно было натыкаться самому на беды — нет, надобно быть готовому на всякую борьбу. Не придет она — можно другое делать. Но если придет — что бы ни было, стой за свою истину, за то, что любишь, а там что бы ни вышло...» [22]

Ну, а как же с конкретными рекомендациями для Людмилы, Ларисы и других? Это же все слишком общо?

Каждому человеку можно, наверное, дать множество советов, как сделать жизнь интереснее, содержательнее, но в нашем сегодняшнем разговоре таких советов, по-моему, давать не стоит. Даже вредно, если хотите. Это приведет еще к одной иллюзии, будто высший смысл может сам собой зародиться из частной интересности. Жить интересно и жить со смыслом — не всегда одно и то же. Мы уже приводили слова Чехова: «Призвание всякого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни». Казалось бы, не такой уж «узкий» совет и по самому главному пункту — жить «духовной жизнью», что может быть выше и человечнее? Но жизнь показывает: даже столь возвышенное и широкое понятие, как «духовные искания», может девальвировать. Не будем тратить время на критику тех, кто откровенно профанирует это выражение, кто из желания выглядеть красивым или под воздействием моды скупает иконы, выставляет на видное место томики Бергсона и Шопенгауэра, гоняется на черном рынке за Кафкой, кто глубоко убежден, что жить духовной жизнью — это читать или разговаривать про что-нибудь очень возвышенное и совершенно непонятное. Такого рода «искания» настолько сродни «поискам» туфель на платформе или дубленки, что позволительно отделаться от них легкой иронией.

Но есть огромная группа истинно интеллигентных людей, которые предпринимают поистине героические усилия, чтобы прочитать все новинки литературы, не упустить ни одной премьеры в театре, обойти все серьезные концерты, уследить, хотя бы по популярным изданиям, за всеми научными открытиями и т. д. и т. п. Подобное подвижничество было бы достойно самого глубокого уважения, если бы сопровождалось хотя бы приблизительной систематизацией, анализом, приводило хоть к каким-то серьезным обобщениям и духовным открытиям. Увы, чаще всего эти люди идут к произведениям искусства и научным трудам не с тем, чтобы найти советы на мучающие их вопросы, проверить свои убеждения, вдохнуть новую жизнь в идеалы и повлиять на человеческую историю. Им просто нужно «быть на высоте», «жить духовной жизнью». Они переваривают духовную информацию не для того, чтобы потом развить ее, обогатить, передать другим. Они духовные гурманы, им важен не результат, а процесс. И как гурманы, они обычно тонко разбираются в нюансах, не улавливая зачастую общего смысла или находя его там, где никакого смысла нет вообще.

Смысл жизни в том, чтобы жить жизнью духа, скажут вам они, убежденные, что всю жизнь свою посвятили «духовным исканиям». Но исканий-то и нет. Есть духовное потребительство, более интеллигентное и изящное, чем потребительство материальное, но, увы, столь же всеядное и бесцельное.

Что же говорить о том, куда могут завести более частные рекомендации? Жизнь — это искусство. А как известно, стихи можно научиться писать, но научить писать стихи нельзя. Поэзии, вдохновению, таланту не научишь. В вопросе о смысле жизни, думается, коллективно можно искать общие законы, общие принципы, а как применить их в конкретных условиях конкретному человеку, сколько ему на себя взвалить,— это каждый должен решать сам. В духовной сфере чужая ткань тоже ведь отторгается.

---

[22] Письмо А. А. Герцену от 12 июня (31 мая) 1851 г. Париж («Неделя», 1975, № 22).

В БОРЬБЕ ЗА ЧЕЛОВЕКА

Л. БРУТЯН,
кандидат исторических наук

ИСТОРИЮ молодой женщины Норы К. мне рассказали буквально в первый день приезда в Ереван. Ее родители были неверующими, сама Нора с иронией относилась к тем, кто спозаранку бил поклоны всевышнему. Она успешно окончила школу, вышла замуж, родила дочь. Потом заболел ребенок, ей пришлось расстаться с работой. Начались ссоры в семье и, наконец, наступил разрыв. Нора осталась одна с больным ребенком. Однажды к ней подошла старушка-соседка, предложила помочь. Тягостным было одиночество для Норы, вот почему она с радостью впустила старушку в дом. Надо Норе в магазин, в аптеку — старушка сидит с дочерью. Постепенно старушка стала внушать Норе мысль обратиться к богу:

— Никому ты не нужна, милая. Один бог обо всех думает. В его руке жизнь и смерть. Смири гордыню, пожалей ребенка...

В конце концов старушка своего добилась: Нора стала верующей.

— Не помогли молодой женщине, просмотрели, — подытожил рассказ мой собеседник. — Теперь «братья» и «сестры» ей самые близкие люди... И противостоять этому очень трудно...

Еще одну поучительную историю поведал мне доцент Ереванского университета Генрих Аветисян:

— Родился я в селе Учан Аштаракского района, родители были верующие. Мы — пятеро братьев и две сестры — получили религиозное воспитание. Я запоем читал религиозную литературу, был уверен, что все там — правда.

В университете пытался пропагандировать среди студентов Библию, искренне веря, что спасу их души от адского пламени.

В комитете комсомола меня спросили: «Это правда, что вы верите в бога?» — «Правда! — с гордостью ответил я. — И очень жалею, что вы не верите...»

Меня пытались переубеждать, но безуспешно. Я же решил, что мое место в Эчмиадзине, в духовной академии. И поступил туда. Однако, приглядевшись, начал понимать, что окружают меня в большинстве своем не святые, а святоши.

Я окончил семинарский курс; как лучшего меня послали в духовную академию в Загорск. Там тоже немало было таких, что мечтали о теплом местечке, с пренебрежением отзывались о своей будущей пастве

Вначале я думал, что все это испытания, посланные мне богом, чтобы укрепить мою веру. Я молился, постился, читал Библию, раздавал деньги старушкам на паперти. Однако все чаще и чаще меня одолевали сомнения.

Помню, как первый раз я взял в библиотеке книгу «В. И. Ленин о религии» и читал ее всю ночь напролет. Следом за ней начал читать другую атеистическую литературу. Стал ходить в кино, в театр. Вера моя день за днем угасала.

Порвав с религией, вернулся в университет, поступил в аспирантуру, защитил диссертацию. Словом, начал новую жизнь...

Нора К. и Генрих Аветисян долго не выходили у меня из головы. Осматривая древние храмы Гехард и Гарни, я думал: сколько здесь еще людей молится, причащается. И многие из них родились в наше время, учились в советских школах, даже институтах. Значит, и в наше время есть факторы, способствующие воспроизводству религиозности. В нашей стране, где церковь отделена от государства и школа от церкви, основной канал религиозного влияния — это семья. Именно в семье под влиянием верующих родителей, в результате их активного воздействия дети становятся религиозными. И если подросток, окончивший школу, продолжает верить в бога, значит во время учебы он не получил необходимой атеистической убежденности. Ведь само по себе знание математики, биологии или истории не ведет к атеизму. А какие пути приводят к богу взрослого человека? Воспроизводству религиозности способствуют и нарушения норм социалистической морали, законности, разлад человека с обществом и с самим собой. Каждый раз тут действует несколько причин. И ни одна из них не лежит на поверхности. До каждой нужно докопаться.

Это в значительной мере определяет сложность задач, стоящих перед атеистами, в частности перед обществом «Знание» Армении, его передовым отрядом — Ереванской городской организацией общества. Насколько успешно они решаются — свидетельствуют некоторые факты, о которых рассказала ответственный секретарь столичной организации Г. Даштоян:

— В 1975 году члены общества прочитали несколько тысяч лекций: «Отношение КПСС, Советского государства к религии», «Религия в СССР и за рубежом», «Ленин и религия», «Законодательство СССР и религиозное сектантство», «Сущность «христианского социализма», «Медицина и религия» и другие. С лекциями, беседами выступают доктора и кандидаты наук, преподаватели учебных заведений Еревана. Что делается — можете увидеть сами. Побывайте, к примеру, в Орджоникидзевском районе,— советует Г. Даштоян.

И вот я еду в Орджоникидзевский район.

— В 1961 году, — рассказывает ответственный секретарь районной организации общества «Знание»

А. Аслаян, — мы создали секцию научно-атеистической пропаганды. В ней 50 человек. Это преподаватели вузов, школ, врачи. Члены секции организуют лекции и беседы на заводах, в школах, в Домах культуры, ведут индивидуальную работу с верующими. Надо сказать, что на первых порах беседы с верующими пожилого возраста о религии заметного эффекта не давали. И тогда мы пошли по другому пути. Собирали стариков, читали им лекции, сначала на научно-популярные, а затем и на атеистические темы.

Особое внимание обратили на работу с детьми. При всех школах района созданы родительские университеты, уголки атеистической пропаганды, где проводятся тематические вечера, вечера вопросов и ответов, читаются лекции. В своей работе мы опираемся на поддержку районного комитета партии, на помощь райкома комсомола.

О многих трудностях в организации атеистического воспитания я узнал из беседы с председателем Правления республиканского общества «Знание» доктором философских наук Т. Исаяном.

— За последнее время, — говорит профессор Т. Исаян, — в республике несколько активизировалась деятельность общественных организаций по пропаганде научно-атеистических знаний. Мы постоянно ощущаем заботу и помощь партийных организаций. В нашей республике создана система атеистического воспитания, призванная охватить самые различные слои и группы населения. Только по линии общества «Знание» за последние четыре года прочитано более 12 тысяч лекций. В районах побывало 185 лекторов-атеистов из числа ученых, преподавателей вузов, партийных и советских работников. В столичном Доме политпросвещения состоялась научно-теоретическая конференция для пропагандистов и лекторов-атеистов, посвященная вопросам атеистического воспитания. Подобные кустовые семинары и конференции были проведены в Ленинакане, Кировакане, Степанаване. В республике успешно действуют 23 народных университета научного атеизма. В них — 4250 слушателей.

Надо сказать, что за годы Советской власти у нас большинство населения порвало с религией. Да и те, кто до сих пор привержен к ней, сейчас, по сути, уже не являются глубоко верующими. В итоге религиозные общины стали немногочисленны. Чтобы не допустить полного их распада, духовенство стремится создавать вокруг активно отстаивающих свои заблуждения своеобразный ореол борцов, устрашает тех, кто уходит из общины. А ведь в нашей республике, кроме приверженцев армяно-григорианской церкви, есть и многие разновидности христианского сектантства. Это баптисты, адвентисты седьмого дня, молокане, духоборы. Много верующих и среди армянских репатриантов, вернувшихся на родину.

Особо важное значение имеет атеистическое воспитание молодежи. В ее среде порой проявляется мировоззренческий индифферентизм, безразличие к вопросам и религии, и атеизма. Это объясняется тем, что юноши и девушки лишь из рассказов старших, из книг знают о реакционной роли религии в истории Армении. Они не испытывали того духовного и социального гнета, которому подвергались их отцы и деды до революции. Сталкиваясь с тем, что художники и писатели использовали религиозные сюжеты в своем творчестве, что церковные здания как памятники культуры охраняются государством, молодежь усваивает в корне неверное представление о религии как носителе культуры.

В Ереване, в некоторых магазинах продают такие сувениры, как изображение церквей и соборов, чеканка со всевозможными религиозными сюжетами. Выпускаются эти предметы, естественно, государственными предприятиями. Но те, кто утверждает такой ассортимент, смотрят на это, я считаю, не по-государственному.

Мы, пропагандисты, не можем оставаться равнодушными к отдельным фактам, способствующим консервации религиозных предрассудков. В силу малого жизненного опыта, политической незрелости молодежь нередко принимает лицемерное сочувствие за дружеское участие, как это было в случае с Норой К. Конечно, лучший агитатор — сама наша социалистическая действительность. Участие в коммунистическом строительстве расширяет кругозор человека, создает уверенность в собственных силах. Задача пропагандиста заключается в том, чтобы раскрыть несостоятельность религиозного миропонимания, помочь человеку разобраться в сложных мировоззренческих вопросах.

— А каковы формы атеистической работы с населением? — спрашиваю я.

— Это лекции, — продолжает Т. Исаян, — беседы в производственных коллективах, по месту жительства, выступления ученых по телевидению, радио. Неплохо зарекомендовали себя вечера вопросов и ответов. Важным средством подготовки кадров пропагандистов стали атеистические факультеты народных университетов.

И действительно, в этом я убедился, познакомившись с атеистической работой в Ленинском районе Еревана, где открыт народный университет атеистических знаний при кинотеатре «Севан». Работники кинотеатра организовали в сквере на площади Спандаряна открытую площадку для показа короткометражных атеистических лент. Такой же университет действует в Доме культуры на улице Норагавита. Лекции здесь проводятся раз в месяц. Работу лекториев направляет районная секция по научному атеизму.

Активисты атеистической пропаганды Ленинского района Т. Мхитарян, А. Мимакоян, А. Джаленян, О. Геворкян, А. Уананян внесли немало предложений по улучшению работы. По их мнению, следует организовать на всех крупных предприятиях, при жэках, кинотеатрах школы начальных знаний о природе и обществе, оборудовать уголки атеиста.

— К лекторской работе, — отмечает Т. Исаян, — привлекаем специалистов, которые хорошо знают священные книги, разбираются в тонкостях религиозных догматов, владеют искусством убеждения. Важную роль в атеистической работе играют массовые средства информации — радио, телевидение, печать. На республиканском телевидении регулярно готовятся передачи, разоблачающие антинаучность религиозного мировоззрения. Циклы лекций по научному атеизму читаются по радио. Материалы на атеистические темы публикуют газета «Коммунист» и молодежная газета «Авангард». Сейчас мы видим главную задачу в том, чтобы атеистическая пропаганда носила конкретный, целеустремленный характер, чтобы она велась с учетом степени и характера религиозности в городе, районе, селе и теснее увязывалась с воспитанием трудящихся в духе коммунизма.

Да, в республике ныне ощущается оживление атеистической пропаганды, и этому немало способствовало внимание партийных органов к этой работе. Я присутствовал на совещании пропагандистов, которые разрабатывали мероприятия по улуч-

шению атеистической пропаганды. Здесь я познакомился с председателем секции научного атеизма Ереванского общества «Знание» А. Свасяном. Простое перечисление его обязанностей займет не одну строку: ректор телевизионного университета по атеизму, руководитель семинара по методике атеистической пропаганды при городском кабинете политпросвещения, преподаватель научного атеизма в нескольких институтах. Он и автор пьес, научно-популярных книг, таких, например, как «Миф о Христе», «Ответы на вопросы верующих», «Антирелигиозная викторина», «Методика атеистического воспитания в школе».

Впервые я услышал о нем в связи с показательным процессом в Эчмиадзине по «делу муллы из Мехмандара». Самозванец и шарлатан за солидную мзду «исцелял» больных, «изгонял нечистого духа» из людей и коров, снабжал жаждущих «приворотным зельем» и другой продукцией.

Армянин по национальности, «мулла» грубо обманывал верующих, и мусульман и христиан, а на суде, ссылаясь на Коран и на волю Аллаха, угрожал карами небесными всем собравшимся. А. Свасян, который на этом процессе выступал общественным обвинителем, спросил самозванного муллу:

— С каких пор мусульманский Аллах стал защитником христиан?

— А это мое дело, — ответил «святой». — Я — посредник между людьми и богом. Как захочу, так оно и будет...

И зал, в котором присутствовали многие сторонники «святого», верившие ему, искавшие у него «исцеления», понял комизм ситуации, послышался смех. Свасян задавал вопрос за вопросом, и припертый к стене самозванец растерялся, начал грубить. Зал возмущался все больше.

Этот процесс подсказал Свасяну идею документального фильма «Доморощенные святые», который был снят и с успехом прошел в кинотеатрах республики. А потом убедительный разговор о «святых»-самозванцах Свасян повел на студии телевидения, с трибуны народных университетов Еревана, Кировакана, Эчмиадзина, в сельских клубах Арташатского, Алавердского, Степанаванского районов.

Хорошее знание жизни верующих, умение критиковать религиозную идеологию сделали Свасяна популярным в Армении лектором. Куда бы ни пришел он с лекцией, беседой — в научно-исследовательский институт, на завод, в колхозный клуб — его выступления всегда привлекают большую аудиторию. Потому что в каждой лекции — а всего их было прочитано несколько тысяч — проявляются горячая убежденность, знания, опыт.

Первая лекция Свасяна состоялась в 1928 году. Вместе с другими комсомольцами Свасян разоблачал «чудеса», выступал на атеистических диспутах и одновременно учился искусству пропаганды атеизма. После окончания высших антирелигиозных курсов он в качестве лектора крайкома партии читал лекции в республиках Закавказья. Читал хорошо, и его стали приглашать в Киев, Ленинград, рекомендовали на работу в Москву, а газета «Безбожник» отмечала его как одного из лучших пропагандистов.

В лекциях он не уходит от острых проблем, не уклоняется от ответов на «каверзные» вопросы. Это помогает найти путь к сердцу человека, заронить сомнения, поколебать веру в бога. Вот одно из писем, которые обычно получает Свасян после чтения лекций. Оно пришло из Нор-Ареше: «Я не любитель ходить на такие лекции, но ваша буквально потрясла меня, настолько она была интересна, насыщена убедительными фактами. Вы правильно отметили, что религия — опиум, размягчающий волю человека. Я осознал это на своем опыте. Ваша беседа, я уверен, поможет прозреть многим...»

Вспоминается беседа с ветераном атеистической пропаганды Михаилом Степановым.

— На основании многолетней работы с верующими, — говорил Степанов, — я пришел к выводу, что самое эффективное воздействие оказывает индивидуальная работа. Естественно, она требует большого терпения, времени. Пока верующий не почувствует в тебе друга, он не раскроет своего сердца. Нужно хорошо знать человека, его жизнь, заботы, трудности, уметь помочь ему, ни в коем случае не оскорбляя его религиозных чувств.

Я слушал неторопливую речь пропагандиста и вспоминал историю бывшего пророка В. Кудряшова, некогда широко популярного среди ереванских молокан. Человек недюжинного ума, он имел среди единоверцев непререкаемый авторитет. Потом прозрел, порвал с религией и уехал в другой город, чтобы начать новую жизнь.

Но единоверцы не оставили его. Злорадствовали по поводу отдельных жизненных неудач, запугивали небесными карами, стремясь вернуть «заблудшую овцу». По наущению «сестры Параши» и «брата Абрама» дочь Кудряшова бросила учебу в школе, отказалась встречаться с отцом.

И в это трудное время, как вспоминал впоследствии Кудряшов, нашлись добрые люди, которые окружили его вниманием и заботой, помогли вернуться к активному труду. Именно Михаил Степанов помог Кудряшову. По просьбе пропагандиста администрация предприятия выделила Кудряшову двухкомнатную квартиру в новом доме.

Большой победой пропагандиста стал разрыв Кудряшова с верой в бога и его выступление в республиканской газете «Коммунист» со статьей «Почему я порвал с религией». Это оказало большое воспитательное воздействие на верующую молодежь.

Встречаясь с атеистами Армении, я убедился, что они понимают атеистическое воспитание как важную составную часть идеологической работы. Коммунистическая партия поставила перед идеологическими работниками задачу — решительно бороться с религиозными предрассудками. Борьба с влиянием религии — это борьба за нового, всесторонне развитого человека.

Важнейшим итогом прошедшего шестидесятилетия назвал товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду партии формирование нового человека. Это — «человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях... Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и огромную жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять».

Только такому человеку-творцу, человеку высокой идейности и общественной активности по плечу успешное осуществление исторических начертаний XXV съезда ленинской партии.

✦

ГЛАВНОГО СЛОВА РАДИ

Г. ТЕРЕЦ,
инструктор Целиноградского обкома КП Казахстана

В АНКЕТЕ, распространенной среди пропагандистов атеизма, был такой вопрос: «Что вы считаете наиболее важным для успеха в общении с верующими?» Пожалуй, наиболее кратко, выразительно и точно ответил внештатный лектор Ерментауского райкома партии Целиноградской области Е. П. Степанов: «Главное — быть человеком».

— Собственный многолетний опыт и опыт моих товарищей, — рассказывает Елизар Прохорович, — подтверждает, что в индивидуальной работе с верующими невозможно обойтись без знания психологии. Двух людей, абсолютно одинаковых по характеру, жизненному опыту, развитию, условиям жизни, мотивам и степени религиозности, просто не существует. Поэтому и работа должна быть разнообразной, свободной от шаблонов. Чаще всего успех дела решает не столько атеистическое убеждение, сколько атеистическое действие: практическая помощь в устройстве на интересную работу, в улучшении жилищных условий и вообще быта, вовлечение в общественную жизнь, поддержка в трудную минуту.

Если внимательный, чуткий подход к человеку, как правило, приводит к положительным результатам, считает Е. П. Степанов, то необдуманное, грубое слово ведет не к ослаблению, а к закреплению религиозности. К верующим следует относиться с полным доверием. Преобладание у них интересов, тождественных с интересами неверующих, — это опора, с помощью которой пропагандист вернее всего может добиться успеха. Если же (пусть даже неосознанно) главным для атеиста становится не то, что объединяет его с верующим, а то, что разъединяет, то проку от такой работы не будет.

— На фронте среди моих однополчан, — говорит Степанов, — были и верующие. Мы вместе ходили в атаки, вместе сдерживали врага. И сейчас верующие работают рядом с нами. Это сближает нас и заставляет бережно относиться к их чувствам, щадить их достоинство.

Елизар Прохорович хорошо знает в своем районе верующих, их основные привычки, условия жизни. Исходя из особенностей характера и взглядов каждого собеседника, Степанов пользуется теми или иными средствами атеистического воздействия, тактично ставит перед верующим и помогает ему решать сложные жизненные вопросы.

— К работе лектора, — вспоминает он, — я приобщился в 1921 году, когда наш кавалерийский полк был расквартирован в Барнауле. Меня вместе с другими товарищами прикомандировали к комиссии по учету ценностей в барнаульском соборе. В толпе, окружившей собор, были разные люди. Нашлись и такие, которые пытались возбудить толпу, выкрикивали в наш адрес проклятия. Однако мы проявили выдержку и такт. Наиболее грамотные красноармейцы разъясняли верующим, что даже с точки зрения церковного канонического права изъятие ценностей на нужды народа в годы бедствий никогда не считалось святотатством. Одни понимали нас, другие — нет. Но это лишь убеждало в том, что на борьбу с религией за доверие верующих нельзя жалеть ни сил, ни времени.

...Многим жителям нашей области известен случай, происшедший в совхозе «Новодолинский». Группа баптистов, использовав психическую неполноценность двух молодых людей, распустила молву, что они во сне общаются с богом. Степанову пришлось срочно выехать туда, чтобы на месте разобраться в «чуде», побеседовать с «ясновидящими» братьями, с теми, кто их окружает. Оказалось, что это обыкновенное мошенничество, которое принесло их родственникам немалый доход. Когда было сделано медицинское заключение, один из братьев признался, что ничего во сне не видел. Все, что он говорил верующим, было подсказано ему. В результате кропотливой работы местных атеистов община из двенадцати человек перестала существовать.

Для Елизара Прохоровича быть лектором-атеистом — не просто партийное поручение, а внутренняя потребность. «Всякое дело можно сделать хорошо, а можно — мастерски». Это любимое его присловье. Перед каждой встречей с верующими часами роется он в газетных подшивках, ходит по библиотекам и книжным магазинам — ищет нужную литературу.

Жизнь с каждым днем повышает требования к слову лектора и пропагандиста. Аудитория внимает тем, кто знает не только основы, а разбирается в своем деле глубоко, в деталях. Однако попробуйте при стремительном росте потока разнообразной информации стать универсальным знатоком. Выход один, считает Степанов, постоянная кропотливая работа, дальнейшая специализация по избранной теме.

— Многолетняя практика дает мне богатую пищу для размышлений, — продолжает Елизар Прохорович. — Среди общей массы верующих, людей честных, попадаются и примазавшиеся к религии из-за личной корысти. Приведя примеры, я стараюсь убедить верующего в том, что религиозная мораль далеко не так однозначна, как это ему кажется, что религиозные представления о нравственности — это не идеальные понятия о добре и зле, а определенные нормы, которые использовались раньше и часто используются сейчас в различных и, в частности, корыстных целях.

К таким атеистам, как Степанов, верующие часто идут за советом, поговорить по душам. Не простое это дело — расположить к себе людей. Для этого надо не только с «массой» говорить, а видеть каждого человека, чувствовать его радость и печаль, уметь понять его.

— Размышляя о том, что определяет успех в работе с убежденными верующими, — говорит Степанов, — я давно уже пришел к выводу, что главное здесь — товарищество, заботливое отношение. Важно суметь показать им красоту настоящей жизни. Освобождение сознания людей от религиоз-

ных пережитков — высокогуманное дело, и осуществляться оно должно гуманными методами.

...Была в районе небольшая группа «субботников». Руководил ими сварщик Николай Резепов. И вот однажды Николай прогулял в субботу смену. В это время на щебеночном заводе сломался экскаватор. Смена лишилась заработка, производство не получило строительный материал. Рабочие завода очень сурово критиковали Николая и на собрании, и в разговорах наедине, заставили его о многом задуматься. Степанову поручили поговорить с ним. Елизар Прохорович зачастил на квартиру к Николаю. Постепенно выяснилось, что главную роль в общине играл не Резепов, а его жена. Прочитав несколько томов «Всемирной истории», она стала доказывать, что религия всегда играла благотворную роль в истории человечества. Пришлось Степанову вести с ней долгие беседы, использовать эти же тома, только против религии. Опытному пропагандисту удалось добиться, что убежденная верующая иными глазами посмотрела и на историю, и на нашу действительность. К тому времени у Резеповой приближались роды, а жила она с мужем далеко от больницы. Узнав об этом, Степанов попросил прислать к ней врача на квартиру. Роды прошли благополучно. С той поры у Елизара Прохоровича наладились дружеские взаимоотношения с этой семьей, а еще через некоторое время Николай Резепов сказал, что чувствует себя свободным человеком и, если это необходимо, готов работать и по субботам.

— Я всегда, — продолжает Елизар Прохорович, — вспоминаю замечательные слова Надежды Константиновны Крупской, которая, делясь опытом атеистической пропаганды среди рабочих, писала: «Только тогда, когда рабочий чувствовал, что в нем видят не объект агитации, а товарища, когда он видел, что вникают в его аргументацию, слушают, что он говорит, он поддавался убеждению».

Проникновение во внутренний мир человека не может быть достигнуто казенным словом. Неискренность не спрячешь, она сразу же обнаруживает себя. Очень важно, чтобы индивидуальную работу с верующими вели люди, не только глубоко убежденные и теоретически подготовленные, но и чуткие, сердечные.

...Есть хорошая древняя поговорка: «Живое слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, а наполовину тому, кто слушает». Мне кажется, этой половины, принадлежащей слушателям, не будет, если не обращаться к их жизни, к тому, что их волнует. Не может быть и речи о доверии, об успехе, если пропагандист изрекает только общие истины, не связывает свое слово с жизнью, с конкретными делами верующих.

— Вот всегда так, — улыбается Елизар Прохорович, — когда поработаю хорошо, радуюсь. И все же чего-то не хватает, где-то что-то недосказал, кого-то не убедил. Кажется, за сорок пять лет атеистической пропаганды все документы партии изучил. И не один раз. И все равно, отправляясь на лекцию или на беседу с верующими, упорно готовлюсь, роюсь в книгах, в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, в газетах и журналах.

Да и жизнь на одном месте не стоит. Все время появляются новые статьи, книги, пособия. Пока шел партийный съезд, все выступления с карандашом в руках читал, все, что о человеке, о его духовном мире, о его месте на земле, — все выписал. А ведь XXV съезд много внимания этому уделил. Я бы сказал, личность и коллектив, человек и общество — вот что в центре его внимания было. Тут много пищи для раздумий, для осмысления, для умелого использования коллективного разума и опыта партии в индивидуальной работе каждого из нас.

ДОБРЫЙ ПРИМЕР МАСТЕРА

Л. ПОПОВ,
кандидат философских наук

ЗАДАЧИ атеистического воспитания мы чаще всего адресуем партийным, комсомольским, профсоюзным организациям и забываем порой об одной из центральных фигур в современном производстве — его руководителе.

Организатор производства, как правило, заслуженно обладает авторитетом у своих подчиненных. С него берут пример, ему подражают. Своим поведением он утверждает определенную атмосферу в коллективе. Большое влияние на положение дел в коллективе оказывает стиль руководства. Чуткость, внимание к человеку, сказанное вовремя доброе слово, равно как и несправедливость, грубость, могут сильно повлиять на образ мыслей и поведение человека. Бесспорно одно — при демократическом стиле руководства, когда организатор производства опирается на людей, обсуждает с ними самые насущные проблемы их жизни, в коллективе создается такой психологический климат, при котором доверие и взаимное уважение становятся нормой поведения. В таком коллективе, кстати, легче прививается новое, а соответственно с большой эффективностью можно бороться и со всеми пережитками прошлого.

И конечно же, одна из важнейших забот руководителя — помочь подчиненным найти свое настоящее призвание, а это невозможно без всестороннего развития духовного мира работников. И эта деятельность не может быть по-настоящему успешной, если упускается из виду атеистический аспект воспитания.

В какой же степени руководители уделяют внимание этому участку идейно-воспитательной работы, насколько они подготовлены к этому, как помогают общественным организациям? Выяснению этих и ряда других вопросов научно-атеистического воспитания в производственных коллективах было посвящено конкретно-социологическое исследование, проведенное на четырех предприятиях города Орла (сталепрокатный завод, трикотажная фабрика, швейное объединение «Радуга», обувное объединение «Ока»), а также в некоторых колхозах Орловской области.

В ходе исследования было опрошено 152 руководителя: мастера бригад, начальники цехов, председатели колхозов. В первую очередь нас интересовало, насколько убеждены руководители в необходимости и важности научно-атеистического воспитания. Следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных признали его необходимость, считают его не только делом общественных организаций, но и своим.

В то же время были и такие заявления: верующих в коллективах нет, следовательно, и перевоспитывать некого. Нет нужды доказывать ошибочность подобных высказываний. Ведь и не верящие в

бога далеко не все являются убежденными атеистами, в сложных жизненных ситуациях кое-кто может перейти на позиции религии. Наконец, не все неверующие имеют достаточно полное представление о сущности религии, ее роли как в истории нашей страны, так и в современном мире.

Особого возражения, на наш взгляд, заслуживает мнение, будто неверующей молодежи не следует говорить что-либо о религии: дескать, молодые о ней мало что знают, но, узнав, могут заинтересоваться религиозными взглядами, а неровен час, и стать впоследствии верующими. Такие представления порождены слабой осведомленностью ряда руководителей в области марксистского атеизма: с одной стороны, это явное преувеличение возможностей религии, а с другой — свидетельство недоверия к научно-атеистической пропаганде. Если же молодым людям не раскрывать сущность религии, характер ее влияния на различные стороны общественной жизни, не освещать позитивное содержание научного атеизма, то в определенных ситуациях они могут оказаться безоружными перед религиозным влиянием.

Безусловно, пока еще существуют профессии, которые не требуют от человека широкого кругозора и творчества. Однако в ходе научно-технической революции появляется все больше таких, овладеть которыми невозможно без умения правильно ориентироваться в широком круге вопросов, без самостоятельного, инициативного отношения к делу. Подлинное творческое отношение к делу требует увлеченности, порождает стремление уйти «с головой» в работу, а это трудно совмещается с верой в бога.

Впрочем, большинство руководителей видели это достаточно хорошо и в первую очередь обращали наше внимание на замкнутость и безынициативность верующих, которые нередко настолько слабо связаны с коллективом, что не в состоянии перенимать лучший производственный опыт товарищей. Отмечалось также, что эффективность деятельности человека зависит от того, как он участвует в общественной жизни коллектива.

Правда, бывает и так, что на предприятии ограничиваются формальным привлечением работника к какому-либо общественному делу, не задумываются над тем, чтобы оно по-настоящему овладело его душой. На швейном объединении «Радуга», например, многие были удивлены, когда узнали, что одна из работниц, на первый взгляд активная общественница, приняла баптистский обряд водного крещения. Мастер, к которой эта девушка пришла едва ли не со школьной скамьи, много раз задавала себе потом вопрос: как же это случилось, почему проглядели человека?

В нашем исследовании, кстати, выяснилось, что некоторые руководители не ведут настоящей воспитательной работы с людьми, потому что просто плохо знают своих работников. Председатель одного колхоза ответил так: «Верующие, вероятно, есть, но кто конкретно — не знаю». С благодушием и безмятежностью в голосе он продолжал: «Отошло все это, одни старушки богу молятся, не к чему говорить на эту тему».

К сожалению, почти половина руководителей не могли сказать, какого вероисповедания верующие работают в коллективах. Но вероучений существует много, и если не знаешь, с кем конкретно имеешь дело, то трудно найти правильный подход к верующему, подобрать соответствующие аргументы.

Все это говорит об упущениях в воспитательной работе, выявляет и недостаточную подготовку самих руководителей. Большая часть опрошенных нами руководителей имеют среднее техническое образование. Но, как известно, в школах и во многих техникумах не изучают курса основ научного атеизма. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, периодически организовывать на предприятиях циклы лекций по научному атеизму специально для руководителей, не только раскрывать сущность религии, но и давать обстоятельное освещение принципов, форм, методов и средств атеистического воспитания. Эти лекции должны органично войти в имеющуюся систему переподготовки, повышения квалификации руководителей.

г. Орел

БЕЗ ПРАВА НА ПАССИВНОСТЬ

Коммунисты города Измаила постоянно работают над совершенствованием форм и методов атеистической пропаганды, настойчиво борются с религиозными пережитками в сознании людей. Об этом шла речь на собрании городского партийного актива.

АТЕИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА в городе строится по единому, разработанному городским комитетом партии перспективному плану, координирующему деятельность партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций.

За последнее время улучшилась, в частности, работа музея атеизма, организованного на общественных началах. Значительно усилилась и лекционная пропаганда. В прошлом году в городе было прочитано более 500 лекций по атеизму, астрономии, биологии, географии. На предприятиях и в организациях созданы советы атеизма. Успешно действует отряд квалифицированных лекторов, который пополняется за счет выпускников атеистического факультета вечернего университета марксизма-ленинизма.

У нас существуют большие возможности для активной наступательной борьбы с религиозными пережитками. С учетом этого и строят свою работу партийные организации судоремонтно-механического завода, средней школы № 14, онкологического диспансера, завода ремонтно-технологического оборудования.

Хорошо зарекомендовали себя такие формы массовой пропаганды, как коллективные просмотры фильмов, устные журналы. Большую работу ведут городские клубы, а также клубы и красные уголки предприятий. На консервном комбинате создан клуб атеистической пропаганды, в Доме культуры имени Шевченко организован кинолекторий «Атеист», регулярно читаются лекции, проводятся беседы, демонстрируются кинофильмы в портовом клубе.

Повышению качества и эффективности атеистической пропаганды, поиску и внедрению в повседневную практику новых действенных форм и методов идеологического воздействия на людей были посвящены выступления участников собрания партийного актива.

Секретарь исполкома горсовета М. М. Постоленко, в частности, заявила: «Мы, атеисты, не имеем права на созерцательность и пассивность. Мы должны использовать в своей работе все имеющиеся возможности, с тем чтобы верующий или не выработавший еще четкого мировоззрения человек в трудную для себя минуту шел за помощью к нам, коммунистам».

Ю. ПОЛОВИНКИН

г. Измаил
Одесской области

Леонид СТЕПАНОВ

там, за Эльбой

ДРАКА НА РЫНОЧНОЙ ПЛОЩАДИ

За неделю до выборов бургомистра Кальтенбурга на Рыночной площади состоялось последнее предвыборное собрание. Устраивала его христианско-демократическая партия, которая имела большинство мест и в правительстве, и в бундестаге, и в земельных органах, короче: единовластно правила страной.

Народу на прямоугольной площади, обрамленной старинными зданиями, собралось много. Тут были не только те, кто собирался отдать свой голос генералу Штендебаху, но и сторонники оппозиции, которым хотелось послушать, какими обещаниями собирается генерал прельстить избирателей. Были и просто любопытные обыватели, которые от нечего делать пришли поглазеть и послушать.

Пришли и серьезные мужественные люди, решившие дать на площади свой последний бой...

На широкий балкон ратуши неторопливо, с подчеркнутым достоинством, поднялись «отцы города». Впереди по каменной лестнице шествовал сам генерал Штендебах — поседевший за последние годы, но с выправкой кадрового офицера. На его сизоватом, гладко выбритом лице красовался «почетный рубец» дуэлянта, которым он обзавелся по старой прусской традиции еще в кадетском корпусе.

Генерал был облачен в добротный генштабовский плащ и фуражку с высоко задранной и выгнутой тульей. Если бы погода была получше и он разделся, тогда можно было увидеть, что на погонах генерала поблескивала уже не одна, как при Гитлере, а целых две звездочки.

За генералом семенил старичок с одним ухом. Остатки второго — отмороженного еще в первую мировую войну — были аккуратно зашиты в трубочку. Дни бывшего бургомистра были сочтены: старичка выбирали на время еще в те годы, когда партия Аденауэра побаивалась выдвигать таких своих деятелей, как Штендебах.

За бургомистром солидно шествовали два самых представительных в городе человека — владелец военного завода Фратце и владелец банка Мюлленштайн. Потом не столь важно двигался «второй эшелон»: почетный гражданин Кальтенбурга Йозеф Кальм, герой войны Петер Шварц, начальник городской полиции Ханс Вольф и еще какие-то господа помельче.

Бургомистр слабым голосом открыл собрание и предоставил слово знаменитому местному оратору Карлу Плешке.

Зычным ровным голосом — без бумажки — лысоватый Плешке с ходу заговорил о свободе и всеобщем счастье. Каждому человеку, доказывал он, нужно счастье. А для счастья обязательно нужна свобода. Вполне свободен может быть человек только на свободной родине. Германия же в данное время не свободна: русские захватили военной силой и поработили восточную часть. Там они хотят установить коммунистическую антинародную власть.

Такие патриоты, как генерал Штендебах, продолжал велеречивый Плешке, сражались за свободу Германии. Они и теперь готовы отдать за нее свою жизнь, до последней капли крови драться с врагами Германии. Поэтому всякий истинный немец, который хочет свободы, счастья, целостности и независимости Германии, должен непременно отдать свой голос патриоту и защитнику немецкого отечества генералу Штендебаху.

— Все, как один! — воскликнул в заключение возбужденный Плешке. — Все, как один, отправимся в воскресенье к урнам и проголосуем за верного слугу народа — Готфрида Уве фон Штендебаха!

Грянули громкие аплодисменты.

Потом выступили другие ораторы, восхвалявшие разные положительные стороны будущего бургомистра.

Наконец, бургомистр объявил через микрофон, что слово попросил почетный гражданин Кальтенбурга Йозеф Кальм. Этому появлению Кальма на предвыборной трибуне предшествовал прошедший несколько месяцев назад его разговор с Петером Шварцем.

— Могу я быть с вами совершенно откровенным? — спросил Шварц, наливая коньяк в рюмки.

— Разумеется, — ответил Кальм. — Хотя я и не политик, но вполне деловой человек.

— Нашей партии приходится гораздо труднее, чем мы предполагали вначале. Коммунисты сбили наши расчеты. Им откуда-то стали известны некоторые факты из прошлого господина Штендебаха — факты, о которых, как мы надеялись, никто уже знать не может. Те, кто знал что-то, были своевременно... как бы это выразиться, обезврежены.

— Понимаю. Но, видимо, не все?

— Да, кто-то случайно уцелел. Конечно, мы еще доберемся до этих звонарей, но теперь нам приходится принимать срочные меры. Авторитет господина Штендебаха среди избирателей покачнулся. А несколько тысяч голосов могут решить дело в пользу социал-демократов.

— Вот как? — удивился Кальм.

— Да, дело обстоит, к сожалению, именно так, — хмуро подтвердил Шварц. — Нашей партии крайне важно провести в бургомистры своего человека. Пора дать понять немцам, что смутное послевоенное время кончилось. Все опять постепенно встает на свои законные места.

— Вам, политикам, виднее. — Кальм отпил

Окончание. Начало см. в № 1, 3, 5.

несколько капель коньяка. — Мы, деловые люди, разумеется, поддержим господина Штендебаха материально. Мы на него надеемся. Нам нужен порядок. А у господина Штендебаха трезвые взгляды на жизнь и крепкая рука.

— Я имею от господина Штендебаха поручение просить вас об одолжении.

— Пожалуйста, слушаю вас.

Петер Шварц закурил, затянулся несколько раз покрепче, откинулся на спинку кресла.

— Вы знаете: в сентябре состоится заключительное предвыборное собрание нашей партии на центральной площади. Мы возлагаем на него большие надежды. Самые лучшие наши ораторы готовятся выступить на митинге. И было бы очень кстати, господин Кальм, если бы вы тоже внесли свою лепту.

— Я?! — брови Кальма от удивления подскочили.

— Да. Ваше выступление будет весьма кстати. Вы поблагодарите публично господина Штендебаха за возвращение вашей дочери. Ну и вообще скажете о нем несколько теплых слов как о патриоте, хорошем немце, порядочном и добром человеке.

— Да, конечно, я понимаю, — заговорил Кальм, огорошенный просьбой Шварца. — Но ведь я, господин Шварц, никогда в жизни не произносил речей. Кажется, я не способен на это вообще. Нет у меня этого дара... красноречия.

— Ничего. Никакого особого красноречия не потребуется. У нас есть отличные перья. Они напишут вам такую речь — господин Геббельс на том свете позавидует. Ваше дело заучить ее наизусть. Все обыватели Кальтенбурга развесят уши и пустят слезу. Немцы сентиментальны, и этим нужно пользоваться.

— Ну что же... Если напишут... — Кальм неуверенно развел руками...

И вот теперь, волоча непослушные от волнения, ватные ноги, Кальм подошел к микрофону.

Снял шляпу и, не зная, куда ее деть, стал неловко раскланиваться во все стороны. В толпе прокатился смешок.

— Прошу внимания! — сердито прикрикнул бургомистр. — Дайте возможность господину Кальму собраться с мыслями.

— Да, да, вот именно, — пробормотал Кальм в микрофон и полез в карман за бумажкой с заготовленным текстом. Все, что он заучил наизусть, разом вылетело из головы.

— Я сейчас, господа...

Спасительная бумажка была в руке, но старику показалось, что как-то неловко сразу ни с того ни с сего читать по шпаргалке. Поэтому, нагнувшись пересохшим ртом к самому микрофону, он доверительно объяснил публике:

— Видите ли, господа, мне еще никогда не приходилось... выступать перед такими... перед такой... количеством людей. Смею вас заверить, что я в общем-то... весьма далек от политики. Я делец, я делаю нитролаки — очень хорошие нитролаки, господа. Самые лучшие. Но сегодня я должен... я просто обязан, господа... так сказать.

Кальм развернул бумажку, которая дрожала в его пальцах, как пойманный воробей, и начал скороговоркой читать:

— Как отец, муж и глава семейства я почитаю своим непременным долгом принести вам, господин Штендебах, глубочайшую благодарность за то, что вы лично, несмотря на свою занятость, помогли разыскать и вернуть нашу дочь Эмму. Сердечно благодарю вас также за мою супругу Марту, ко-

торой вы вернули утраченное материнское счастье. Ваше благородство и природная доброта...

Кальм не успел закончить последнюю фразу — его дребезжание перекрыл зычный голос из толпы:

— И вам не стыдно, господин Кальм? Разве вы не знаете, кто такой генерал Штендебах?

Кальм совсем растерялся. Говорить он уже не мог, а только тяжело дышал в микрофон. В толпе послышались шуточки, люди смеялись.

Бургомистр взял микрофон и очень строго спросил:

— Кто смеет срывать предвыборное собрание? Может быть, невоспитанный человек, помешавший господину Кальму говорить, наберется смелости и выйдет сюда?

— Наберется, выйдет, — раздался тот же спокойный голос.

Из толпы к каменной лестнице, ведущей с площади на невысокий балкон ратуши, двинулся Бруно Грюнвальд. Он поднялся на террасу и уверенно зажал микрофон в кулак.

Господа, стоявшие вокруг Штендебаха, несколько опешили. Такой дерзости никто не ожидал.

— Граждане Кальтенбурга! — внятно и громко сказал Грюнвальд. — Вы должны знать правду.

— Что вы смотрите? — обратился генерал к своему окружению.

Шварц подскочил к перилам террасы и закричал:

— Господа! Этому человеку никто не давал слова. Он провокатор!

Бруно спокойно продолжал:

— Вы должны знать: Штендебах расстреливал в конце войны немецких солдат. Тех, кто не хотел бессмысленно умирать. Он расстрелял сотни людей. Среди них — Антон Кристи, рабочий Кальтенбурга, отец маленькой Эммы. Он был убит только за то, что...

Шварц попытался вырвать микрофон из рук Бруно, но это ему не удалось.

— Видите? — усмехнулся Грюнвальд. — Они боятся моих слов. Значит, я говорю правду!

Толпа зашевелилась, закричала разными голосами: «Не затыкайте рот человеку! Дайте ему говорить!.. В морду ему! Красная сволочь!.. Он говорит правду... Пристрелить его, как собаку!.. Говори, Бруно! Долой!..

— Ти-ше! — раскатился над головами зычный генеральский голос, и все стихли.

— Я приказал выключить микрофон. И я приказываю арестовать этого субъекта.

— По какому праву? — крикнули из толпы.

— По праву патриота, облеченного доверием народа, — с апломбом ответил генерал. — Он провокатор.

Полицейские облепили Грюнвальда, схватили за руки, защелкнули на запястьях железные наручники. Поволокли внутрь ратуши.

Грюнвальд уже не отбивался, но громко кричал: «Немцы! Подумайте! Неужели вы... еще раз... позволите?!»

Его выволокли в коридор ратуши. Бросили на каменный пол и там — за толстыми дверями — дали волю кулакам и резиновым дубинкам...

А на Рыночной площади кипела рукопашная схватка. Да еще какая! Таких Кальтенбург не помнил с самых тридцатых годов.

Полиция, разумеется, встала на сторону «порядка» — то есть на сторону генерала Штендебаха. Теперь она могла не церемониться: молодчики наотмашь хлестали дубинками всех подряд.

Позади ратуши стояли два полицейских фургона, крытые брезентом. Их заполняли завтрашними избирателями. Большинство из арестованных и вправду были политическими врагами Штендебаха, но попались и просто пришедшие на площадь из любопытства и даже те, кто собирался голосовать за «патриота» и «доброго немца». Громилы в униформе руководствовались универсальным полицейским принципом: «Хватай, а там разберемся!»

Обыватели разбегались с площади в ужасе и панике. Один на бегу прижимал платок к окровавленным губам, другой хромал и ойкал, третий, бледный, в холодном поту, держался за больное сердце.

Развернулась драка и в стенах старой ратуши. Молодые ребята из рабочей дружины ворвались туда с тыльной стороны. Принимая удары на себя, несколько парней заслонили узкий проход в сводчатом коридоре и держались до тех пор, пока другие вынесли тяжело избитого Грюнвальда в переулок и увезли на грузовике.

ВОЗМЕЗДИЕ

Марта была в это время дома и, зная, что на Рыночной площади будет выступать Кальм, слушала радиорепортаж. Сначала все шло, как обычно, как бывает всегда на подобных собраниях. Потом на площади произошло что-то скандальное и неожиданное: голос репортера оборвался на полуфразе. Он только успел помянуть о какой-то девочке, появившейся в чердачном окне.

Марта похолодела. Она знала, что Эмма пошла к Курту.

На машине уехал Кальм. Марта вызвала такси и начала быстро собираться.

Раздался телефонный звонок. Один из знакомых Кальма звонил из ратуши и сообщил, что старику стало плохо. Кажется, сердце. Его везут домой, надо вызвать врача.

Марта еще не успела дозвониться до врача — он был на приеме, когда в сад и белой парадной лестнице почти одновременно подъехали два автомобиля: заказанное ею такси и машина Кальма.

Шофер Иахим и слуга Манфред бережно усадили Кальма в большое кресло, осторожно понесли в дом, в нижний холл. Там Марта уже приготовила все, что нужно. Закатав рукава рубашки, она сделала старику укол. Ему сразу полегчало. Кальм благодарно прошептал:

— Спасибо... Спасительница моя... Эммы нет... дома?

— Нет...

— Она была там... На площади... Пусть Иахим поедет и найдет ее... Прости меня, Марта... Это кошмар — что там случилось... И во всем виноват я...

— Тебе нельзя волноваться, — строго сказала Марта. Она расстегнула его рубашку и положила на грудь холодный компресс.

— Зачем я взялся за эту проклятую речь! — стонал Кальм. — С этого все и началось... Если бы ты видела, что там творилось! С самой войны я не видел столько крови!..

— Молчи!

— Ты не беспокойся, дорогая. В драке Эммы не было... Она куда-то убежала... Иахим найдет ее... Обязательно найдет...

— Господи! Помоги ей! — вырвалось у Марты.

— Все обойдется, все будет хорошо, — лепетал Кальм, целуя Марте руку. — Пусть меня перенесут на постель. Меня... клонит ко сну...

Кальма понесли наверх в спальную комнату. Вскоре приехал врач, осмотрел больного, сказал Марте, что приступ на этот раз серьезнее, чем

прежде, старику нужен полный покой и неподвижность.

Врач остался пока у постели Кальма, а Марта поехала с Иахимом искать Эмму.

На Рыночной площади они увидели свежие следы побоища. Клочья сорванных плакатов с портретами генерала Штендебаха, перевернутые мусорницы, лужицы крови. Марте бросились в глаза валявшиеся рядом лакированный ботинок и вставная пластмассовая челюсть.

ПОГОНЯ

Грузовик, на котором увезли Грюнвальда, не успел вырваться за черту города. Начальник городской полиции Ханс Вольф приказал закрыть все выезды из Кальтенбурга и задержать машину. На одном из окраинных перекрестков ребята, сидевшие в кузове, заметили, что за ними гонятся два полицейских мотоцикла. Нужно было что-то быстро придумать: на стареньком грузовике не уйти от погони.

Решение подсказала старинная городская башня, показавшаяся впереди. Под ней проходила дорога, место было здесь очень узкое — крупные грузовики ехали, едва касаясь холодных каменных стен. Вправо и влево от башни далеко тянулись два крыла земляной насыпи — остатки старинной крепости. Чтобы их объехать, понадобится порядочное время.

Едва проехав сквозь ворота, грузовик остановился. Четверо ребят быстро сняли Бруно с машины, а шофер тут же подал машину назад — заткнул ею, как пробкой, проход в башню. Подскочившие мотоциклы полицейских резко затормозили. Проезд им был закрыт.

Четверо парней поспешно, как могли, несли на своих плечах раненого. Бруно был без памяти, иногда он стонал, скрипел от боли зубами. Окровавленная голова его была наскоро обвязана лоскутьями чьей-то нижней рубахи. Это все, что парни успели сделать на ходу в грузовике.

«Только бы успеть добраться до парка, — думал каждый из четырех. — Парк переходит в лес, а там уж наверняка укроем его где-нибудь».

Полицейские, которые на несколько минут задержались у башенных ворот, достигли парка, когда четверо рабочих углубились со своей ношей в его чащу. Они успели уложить Бруно в неглубоком овражке, в зарослях густого широколистого кустарника.

Резко свернув в сторону, они отбежали подальше от кустов и там уже нарочно стали шуметь на ходу, чтобы сбить с толку полицейских. Хитрость удалась: они повели за собой погоню все дальше и дальше от того места, где лежал раненый. Один из них был Курт Грубер.

Добравшись к дому на трамвае, Курт увидел около своих ворот малиновую машину Кальма. Сразу догадался, в чем дело: Марта ищет Эмму.

«Нельзя ли, — мелькнуло у него в голове, — воспользоваться машиной, чтобы увезти Бруно?»

Дверь была не заперта. Курт шмыгнул в кухню, наскоро привел себя в порядок. Только после этого он появился в комнате, где сидели женщины, как ни в чем не бывало поздоровался.

При виде его Марта поднялась. Спросила рассерженным голосом:

— Где Эмма? Что с Эммой? — она подозрительно вглядывалась в раскрасневшееся лицо Курта.

— С Эммой? — улыбнулся он. — Ничего особенного. Смотрит телевизор у тетушки Фриды.

— Какой еще тетушки Фриды?

— Матери Макса Риттера, журналиста.

— Там? Около Рыночной площади? Поехали туда сейчас же.

— Даже с удовольствием, — сказал Карл. — Я, мама, скоро вернусь. Ты не беспокойся.

Марта сердилась на Курта. Торопливо спускаясь с лестницы, она раздраженно проговорила:

— Я с тобой еще поговорю!

— Не сердись, тетя Марта, — сказал Курт, усаживаясь на ковровое сиденье кальмовой машины. — Все идет отлично. Стряхнули мы сегодня пыль с мозгов у наших обывателей. Штендебах трещит по всем швам. Не быть ему бургомистром — вот увидишь.

— Да-а, — протянул Иахим, разворачивая машину в переулке. — Показал себя генерал — во всей красе.

— Глупцы вы! — продолжала сердито Марта. — Нисколько не думаете о последствиях. Бруно опять бросят в тюрьму. В третий раз!

— Не бросят. Не дадим.

— Ишь ты спаситель! Что вы можете сделать!

— Все. Если ты поможешь.

— Я? При чем здесь я?

— Сейчас объясню...

Курт изложил свой план. Марта нахмурилась. Риск велик. За такую помощь она сама может поплатиться. Что тогда будет с Эммой?

Но Бруно... Разве можно оставить его в такую минуту?

РОТ ФРОНТ!

Все шло пока удачно. Иахим подъехал к воротам кальмова особняка, открыл их своим ключом, и они без света и шума въехали во двор прямо к белокаменной лестнице. Теперь осталось только довести Бруно по тропинкам до оранжереи в саду.

На полпути стояла скамейка, где Бруно мог передохнуть. Сил у него оставалось мало. Марта успела по дороге перевязать ему голову, но потеря крови была велика. У Бруно кружилась голова и ноги не слушались. Иахим, Марта и Эмма с большим трудом медленно вели его к скамейке. Поскорее добраться бы до нее. А там уже не так далеко и до оранжереи, где можно надежно спрятать Бруно. Если бы они знали, что по просьбе Кальма в дом пришла милосердная сестра Августина! Если бы видели, как, заметив людей в саду, поспешно подбежала она к телефону и позвонила в полицию!

Пока Бруно отдыхал на скамейке после тяжкого пути, а Марта с Эммой хлопотали вокруг него, Иахим пошел запереть ворота на замок. Они все еще стояли распахнутыми настежь. Это могло привлечь внимание посторонних глаз. Иахим прикрыл левую половину ворот и взялся за правую...

Пронзительно заскрежетали тормоза подлетевшего полицейского джипа! Сбавив ход, машина ударила бампером в железные створки ворот и, напирая, распахивая их, въехала во двор особняка фабриканта Кальма.

Иахим отпрянул, ослепленный сильными фарами.

Джип остановился около лестницы. Следом за ним подъехала вторая машина — черный лимузин Петера Шварца.

Резко захлопали машинные дверцы — один за другим из машин выскочили пятеро полицейских, Шварц и Хуго. Бывший эсэсовец — в кожаной черной куртке, в офицерских галифе, с пистолетом на боку. Хуго в униформе «Фербанда», с овчаркой на поводке.

Овчарка ощетинилась и сразу потянулась не к дому, а в сад, в заросли. Шварц и начальник полиции переглянулись.

Хуго бежал за собакой уверенно. Он отлично знал сад дядюшки. Сначала по дорожкам, затем по цветным газонам в сторону оранжереи. Остальные едва поспевали за ним.

Собака рванула поводок в сторону, в кусты, и захрипела. Хуго с трудом удерживал ее, поджидая других.

Подбежал, тяжело дыша, Шварц, резким лучом осветил лежавшего на земле Грюнвальда и опустившуюся около него на коленях испуганную Марту. Курт и Эмма стояли рядом, прижавшись друг к другу.

— Ха! Все святое семейство! — торжествующе рявкнул Шварц.

— Хорош улов! — подхватил начальник полиции.

Бруно не сопротивлялся, ему опять надели наручники. Но Курт не хотел сдаваться без драки. На него набросились сразу трое, били жестоко, по-бандитски...

Эмма рванулась к другу, закричала, но ее крепко держал за локти сам Шварц.

— Не брыкайся, — говорил он ей почти ласково. — А то и на тебя наденем наручники.

— Пустой номер, господа,— хрипло сказал Курт и добавил весело: — Ничто вам теперь не поможет. Ничто! Можете заказывать панихиду вашему Штендебаху! Колоссального ти-ппа!

Его ударили по затылку резиновой дубинкой, поволокли к машине. За ним шли следом Бруно, Марта и Эмма. Рядом с пистолетом наготове вышагивал Шварц. Последним, придерживая собаку за ошейник, шел Хуго.

Эмма обернулась. Всю свою ненависть, все презрение Эмма вложила в одно-единственное слово:

— Фашист!

Они уже подходили к машинам, стоявшим около парадной лестницы из белого мрамора. Неожиданно сверху раздался слабый голос Кальма. Он стоял у раскрытого окна в пижаме с всклокоченными седыми волосами.

— Марта! Марта! — кричал он дребезжащим голосом. — Что они там делают? Пусть они немедленно убираются из моего дома!

Рисунки Г. Мурышкина.

— Уже уходим, дядюшка! — нахально ответил Хуго. — Мы затравили у вас в саду матерого красного кабана. За его укрывательство...

— Наглец! — закричал Кальм. — Я тебя...

Старик взмахнул руками и повалился от окна внутрь комнаты. Марта поспешила в дом.

Эмма подошла к машине, в которую заталкивали Грюнвальда и Курта.

— И меня берите!

Шварц громко захохотал:

— Мала еще! Но может — придет час и для тебя.

— Если останешься такой же, — добавил начальник полиции.

— Нет, я такой не останусь! — со спокойной яростью проговорила Эмма.— Я стану другой! Много лучше.

— Рот фронт, дочка! Держись! — послышался из машины голос Бруно.

— Держись, Эмма! — крикнул Курт. — Я вернусь! Жди!

ЭПИЛОГ

В тот июльский день по нарядным улицам столицы ГДР — по обновленному Берлину проходила грандиозная фестивальная демонстрация. Звонко пели фанфары. Гремели упругие барабаны.

На большой трибуне на Карл Маркс-аллее, возле кинотеатра «Интернационал» стояли главы молодежных делегаций из 140 стран и почетные гости фестиваля. Здесь было много людей, известных всему миру, и среди них:

Американская коммунистка Анджела Дэвис, которую вырвала из тюрьмы международная солидарность.

Вьетнамка Тран Тхи Ли — лейтенант Народной Армии, сбившая первый вражеский самолет, когда ей было всего шестнадцать лет.

Француженка Раймонда Дьен. Она легла на рельсы, чтобы остановить поезд с оружием для колонизаторов.

Гладис Марин — бывшая крестьянка, батрачка, вожак молодых коммунистов Чили.

Русская Валентина Терешкова. Первая и единственная пока женщина, побывавшая в Космосе.

Стоя рядом, они как бы олицетворяли собой солидарность всех континентов.

И неподалеку от них скромно стояла моя знакомая — молодая коммунистка из Западной Германии, имя которой я пока не могу назвать.

Может быть, когда-нибудь она встанет в один ряд с Анджелой, Ли, Раймондой, Гладис Марин и Валентиной...

В тот день я понял, что должен написать о ней. И написал, назвав всех участников этой истории вымышленными именами.

ЧТО ЗА БРАТСТВОМ?

Нашим читателям знакомо имя Анатолия Белова — активного автора и члена редколлегии журнала. В издательстве «Детская литература» выходит книга А.Белова о религиозных сектах. В ней будет рассказано, что за страна Духобория, кто такие живые «христы», что нового в «новых» религиях, о деятельности бруклинских «апостолов Иеговы», о «чудесных» воскресениях, о «пророчествах святого духа» и еще о многом другом.

Публикуем отрывок из этой книги.

ИВАНУ ЕВСЮКОВУ было **11** лет, когда судьба свела его с баптистами. Случилось это после того, как в результате аварии на заводе погиб отец. А несколько месяцев спустя Иван похоронил и мать. Подросток остался один, и тогда за ним приехал дядя из небольшого сибирского поселка. Он забрал Ивана в свою семью.

Иван никогда раньше не видел дядю. Из разговоров старших он знал, что дядя — человек глубоко верующий. Вот как об этом рассказывает сам Иван.

Поначалу для меня все было непривычно в дядином доме, где каждый день вся его семья — жена и две взрослые дочери — начинала с молитвы. Молитва днем. Молитва вечером. А еще чтение вслух евангелий и раз в неделю поездка в соседний поселок — до него семьдесят километров — в общину на богослужение.

Все это казалось мне необычным, свыкнуться было трудно. Но дядя был ласков ко мне, не навязчив. Он не настаивал, чтобы я все делал, как другие. Часто гладил меня по голове и говорил:

— Ты сам смотри, Ваня, осмотрись, подумай. Веру свою тебе не навязываем. Но ты присматривайся. Очень правильная наша вера. С ней жить хорошо и легко.

Я ходил в школу, слушал, как учителя рассказывают о законах природы. А вечером выслушивал дома, что говорит Библия о сотворении мира и человека, о разных чудесах, которые совершал господь бог.

Поначалу, конечно, не верил в эти сказки. Но дядя и другие баптисты, которые приходили в наш дом, излагали их так убежденно, что постепенно у меня начали появляться сомнения: а может быть, все не совсем так, как объясняют в школе? Может, и Библия в чем-то права?

И к дяде, и к другим верующим относился я с уважением. Люди они были степенные, голос не повышали, меня не обижали...

Никто из них не курил, спиртного не употреблял — это запрещено. В отношениях друг с другом были они предупредительны. И я уверовал в то, что они действительно хорошие люди.

Чем дальше, тем больше втягивался я в жизнь общины. Мне казалось, что все в ней не так, как всюду, что в ней и на самом деле существуют отношения братства. Не зря верующие называют друг друга братьями и сестрами.

А чем больше притягивала меня к себе община, тем меньше удивляли сказки о разного рода чудесах, которые слышал от верующих.

Дядя был явно доволен. Когда я обращался к нему с каким-нибудь вопросом, для меня непонятным, он внимательно выслушивал, терпеливо разъяснял, что к чему, и хвалил:

— Молодец, Иван, что хочешь познать все сам. А ответы искать надо в Библии. Воистину это книга жизни.

Он уже стал поговаривать о том, что, когда мне исполнится восемнадцать лет, я должен буду принять водное крещение и тогда стану полноправным членом общины баптистского братства. И кто знает, как сложилась бы моя судьба дальше, если бы не случай, который помог мне прозреть, увидеть то, чего не видел я до той поры.

Помню, в тот год выдалась особенно морозная и снежная зима. К этому времени я уже жил в новой для себя семье около трех лет.

Однажды в школе объявили, что на субботу назначается лыжная вылазка в тайгу. Почти все ребята из моего класса с восторгом приняли это сообщение, стали готовиться к субботе. Я поначалу тоже обрадовался, но на другой день отказался участвовать в вылазке, сослался на то, что нездоров.

Отказаться меня заставил дядя. Когда я ему сказал, что предстоит лыжный поход, он покачал головой:

— Ты бы, Иван, отказался... Знаешь, как я о тебе волнуюсь всегда. Дело это нелегкое. Другие ребята — они здесь выросли, с пеленок на лыжах. А тебе такое не по плечу будет. Откажись, Ваня. Скажи, что нездоров, что ли. Лгать нехорошо. Но это ложь святая, ибо тебе это и впрямь не по плечу. Замолишь потом у господа маленькую ложь.

Ребята ушли в тайгу, а я остался.

И надо же было так случиться, что в тот день разыгралась пурга. Да такая, что света белого не было видно. В поселке встревожились за судьбу ребят. Хотя они пошли с опытными педагогами, старожилами здешних мест, знавшими тайгу как свои пять пальцев, но в пургу и те могли оказаться бессильными.

Наступил вечер. Ребята не возвращались. Прошла ночь. Они не появились и на утро. Стало ясно, что заблудились.

Пурга стихла. И тогда было решено выйти на поиск.

Весь поселок, кто только мог, стал на лыжи. Я рвался вместе со всеми на розыски своих товарищей. Но дядя остановил меня:

— Нечего тебе там делать, Иван. Пусть другие ищут. А ты должен верить в то, что все свершится по господней воле. Будет ему угодно — найдутся ребята, не станет угодно — пожелаем им царствия небесного.

В поселке все близко к сердцу приняли весть о том, что ребята заблудились. Переживали за них. И только дядя и другие баптисты оставались безучастными, словно это их и не касалось.

Я не выдержал:

— Да как же так можно. Ведь люди в беде, помочь им надо. Вы же сами говорили, что Евангелие учит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Где же она, ваша любовь?

Дядя серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Жизнь наша в руках господних. Помогай, не помогай в беду попавшим — как бог захочет, так и будет. И суетиться тут нечего. А насчет любви, тут дело сложнее.

Ты еще многого не понимаешь. Любить мы должны братьев по вере...

Сказал он это жестко, словно отрезал, и повернулся спиной ко мне.

Впервые дядя разговаривал таким тоном. Он много рассуждал о сострадании к людям, но на этот раз в голосе его не было ни капли сострадания. Он часто говорил о чуткости к ближним, но сейчас проявил черствость и бессердечие.

Ребят разыскали на следующий день. Они сбились с дороги во время пурги. К счастью, все были живы и здоровы.

История эта заставила меня о многом задуматься. Какой-то во мне произошел перелом. Я стал внимательнее присматриваться и к дяде, и к тем верующим, которые приходили к нему, и все больше убеждался, что они неискренни, что их слова не вяжутся с поступками. Они могли целыми вечерами повторять заповеди Христа о том, что надо помогать ближним, но, когда такая помощь была нужна на деле, забывали о заповедях.

Как-то к дяде обратились с просьбой дать сани с лошадью отвезти заболевшую женщину в больницу, в районный центр. Он повздыхал, посочувствовал и отказал:

— Рад бы, дорогие, но вот беда, оглобля у саней треснула. Боюсь, как бы не застряли вы в пути. А ведь человек-то больной.

Я стоял в стороне. Чувствовал, что сгораю от стыда, потому что знал: он говорит неправду. И снова вспомнилось, как рассуждал он о том, что господь заповедовал любить ближнего, как самого себя.

Все больше я чувствовал, что не могу жить в этом лицемерном мире, что не могу слышать елейные речи и видеть, как расходятся они с делами, поступками «братьев» и «сестер». Только человек, ослепленный религиозной верой, мог не видеть этого.

Братство баптистов оказалось мнимым...

Дядя, видимо, заметил происшедшую во мне перемену, потому что прежнего рвения к религии я не проявлял, высказывал свое равнодушие к ней. Он пытался понять, в чем дело, всячески задабривал меня. Но было поздно.

Я написал письмо в райком комсомола, просил помочь мне устроиться в школу-интернат. И вот тут-то я увидел внимание и доброе к себе отношение, настоящую человечность. Мне помогли. И вскоре я покинул дом, в котором узнал цену сектантским посулам, мои пути разошлись с баптистами навсегда.

КАК КОШКА СТАЛА БОГОМ

М. КАСПЕРАВИЧЮС

Кошки из домашних животных, пожалуй, больше всех других окружены ореолом загадочности и таинственности. Множество суеверий, преданий и легенд связано с этим зверьком у разных народов. Нередко суеверие, бытующее у одного народа, противоположно представлениям, существующим у других.

Своей красотой и ловкостью кошка давно привлекла внимание людей. Современные художники, как и их предшественники, имена которых затерялись в дали веков, изображают кошку со всеми присущими ей характерными повадками. Вот кошка, поймавшая птицу, на картине Пабло Пикассо. Тот же сюжет в начале нашей эры был использован неизвестным мастером, сложившим мозаику, обнаруженную во время раскопок древнеримского города Помпеи. В свою очередь эта мозаика как бы перекликается с древнеегипетской росписью, созданной почти 35 столетий тому назад.

Жители древнего Египта воздавали кошке божественные почести, считая, что она воплощает в себе сверхъестественные силы и обладает магическими качествами. Кошка с непревзойденной ловкостью охотится на мелких птиц и грызунов. Уничтожая мышей, кошки помогали египтянам сохранять значительную часть их урожаев. Возможно, в этом и кроется одна из причин ее почитания. Нередко египтяне выделяли участок земли, весь доход от которого шел на содержание кошек.

В густых зарослях дельты Нила египетские охотники использовали дрессированных кошек, которые отыскивали и приносили им птиц и рыб. Сцена такого рода изображена на барельефе из гробницы Ти в Саккара: охотник, отталкиваясь длинной палкой, плывет по реке, а рядом, в густых зарослях папируса, видны кошки, коварно подкрадывающиеся к птичьим гнездам.

В Египте кошку можно было встретить и во дворце фараона, и в хижинах простых людей. Ее распространенность и популярность доказывают найденные археологами детские игрушки в виде кошек, у них были искусно сделаны движущиеся челюсти.

Обожествление животных — закономерное и объяснимое явление в древнеегипетской религии. Ис-

П. Пикассо. «Кошка с птицей».

пользуя в хозяйстве и быту различных животных, в том числе и кошек, египтяне постепенно наделяли их необыкновенными качествами, которыми, по их мнению, могли обладать только боги. Культ животных был известен и в других странах древнего мира, но именно в Египте он получил наиболее яркое выражение.

Во II веке нашей эры начальник канцелярии римского наместника в Египте, известный писатель Лукиан в своих сатирических произведениях высмеивал невежество египтян, поклонявшихся животным: «В Египте храм — здание больших размеров, и притом великолепное, украшенное драгоценными каменьями, золотом и надписями, но если вы войдете туда и посмотрите на божество, то увидите обезьяну или ибиса, козу или кошку». Известно, что именно такой храм находился в городе Бубастисе, столице XVIII нижнеегипетского нома. Он был широко известен в древности. Там происходили красочные и многолюдные праздники, во время которых жрецы разыгрывали целые представления. Они надевали маски священных животных и выступали перед зрителями в роли живых богов.

Многочисленные паломники, толпами прибывавшие в Бубастис со всех концов страны, приносили в дар храму небольшие изображения кошек из золота, серебра или бронзы. Геродот в своей «Истории» оставил описание этого святилища. Оно было расположено в центре города и ограждено высокой стеной, украшенной рельефами. Внутри росла тенистая роща с могучими деревьями, которыми было окружено пышное храмовое здание со статуей богини. Хозяйка храма — богиня Баст представала перед глазами паломников в образе женщины с головой кошки. Баст считалась доброй богиней любви и веселья, но одновременно была и божеством войны, так как, по мнению египтян, обладала коварством и жестокостью — качествами, характерными для кошек.

Некоторые врожденные физические недостатки отдельных кошек, например глухота, еще больше сгущали ореол таинственности, который их окружал. Согласно данным современной науки, белые кошки с голубыми глазами чаще всего глухи, и в тех редких случаях, когда у белой кошки цвет глаз различен — один голубой, другой желтый, замечается глухота со стороны голубого глаза и нормальный слух со стороны желтого. Именно к таким кошкам в древности обращались с молитвами и просьбами.

На одной египетской стеле с изображением двух кошек, сидящих перед вазой с цветами, помещена надпись-молитва, в которой они именуются «кошками прекрасными». На другой стеле кошки названы «пребывающими вечно». Эти надписи, да и некоторые другие памятники письменности показывают, что кошку в древнем Египте воспринимали как доброе божество. Образ вечно согревающего землю Солнца в воображении египтян стал сочетаться с образом кошки. В одной древней египетской легенде говорится, что бог Солнца Ра в образе огнедышащего кота победил огромного змея и отрезал ему голову. Этот миф о победе Солнца над злыми силами отражен в одной из виньеток к 17-й главе «Книги Мертвых», где под зеленым густым сикомором изображен ярко-рыжий кот, отрезающий большим ножом голову змея.

Почитая кошку, древние египтяне проявляли о ней трогательную заботливость. Умышленное убийство кошки наказывалось смертной казнью. Дело доходило даже до того, что из-за подобного убийства отдельные провинции вели между собой кровопролитные войны. Сохранились сведения о том, как жители города Мемфиса чуть было не разгромили квартал, населенный греками, только из-за того, что кто-то из них утопил в реке котят. Диодор Сицилийский рассказывал, что во время путешествия по Египту он видел толпу египтян, казнивших римлянина, который убил кошку. Во время пожара египтяне спасали из горящего дома прежде всего кошек. Когда животное умирало, жители дома в знак траура брили себе брови. Труп кошки мумифицировали, помещали в деревянный или бронзовый ящик и хоронили на особых кладбищах. Места массового захоронения мумий кошек были найдены в Бубастисе и Бени-Гасане, а совсем недавно близ Эз-Заказика.

Привязанность египтян к кошкам использовали персидские завоеватели. Идя на бой с египтянами, они вместо щитов несли перед собой живых кошек, и египтяне, чтобы не причинить им вреда, отступали с поля битвы.

Вывоз кошек из Египта категорически воспрещался. Однако моряки и многочисленные странствующие купцы часто нарушали этот запрет, и кошки довольно рано стали известны в Греции и Риме. В 30-м году до нашей эры Египет стал римской провинцией. Там постоянно находились три римских легиона. Возвращаясь на родину, солдаты были не прочь прихватить с собой этого диковинного для них зверька. Тем более, что в Риме за него хорошо платили.

Древнеегипетская богиня Баст (Луврский музей)

Сначала в Риме кошек считали предметом роскоши, их держали ради забавы только в состоятельных домах римской знати. Здесь кошки не стали объектом религиозного почитания, но все же оставались таинственными существами.

Греческий писатель Плутарх, живший на рубеже I и II веков нашей эры, писал: «Кошка — символ луны, так как и та и другая имеют пятна и бегают всю ночь». Загадочное для людей того времени ночное светило он сравнивал с кошкой, которая в его глазах была таинственным существом.

Принятая сначала как экзотическое животное, кошка вне границ Египта постепенно стала восприниматься как олицетворение зла. Ее способ жизни и привычки были плохо знакомы европейцам, поэтому считалось, например, что она питается падалью и ведет таинственную, подозрительную жизнь. Этим взглядам способствовало утверждавшееся в то время христианство, которое активно боролось со всеми старинными культами. Интересно, однако, что в одной из келий монастыря коптов — первых христиан в Египте — были найдены три деревянные статуэтки, довольно точно изображающие кошек. Своим внешним видом они напоминают те детские игрушки, о которых мы говорили выше, и, возможно, были принесены в христианский монастырь в качестве подарка. Христианского бога египтяне, очевидно, пытались задабривать теми же способами, что и древнюю богиню Баст.

В эпоху средневековья сказания и мифы о кошках широко распространились. Их образ все чаще встречается в искусстве и литературе разных народов. В VI веке в далекой Индии появилась книга назиданий «Калила и Димна». В главе «О кошке и крысе» автор не рекомендует крысе слишком доверять кошке и полагаться на дружбу с ней.

В конце VIII века в Скандинавии появилось странное изображение «хватающего зверя». Это загадочное существо, с огромными лапами и обращенной к зрителю мордой, довольно похожей на кошачью, еще раз показывает, что кошка воспринималась как коварная особа, с которой необходимо быть настороже. Оставалось сделать только один шаг, чтобы увидеть в кошке воплощение дьявола. Этот шаг весьма быстро и успешно сделала церковь, для которой кошка, а тем более черная, явилась счастливой находкой, с помощью которой верующие реально убеждались в существовании дьявола.

В «Беседах о чудесах» — сочинении монаха Цезаря Гейстербахского (начало XIII в.) есть описание демонов, которые искушают святых. Некоторые из них принимали вид кошки. Одна женщина будто бы видела в Аахене демонов в виде кошек, сидящих на плечах монахов. В первой четверти XIII века в Германии были распространены религиозные секты, сторонники которых — «люцифериане», по мнению бдительных чиновников инквизиции, при посвящении вступавшего к ним новичка заставляли его целовать кошку.

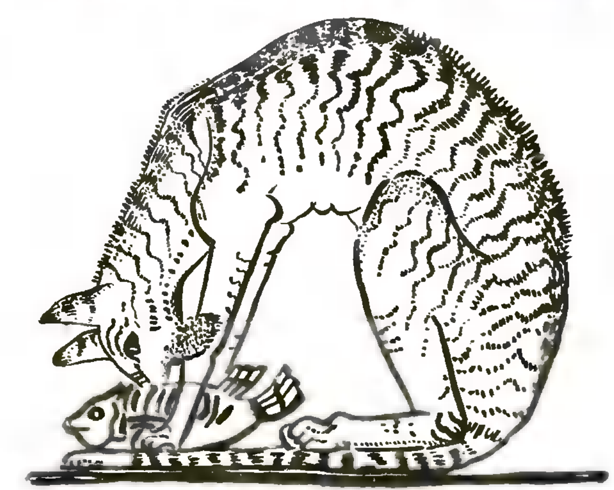
В 1324 году в Ирландии проходил суд по обвинению в колдовстве нескольких человек. Их осудили за то, что они отреклись от Христа и приносили жертвы дьяволу, который возникал перед ними в образе кота. Уже в конце XVI века в Германии проходил процесс 67-летней Клары Гейслер. Под пыткой она дала «правдивые и искренние» показания, что в течение 40 лет была связана с множеством чертей, которые являлись к ней в образе кошек и собак, иногда в виде червяков и блох.

Так постепенно, не без помощи христианской церкви, древняя египетская богиня веселья и любви превратилась в носителя нечистой силы и стала одним из важнейших действующих лиц в многочисленных обрядах черной магии. С образом черной кошки стали связывать постигшие человека несчастья. Даже в наши дни она вызывает у суеверных людей чувство настороженности и страха.

Конечно, как и всегда, когда речь идет о предрассудках, не обошлось без целого ряда противоречий. Так, очень по-разному относились к черной кошке жители различных стран. В Англии, например, считали, что если дорогу перебежит черная кошка, то это к удаче, если она забежит в дом, то его

Мозаика из Помпей.

Роспись из гробницы Нахта (древний Египет).

жителей ждет радость, кошка чихнула недалеко от невесты — молодым предстоит счастливая семейная жизнь. Английские моряки верили: пока черная кошка находится у них дома, с ними во время плавания не произойдет несчастья, а черный кот на рыбацком судне сулит удачный лов. Если же кто-то выбросит такого кота за борт, то вскоре поднимется буря. Поэтому во время кораблекрушений кошек спасали в первую очередь.

Уважительное отношение к черной кошке в Англии — возможно отдаленный отголосок уже знакомого нам древнеегипетского культа кошек: его могли занести на Британские острова в эпоху колонизации их Римом.

Иначе отнеслись к черной кошке славяне, жители Испании и Бельгии: они верили, будто она приносит несчастье. В старину в России черных кошек выгоняли во время грозы из дома: крестьяне полагали, что Илья-пророк ведет бой с чертями и мечет в них молнии, которые могут попасть в дом, где живет такая кошка — воплощение черта. Многие люди думали, что образ кошки могут принимать ведьмы. Кошка становилась материализованным выражением ночных ужасов и кошмаров, мучивших больных и суеверных людей.

Печально известная книга «Молот ведьм», написанная в конце XV века двумя инквизиторами, рассказывает о некоем горожанине из Феррары, который, проснувшись ночью, увидел, как две ведьмы в виде двух кошек сосут кровь у ребенка.

С кошками было связано множество других предрассудков. Так, на Яве, чтобы вызвать дождь,

купали двух разнополых кошек. С той же целью на Суматре бросали в воду черную кошку. После того как она немного поплавает, выгоняли ее на берег, все время при этом поливая ее водой. Здесь отразились древние представления людей о том, что похожее вызывает похожее. В данном случае черное должно было воздействовать на черное же, то есть черный цвет шерсти мокрой кошки должен был вызвать черные дождевые тучи.

В Германии и Франции последний сноп иногда называли «кошкой». Перед началом и по окончании жатвы ловили кошку и украшали ее лентами и колосьями. В окрестностях Амьена обычным выражением, обозначающим конец жатвы, были слова: «убивают кота», — иногда его действительно убивали. В глухих местностях Франции во время молотьбы хлеба под последнюю копну клали кота, убитого ударами цепа. Вообще в Европе к кошкам относились очень жестоко. В средние века во время облав на ведьм безжалостно уничтожали всех попадавшихся кошек. Их сбрасывали на второй неделе поста с высоких башен на камни, сотнями сжигали на кострах.

Сегодня почитаемый в древности зверек во многих странах уже перестает восприниматься как носитель сверхъестественных качеств. В витринах японских магазинов помещают «приглашающую кошку». Японские торговцы по старинной традиции считают, что если кошка проведет левой лапой по уху, то в их лавку должен зайти покупатель. Именно этим и объясняется, что в мелких лавочках помещают раскрашенные фигурки кошек с поднятой лапкой.

В Англии можно найти небольшие ресторанчики с такими названиями: «Кот и источнике», «Усы кота», «Старый кот», «Шаловливый кот», «Кот в сапогах». Это юмористическое, лишенное всякой мистики отношение к кошке, как и трогательная забота жителей Индии о существовании этого зверька, выражающаяся в том, что каждый индиец должен подкормить хотя бы одного кота, показывает: в современном мире постепенно забываются мрачные, средневековые взгляды на кошку. Тем более странно, несовременно выглядят те, кто останавливается, когда кошка переходит им дорогу, видят в ней источник бед.

ФАКЕЛ ОЛИМПИАДЫ

14 июля на стадионе древнегреческого города Олимпии — родины спортивных праздников — состоится торжественный ритуал возжигания символического олимпийского огня. Девушки в национальных одеждах зажгут от солнечных лучей факел Олимпиады, и атлеты разных стран, передавая друг другу, доставят его в канадский город Монреаль — столицу XXI Олимпийских игр.

...ОЛИМПИЯ. Вряд ли найдется на земле еще место, в котором сложено столько песен, стихов, легенд. Мифы древних греков, эллинов, по-разному объясняют зарождение этих игр. Одна из легенд гласит, что их основал Геракл в честь Зевса Олимпийского — покровителя самых древних обитателей Эллады — пеласгов.

В действительности цель этого спортивного праздника была чисто земной: Олимпийские игры должны были объединить интересы дорян, ахейцев, пеласгов, проживавших на территории древней Греции, в то время раздробленной на города — полисы, которые соперничали между собой. Нынешние Олимпиады, кстати, также продолжают эту благородную традицию: объединяют в честной спортивной борьбе представителей всех народов Земли и служат делу мира. Об этом говорит и олимпийская эмблема: пять переплетенных колец голубого, черного, красного, желтого и зеленого цветов — пять континентов.

Игры ведут свою родословную с 776 года до нашей эры, когда спартанский законодатель Ликург организовал первое олимпийское ристалище.

Как только гонцы разносили весть о приближающейся Олимпиаде, все племена прекращали военные действия и в стране устанавливалась «экехерийя» — священное перемирие. Участвовать в играх мог каждый свободнорожденный грек, если он не совершил преступлений.

Читатель, наверное, обратил внимание, что порядковый номер нынешних Олимпийских игр всего лишь XXI. Этому есть свое печальное объяснение.

С самого начала христианство крайне отрицательно относилось к философии и культуре античного мира, в том числе и спортивным развлечениям. По мнению христианских проповедников, спортивные состязания способствовали возбуждению в человеке греховных мыслей. Где удовольствие, там и страсть, говорил один из них — Тертуллиан: «Благоговея к религии, ты не станешь одобрять безумного бега и бешеных движений, сопровождающих метание диска, равно как и других движений, одно другого сумасброднейших. Уважая стыдливость, ты не будешь выхвалять напряжение телесных сил, служащих единственно к тщеславию того, кто их употребляет, и к унижению того, против кого они направлены. Нет, люди, занимающиеся подобного рода делами, заслуживают только одно наше осуждение».

И конечно же, особую ненависть проповедники христианства питали к Олимпийским играм. Против них велась ожесточенная борьба. Но слава и обаяние Олимпиад были настолько велики, что несмотря на все противодействие, они на целый век пережили возвышение христианства. Только в 394 году нашей эры эдиктом (указом) римского императора Феодосия I были навсегда запрещены в Олимпии атлетические состязания и связанные с ними обряды и церемонии. Император приказал разрушить все спортивные сооружения, дабы искоренить всякие следы языческого обычая. А в 426 году нашей эры другой римский император Феодосий II приказал сжечь Олимпию.

Однако, несмотря на запрет и все препоны, чинимые церковью, спортивные игры в той или иной форме продолжали существовать. Известно, например, поучение Иоанна Златоуста, произнесенное им по поводу того, что в предпасхальные дни все население Константинополя устремилось на ипподром, где происходили состязания, а христианские храмы пустовали. Таких христиан Иоанн Златоуст предлагал отлучить от церкви. Правда, прошло не одно столе-

Рисунки Е. Катышева.

тие, прежде чем спорт занял подобающее ему в жизни людей место. Его воспитательное значение, притягательная сила оказались настолько велики, что с этим нельзя было не считаться. И не удивительно, что XX век проходит под знаком признания церковью физической культуры и спорта.

Руководители различных религиозных организаций поняли, что если они не перестроятся, не изменят своего отношения к спорту, то утратят влияние на прихожан. И вот святые отцы выбегают на поле, чтобы погонять футбольный мяч вместе с детьми, подростками, прерывают проповедь, чтобы сообщить результат того или иного матча, как это сделал один бразильский падре во время игры национальной сборной с командой Болгарии: «Первый тайм окончился со счетом один ноль — в нашу пользу. Помолимся господу за благополучный исход второго тайма...»

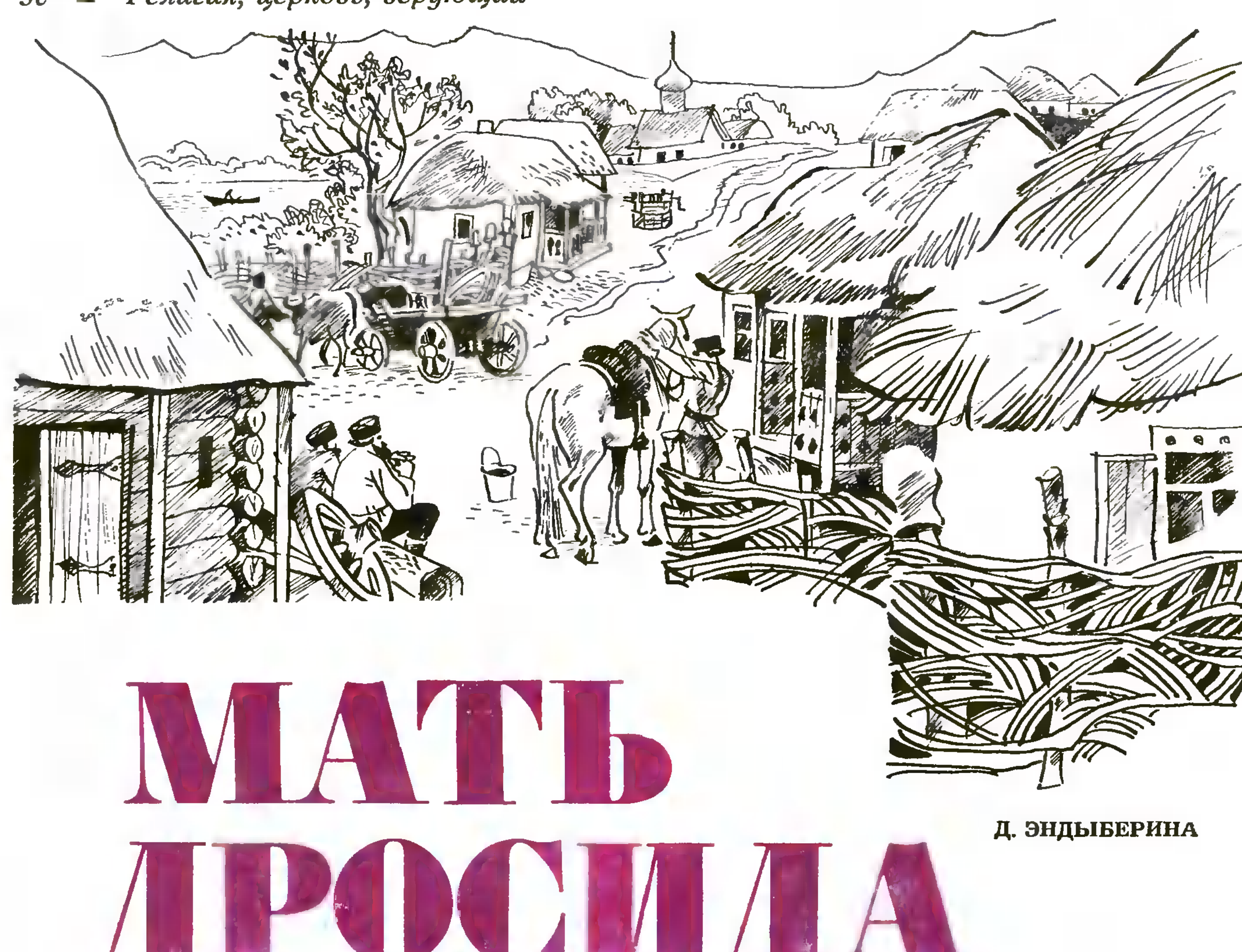
Некоторые служители сами выступают на различных соревнованиях, в том числе и на Олимпийских играх. Любопытно, что сказал бы Тертуллиан, видя, как выводит на хоккейную площадку своих отнюдь не кротких парней канадский тренер — патер Бауэр. Удивились бы святые отцы древности, узнав, что в XX веке их собрат — католический священник Боб Ричардс — оторвался от грешной земли на высоту 4 метра 40 сантиметров и стал олимпийским чемпионом по прыжкам с шестом.

Под эгидой религиозных организаций создаются различные молодежные союзы и общества, строятся спортивные центры. Спорт рассматривается как средство, с помощью которого можно воспитывать молодых людей в религиозном духе. Члены этих объединений идут в мир и ведут активную пропаганду. К Олимпийским играм выпускается масса брошюр и листовок, а сама Олимпиада рассматривается как мероприятие, угодное христианской религии. Причем под все это подводится теоретическая база. Вот что сказал в свое время папа Пий XII: «Физкультурник, когда он остается верным принципам своей веры, осуществляет подлинно апостольскую миссию». А папа Павел VI, приветствуя в 1965 году участников первого Международного конгресса по психологии спорта, заявил, что «церковь питает постоянное уважение к человеческому телу, которое является храмом божьим и которое в определенный день воскреснет. Поэтому она покровительствует спортивной деятельности, помогающей установлению гармонии между физическим развитием и нравственным воспитанием».

Но не только духовными интересами руководствуются священнослужители, приветствуя Олимпийские игры. Существует еще одна причина, о которой не принято распространяться,— деньги. Это особенно ярко проявилось на XVII Олимпийских играх в Риме. Дело в том, что правительство за большую сумму скупило у Ватикана землю для строительства спортивных сооружений. Куш оказался солидным, но святых отцов не устроил. Они превратили монастыри в пансионы для туристов — к большому негодованию владельцев римских отелей, которые надеялись заработать в дни Олимпиады. В результате «Банк святого духа» (главный банк католической церкви) положил в свои сейфы большие суммы.

Но как бы то ни было, идея Олимпийских игр, заложенная в древности и возрожденная вновь французским общественным деятелем Пьером де Кубертеном, продолжает развиваться. Атлеты разных стран мира — атеисты, христиане, мусульмане — состязаются на полях стадионов, демонстрируя на практике дух братства и единства.

В. БОРИСОВ.

МАТЬ ДРОСИДА

Д. ЭНДЫБЕРИНА

Читательница нашего журнала З. С. Гольберг написала ■ редакцию о том, что ■ время отпуска ■ одном из черноморских городов она познакомилась с пожилой женщиной, которая была когда-то монахиней подпольного монастыря имяславцев. Не заинтересуют ли журнал воспоминания «матери Дросиды»?

Работу над будущей повестью Д. Ф. Эндыбериной поручили мне, литсотруднику редакции. Признаюсь, сначала ■ отказывалась. Будет ли интересно нашим читателям то, что нам расскажет или напишет о себе мать Дросида? Но привлекало название малоизвестной секты — «имяславцы». Литературных источников ■ них совсем немного.

Секта появилась ■ 1910- 1912 годах в православных монастырях на Афоне, ■ Греции, на Халкидонском полуострове. Монахи заспорили, кого славят верующие в своих молитвах: самого бога или его имя? Так возникло два течения имяславцев и имябожников. Первые заявили, что душа человека, ввиду своей греховной природы, недостойна вступать ■ близкие отношения с богом ■ люди могут славить только имя бога. Вторые считали, что они в молитвах непосредственно сливают свои души с богом. Управление русских монастырей на Афоне для ликвидации этого раскола выслало имяславцев ■ Россию и расселило их по разным монастырям. В 1915—1916 годах они были отлучены от церкви.

Большинство имяславцев после революции поселилось на Северном Кавказе. Распространяя свое вероучение, они внушали, что Советская власть — это власть антихриста, проповедовали монархизм ■ находили отклик среди кулацких элементов. В 1923—1925 годах ■ Краснодарском крае главари подполья провели активную работу по переселению своих последователей в глухие районы края — Темные Буки, Медведовскую пустынь, село Бабук-аул, где были созданы нелегальные монастыри и скиты.

Сразу после революции появился на Кубани Ф. Григорович, белый офицер, выдававший себя за царского военного министра, оставленного для организации борьбы против Советской власти. Он агитировал население уходить в белогвардейские банды. А в 1923 году Григоровича увидели в этих же краях в другой роли: теперь он именовался то отцом Федором, то монахом Пантелеймоном и склонял имяславцев к переезду ■ Бабук-аул. 35 семей из кубанских станиц поддались уговорам. Отец Федор под видом хозяйственных объединений земледельцев организовал в Бабук-ауле монашеские скиты. Они объединялись ■ монастырь Настроение находившихся ■ нем контролировалось ежедневным «исповеданием помыслов».

Так же действовали ■ Темных Буках — монах Белых, в станице Медведовской — братья Федор ■ Григорий Макаровские. Между всеми монастырями поддерживалась связь, проводились систематические совещания.

В 1928—1930 годах антисоветское подполье было ликвидировано, ■ руководители наказаны по заслугам.

Вооружившись этими скромными сведениями, я послала Дарье Филипповне письмо с такой просьбой. Пусть она сама напишет, как сумеет, или продиктует дочери свои воспоминания и пришлет их в редакцию. А мы придадим этим запискам литературную форму.

На положительный ответ я надеялась слабо. Захочется ли неизвестной мне уже преклонных лет женщине излагать свое печальное прошлое? Надо любить писать, чтобы вот так сесть и доверить бумаге свои мысли и чувства. Для многих и тягость сочинить даже поздравительную открытку, не то что длинное письмо. А тут — целое повествование.

Не прошло и недели после отправки моего письма, как однажды в редакцию непогожим мартовским утром явилась посетительница, укутанная по брови в шерстяной платок, обутая в большие валенки — сразу видно, южанка — им всегда кажется, что в Москве снег лежит и морозы трещат до самого Первомая.

— Вот я приехала к вам сама. Кто мне письмо присылал? Я и есть Эндыберина. С кем мне разговаривать?

Она сняла пальто, размотала шаль и оказалась уютной бабушкой в бумазеевой кофте и белоснежном платочке, завязанном под подбородком. Хозяйственную сумку, с какой ходят в булочную и в продовольственный магазин, Дарья Филипповна из рук не выпускала. А когда мы с ней остались в комнате одни, она вынула из сумки беленький узелочек, развернула его и пододвинула мне стопку ученических тетрадей.

— Берите. Это я начала писать больше десяти лет назад. Что вспомню, то и запишу. Почерк мой не совсем ясный. Зоя Гольберг (она вам обо мне сообщила) читала мне и говорит, что понять можно.

Таким образом мы получили записки Дарьи Филипповны — искреннее и трогательное повествование о печальном заблуждении — и решили, что оно затронет и вас, наши уважаемые читатели.

Дарья Филипповна о монашестве своем вспоминает с большим сожалением и грустью. Но жизнь есть жизнь, и человеческие радости не обошли бывшую монахиню, готовившую себя постами и молитвами к небесному раю. Д. Ф. Эндыберина, отбыв ссылку, вышла замуж, обзавелась семьей, потом вернулась в родные края, трудилась в колхозе. Сейчас она получает за свой многолетний труд пенсию, живет с дочерью и зятем и вполне довольна своей судьбой.

Е. Сергиенко

1

В СТАНИЦЕ Ахметовской, где я родилась, люди молились богу, как и полагалось молиться, и я в детстве не помню в нашем доме каких-либо разговоров, осуждающих православную веру. Кто бы и за что посмел ее осуждать? Мои родители были набожные, ходили в церковь, молились дома и, как говорится, «без бога ни до порога». Соседи наши и родственники жили так же и никогда не задумывались, правильно ли они молятся. Никому это и в голову не приходило. Все крещеные, все одним миром мазаны.

Но вот в 1923 году, в июне, на Петра и Павла, наш богомольный отец воротился из церкви взволнованный, негодующий и говорит мачехе:

— В церковь нельзя больше ходить! Там теперь начальником Красный дракон. Попы все еретики, они служат неправильно, и все, кто их слушает, тоже еретики. Правильно служат только на хуторе Соленом.

Вот и стал отец ходить молиться на хутор Соленый. Удивительно это было тогда для меня, 17-летней девушки. Зачем, спрашивается, тащиться в соленовскую церковь за столько верст, если есть своя в Ахметке?

Наша станица Ахметовская лежала в красивом месте — в лесу, на берегу быстрой реки Лабы. Но красоты той я за слезами не замечала. Не могу и сейчас вспомнить без слез свою горькую девичью долю. Отец мой Филипп Герасимович Эндыберя, зажиточный казак, имел много скота, хороший дом с садом и огородом, а кроме того еще один сад и огород над рекой Лабой. Имел отец и землю в степи: работы всей семье хватало. Было нас четыре сестры и три брата. Я родилась в 1906 году, восьми лет отдали меня в церковноприходскую школу — одну из всех сестер. Проучилась я всего две зимы, как умерла наша мама... Кончилось мое школьное учение и мое детство. Привел отец в дом злую мачеху, да с двумя сыновьями, а родных сынов повыжил.

Наша родная мама перед смертью говорила Ефиму, старшему моему брату, чтобы он женился поскорее, до прихода в дом мачехи. Чуяло сердце матери, что так оно скоренько и будет. Ефим послушался. Осуждали люди Филиппа Эндыберю за то, что, не выждав сорока дней после смерти жены, он уже справляет свадьбу сына. Но оба они — и отец мой и брат торопились.

Не прожила мачеха у нас и трех месяцев, как согнала второго брата, Яшу. (Его и Ефима убили в восемнадцатом году белые.) Остался с нами младший брат Андрей, но и он скоренько покинул дом, ушел жить к тете Ульяне, отцовой сестре. Она была замужем не за казаком, а за мужиком. Земли у него не было, и дети их нанимались в

Рисунки Р. Авотина.

работники к богатым казакам. Старшая моя сестра и я, мы очень жалели брата, и поэтому воровали у себя дома продукты и полотно и носили потихоньку тете Ульяне, чтобы она нашего братика кормила и одевала. Самой ей откуда же взять? Дядя наш, мужик, плотничал, рубил для телег колеса, а много ли этим заработаешь? Не каждый год люди обзаводятся новой телегой.

Власти в революцию в нашей станице часто менялись. И все со стрельбой. Много в те годы лилось по кубанским станицам крови. Отец с мачехой в 20-м году прятались от красных. Все богатые казаки и те, что служили у белых, сбежали в лес, а харчи им носили родные и близкие, кто остался дома. Носила и я своим отцу и мачехе. Привезла я их домой, когда выпал снег и стало прятаться трудно: оставались на снегу следы и по этим следам милиция может отыскать, куда я ношу хлеб. Запрягла я подводу и поехала в лес, будто за хмелем, набила им мешки и укрыла отца с мачехой. А в сарае уже была для них приготовлена яма, на ней доски, на досках тыквы. В этой яме отец с мачехой хоронились всю зиму, а в доме нашем стояли на постое красные. Понравилось им у нас — дом просторный. Одни постояльцы уйдут, другие явятся, и никто не замечал, как мы с сестрой носим тайком в сарай харчи.

Настала весна, и первого марта мачеха со стоном вылезла из ямы, пришла в дом и к утру родила девочку. Отец тоже заявился, и его сразу арестовали, отвели в сельсовет, и там он несколько дней сидел запертым в подвале. Вывели его оттуда, чтобы судить перед народом, но не признали станичники вины за Филиппом Эндыберей, и его отпустили. Получается, что не надо было ему хорониться от большевиков, бояться Советской власти и принимать долгую муку в холодном лесу и в сырой яме.

Мачеха твердила, что беду отвел бог, послал нам за молитвы спасение. Она, как и наш отец, была очень богомольная и много рассказывала о Беловых, родителях ее первого мужа. Те целый год ходили на богомолье по монастырям, были в Киево-Печерской лавре и даже в Иерусалиме и в Афоне. Одна их дочь, монахиня, жила в монастыре не то в Тебердинском, не то в Ставропольском. Много странников, отшельников, монахов и монашенок* заходило в дом к Беловым на ночевку. Мачеха рассказывала своей куме, а я подслушала, как однажды какой-то монах или странник гонялся за младшей дочерью Февронией, звал ее за сараи.

— А может, он ей молиться вместе предлагал! — говорила кума и хохотала.

Нам же, Эндыбериным дочкам, было не до смеха. Мы с сестрой работали вдвоем в степи и часто там ночевали. А если возвращались домой, то поздним вечером, усталые, и надо было еще управляться по хозяйству. Пока управимся — вот и минула уже половина ночи. Спали мы часа два или три, не больше. Только глаза закроешь, а уж мачеха будит и ругает и отец ворчит, что мы, девки такие-сякие, опять проспали.

Вторая сестра зимой вышла замуж, а первая еще годом раньше. Свадьбу сыграли хорошую. Я бы тоже рада была уйти из дому, да отец жалел отпускать работницу: я и в степи с ним пахала, и гоняла пасти гурт. И вот в праздник Георгия Победоносца, 23 апреля по старому стилю, после того как отец обошел с иконой вокруг гурта и помолился «о сохранении скота от снедания зверей», я погнала скот в степь на выпас. Стало хмарить, захотелось мне спать, потому что всегда я была невыспавшись. Скот напасся и лег. Я тоже завернулась в бурку, перекрестилась, легла на траву и крепко уснула, а проснулась, лежу в воде — такой сильный прошел дождик. Заболела я малярией, думали — живая не останусь. Трепало меня сильно четыре месяца. Работать я не могла, высохла, пожелтела и все дни только лежала. Есть не ела, только пила и очень хотелось мне чего-нибудь кисленького, а мне не давали (потому что при малярии никакую зелень есть нельзя), хотя летом у нас полно и алычи, и слив, и помидоров, а осенью варят томат и мочат яблоки.

Лежу я больная, на меня уже и внимания не обращают, а я все вижу и слышу, что в доме делается. Наш отец очень переменился, как сходил на хутор Соленый, пришел оттуда радостный и рассказывает, что много в Соленом ангелов божьих — монахов и монашек и все они приняли веру отца Федора, который учит правильно молиться и славить имя бога. Та вера называется имяславие. Все, кто ее принял, должны отречься от родных и соседей, если те не стали имяславцами. Православные, не отрекшиеся от неблагодатной церкви, — это слуги антихриста и еретики, все они погибнут, все сгорят в аду, а имяславцы все будут спасены навечно.

Зачастили в наш дом имяславские проповедники, посланники того вероучителя, отца Федора, и ругали они Советскую власть. Мол, это власть антихриста и нужно от нее отречься. Все люди, которые ходят в православную церковь, погибнут, все они сгорят в аду, и дети их, родившиеся при власти антихриста, — это дрова для вечного ада, где начальником Красный дракон!

Вот какие страсти я слушала.

— Нельзя имяславцам молиться вместе с еретиками, потому что от иконы, на которую помолится еретик, божья благодать отступает. Икону надо для очищения окропить святой водой. Есть с еретиком тоже нельзя, у него во рту огонь, а в чашке, когда он к ней губами прикоснется, плавают невидимые змеи. Попы при Советской власти служат неправильно, сами они за это погибнут в аду и прихожане их вместе с ними. Нельзя имяславцам жениться и выходить замуж, а надо идти в монахи и монашенки, чтобы сохранить в чистоте свой дух, свою святую веру.

— Слушайтесь отца Федора! Он правильно учит веровать и выведет

* Монашенка — в данном тексте молодая девушка, еще не принявшая постриг (прим. авт.).

всех нас на правильный путь, — говорили проповедники.

Людей имяславской веры, монахов и монашенок, приходило в наш дом все больше и больше. Однажды я сосчитала в сенях посохи, с которыми они пришли, — 42 палки! Вот сколько собралось имяславцев под нашей крышей, но ведь те, что помоложе, ходили без посохов.

Молитвы и божественное песнопение мне нравились. Хорошо пели монашенки, и я им подтягивала. Они хвалили меня, и я этим гордилась.

— Шла бы ты, Дарья, в нашу веру, — говорили мне они.— Пела бы и читала бы с нами, ты же грамотная.

— Куда ей! — отвечала за меня мачеха. — Дашка наша ни к чему не способная.

Разве не обидно было такое слушать? На мне и поле, и скотина, и огород — и я же ни к чему не способная.

Все те люди, кто поверил учению отца Федора, держались друг дружки и собирались вместе молиться. Они говорили, что скоро отец Федор повелит им покинуть свои дома и выехать с семьями в святое место, где все имяславцы укроются от власти антихриста.

Бросать родную станицу Ахметовскую мне было жалко, но от ненавистной мачехи я бы уехала на край света. Имяславского учения я не понимала и продолжала тайно от отца и мачехи ходить в ахметовскую церковь, навещала и родственников: теток, дядьев, замужних сестер. Отец от них от всех отрекся — они же еретики, не приняли имяславия.

Брат наш Андрей подрос, сел на коня и поступил на службу в ЧК, где, как известно, не верят богу. За это наш отец назвал неверующего Андрея еретиком, а меня, верующую, за то, что хожу к родным, еретичкой. Сам же он, наш батя, заделался таким святым, что, как говорили у нас в Ахметке, «живым лез до бога».

Бог богом, а пахать и сеять надо самим и вовремя. Шла весна двадцать четвертого года. Младший сын мачехи пас вместо меня скотину, старший ушел от нас жить к родному своему деду Белову. Я пахала в степи с отцом, быков погоняла. Вот запрягу их в ярмо и ожидаю отца, а ему некогда, он все молится и никак не закончит — все усердствует.

Молились они с мачехой и дома теперь долго, как заделались имяславцами. Молятся, молятся, аж поругаются. А я убегу вечером к подруге, рассказываю, и мы с ней смеемся. Ну, не смешно ли? Поехал наш отец в другую станицу к старшей моей сестре в гости. Она давно вышла замуж, был уже у нее мальчик. Подала сестра отцу поесть и вышла зачем-то из хаты. Вернулась, а сынишка спрашивает:
— Почему наш дедушка перекрестился не на икону, а на шкаф?

А это наш отец не захотел креститься на еретические иконы, а другой угол был занят шкафом. Я сама видела однажды, как отец встретился у наших ворот с задушевным своим другом и руки ему не подал, и в дом не пригласил, как бывало раньше, потому что тот человек — еретик!

Отец и мачеха кропили святой водой соседские хаты и плетни, чтобы к нам не перешла ересь. Если же в наш дом приходили невзначай родственники или мачехины сестры и крестились на иконы, то после ухода незваных гостей, мачеха наливала в стакан святую воду и брызгала в передний угол.

Много в нашем доме перебывало имяславских проповедников, но самым строгим и усердным из всех был брат Николай. Он уговаривал меня, чтобы я приняла веру имяславия и пошла бы в монашенки. Отцу моему тоже очень хотелось, чтобы я приняла монашество и замаливала бы грехи всей семьи. Батя грозился, что не даст мне своего благословения, если я не послушаюсь его и выйду замуж. А ко мне уже сватались трое.

Посватался перед масленицей Алексей. Не любила я его, но вся родня уговаривала меня выйти. Да и пора, не сидеть же в вековухах, исполнилось девятнадцать уже. Согласилась я, рада была вырваться от мачехи, боялась только, что накажет меня бог, если выйду без отцовского благословения. Был у нас в Ахметке такой страшный случай. Дочка нашего станичника Федора Картамыша пошла под венец без благословения отца и не дошла, упала, и отнялись у нее рука и нога, так и осталась калекой. И меня, думаю, бог точно так же накажет. Тетки мои и их мужья говорили:

— Не бойся. Отец не устоит — родная ведь ты ему дочка. Увидит он тебя в свадебном наряде, убранной уже невестой и отмякнет его сердце, благословит, как и старших дочек.

Но тогда, когда выходили замуж старшие мои сестры, батя наш не был еще имяславцем, а теперь я для него еретичка и замуж выхожу за еретика.

Отец не только не дал мне благословения своего, но даже не отпер дверей дома. Родственники, что провожали меня в церковь, вошли во двор, постучали в двери, да ни с чем и ушли. Спасибо, дядя, брат моей матери покойной, вышел навстречу свадебному поезду, вынес икону и благословил меня. Венчались мы после обедни в воскресенье. Люди выходили из церкви, и было мне стыдно, что я иду замуж без благословения родителей.

2 ВОТ ЖИВУ я замужем, живу хорошо, муж меня жалеет, а нет в душе покоя: родной мой отец от меня отрекся, а грех за это на мне. К тому ж еще моя крестная мать доводится крестной матерью и Алексею, а это грех великий для нас обоих, мы же крестные брат и сестра, и потому грешно было жениться. И стала я все больше задумываться о своем грехе и прислушиваться к учению отца Федора, главного имяславского проповедника. Возили его по всем кубанским станицам, где жили люди, принявшие это учение. Много я уже знала таких станиц: Надежная, Подгорная, Каладжинская, Владимирская, Упорная, Вознесенская, Бесленеевская, Губская, Переправная, хутор Соленый, хутор Шедок и наша Ахметовская. Что же, если этот отец Федор столько людей связал своей верой, то, может быть, и правда эта божья вера лучше той, что была у нас раньше? Может быть, и прав мой родной отец, называя

меня еретичкой? И наверное, прав брат Николай, помощник отца Федора, когда уговаривал, чтобы шла я не замуж, а в монашенки? Они, дочки тех родителей, что приняли новую веру, ждали, когда съедутся все имяславцы в святое место, а монашенки соберутся по святым обителям.

Захотелось и мне в обитель, чтобы жить для бога, жить вдали от мира, в чистоте и отмаливать свои грехи. Виновата я, видать, перед богом крепко, если он допустил, чтоб родной отец отрекся от меня. Говорю мужу: «Давай в монахи уйдем». — А он смеется: «Ты, Дашка, ума от лихорадки лишилась».

Мне же втемяшилось это в голову — не отпускает. Что ни работаю, вижу себя в черном платье и с четками в руках. Как помешанная хожу, все мне опостылело. Вот, думаю, сделаюсь монашенкой, и мой родной отец простит меня.

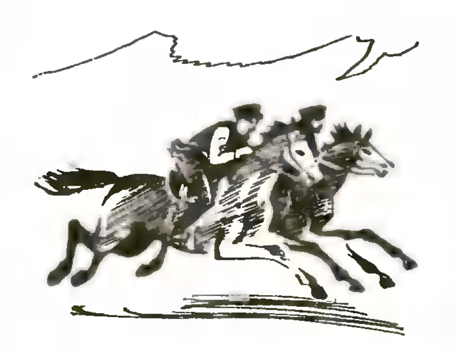
Решилась я от мужа уйти.

Отец Федор ездил тайно по всей Кубани, но больше жил в доме Якова Ивахненко в станице Каладжинской. Две дочери и четыре сына Якова приняли монашество, и в доме Ивахненко было что-то вроде монастыря. Жили там и чужие девушки-монашенки и бесплатно работали во дворе по-хозяйству и в степи. И своих бы рук в семье хватило — десять сыновей и дочерей. Дочь Надежда убегала в двадцатом году с белыми, когда они отступали, но они Надю бросили. Она боялась возвращаться домой в Каладжинку и пряталась у нас в Ахметке. Больную, несчастную моя тетя нашла ее в огороде и привела к нам. Потом за Надей приехала мать, забрала. Били ее родители смертным боем и приговаривали:

— Воротилась? Кинули тебя, как собачонку шелудивую. Кто ты теперь? Кому нужна? Осрамила нас, подлая! Калекой сделаем, на своих рук тебя кормить станем, а будешь монахиней, отмолишь и свой грех, и этот наш.

Так и получилось через пять лет, когда отец Федор нарек Надю матерью Натальей. Жила она пока в родном доме и собиралась в обитель, которой еще не было. Руку правую мать Наталья носила на перевязи, перебили ей руку родители, сделали из дочки калеку и монахиню имяславскую, сдержали свое родительское слово.

Наступил май, и начала лихорадка трепать меня все чаще. Надеялась я, что пройдет малярия после венца. Говорили мне, что

как обвенчаюсь я в церкви, так и вылечусь. Но венчание не помогло. Да и как оно поможет, если венчалась я в еретической церкви, венчалась с еретиком и венчал нас поп-еретик.

Собрала я в узелок смену белья и кофту с юбкой и сказала свекрови, что иду к бабке-знахарке лечиться от малярии, а одежду несу ей в уплату. А сама направилась в Каладжинку к дому Ивахненко. Отец Федор вышел говорить со мной. Был он старый и седобородый. Видела я его так близко в первый раз. Проповеди его слыхала, стоя где-нибудь в сенях, но разговаривать с ним не приходилось.

— Иди к мужу и попроси развод. Как же ты хочешь монахиней быть, ведь ты замужняя? — сказал мне вероучитель.

Вернулась я домой и прошу у мужа развод, а Алексей снял со стены охотничье ружье и сказал:

— Если бы я тебя, Дашка, не любил, убил бы за такие слова сразу. Никуда я тебя не отпущу, ни в какой монастырь.

Но через два дня под вечер я пошла по воду на Лабу, там бросила ведра на берегу, перекрестилась, да и подалась по-над Лабой по высокому бурьяну, чтобы никто меня не видел. Найдут, думаю, люди мои ведра и скажут, что Дашка утопилась. Не поверили брат Андрей и мой муж этой хитрости, искали меня, но не нашли.

А я благополучно пришла поздним вечером в Каладжинку в дом Ивахненко, и отцу Федору доложили обо мне. Он вышел и сказал, что уж если я сделала вид, будто утопилась, то должна отныне получить другое имя, и нарек меня Еленой. И этой же ночью братья Шевяковы Георгий и Павел увели меня в станицу Переправную, не сомневаясь, что брат и муж кинутся меня искать. Так и было.

В Переправной я жила у Шевяковых. Днем работала, а утром и вечером молилась так же усердно, как когда-то, видела, молились мои отец с мачехой. Молиться имяславцы собирались чаще всего у Ольги Байковой, и я ходила к ней. Звали ее теперь мать Тамара. Она посылала за мной, когда отец Федор приезжал в Переправную. Он говорил о том, что скоро мы удалимся в святое место, которое уже найдено. Горы расступятся и загородят нас, и мы все дождемся там второго пришествия Христа. Называется это святое место Бабук-аул, хутор в горах. Монашенки осенью уйдут туда через перевал, и начнется тяжкая и святая монашеская наша жизнь в молитвах и трудах. Что посеем, что вырастет, то и наше, то и поедим.

Жила я в доме Георгия Шевякова два месяца. Научилась читать молитвы и отсчитывать их на четках: сколько раз какую надо прочитать и в какое время. Посылает меня однажды хозяйская дочка Александра отнести на амбарный чердак еду какому-то проповеднику. Самой Александре тяжело было подняться по лестничке, ходила она с костылем. Взяла я узел и полезла. И вижу на чердаке того брата Николая, который часто бывал в доме моего отца. Сидит Николай на полу и рисует на большом листе бумаги антихриста, опутавшего цепями души праведных. Отдала я затворнику еду, вернулась в дом и спрашиваю у хозяйской дочки, кто он такой, этот проповедник. Она ответила, что он двоюродный брат Шевяковых, родом он из той же станицы Переправной, фамилия его Голован. Он несет покаяние за то, что в восемнадцатом году сек людей плетьми, потому и вынужден скрываться от станичников. Но какой бы ни был грех, даже смертный, и его бог простит, если покаешься. И меня простит, понадеялась я. Вот буду каяться и молиться день и ночь — и отмолю себе прощение, и вознаградит меня бог на небесах.

Георгий Шевяков в конце июля тайком отвел меня обратно в Каладжинку к Якову Ивахненко убирать ему хлеб. Работало нас 11 человек: семь послушниц и четверо мужчин. Это были сыновья хозяина и еще два «брата во Христе». Один из них, бывший регент церковного хора, учил нас вечерами петь молитвы. Они все тоже собирались в монахи и должны были вместе с нами, послушницами, ехать в Бабук-аул. Старшей над нами хозяин поставил свою дочку Надежду (теперь мать Наталью), она наставляла нас на путь праведный, и я видела один раз, как сама она сидела в саду и

разговаривала с мужчиной, нас же учила, что нельзя и смотреть на них. Но я не осудила ее.

Убирали мы у Ивахненки хлеб: жали пшеницу и вязали в снопы на 15 десятинах, там в поле и ночевали все это время в шалашах и под телегами, вечером под открытым небом молились и после молитвы уже начали исповедоваться нашей духовной матери Наталье в своих помыслах. Кормили нас хозяева прокисшим вчерашним борщом и плесневелым хлебом — готовили к несытой монашеской жизни. Мы не роптали, знали, на что идем, и какая жизнь ждет нас, но обидно стало до слез, когда вынес нам Ивахненко плату за наш труд — всего полтора мешка зерна. Мы уже собирались ехать в Бабук-аул, и никто там не приготовил нам хлеба.

Наступила осень. Ушли за перевал в неведомый Бабук-аул мои духовные сестры, а я пока что осталась. Уходили в святое место небольшими группами. Только в ноябре повезли меня из Каладжинки в станицу Владимирскую, а оттуда мы, я и мой провожатый, пошли в Лабинскую. Встретился нам отец Федор и сказал, что нельзя мне садиться на поезд здесь, в Лабинской, где могут меня увидеть муж или мой брат Андрей, а надо идти до станицы Курганной.

Имяславец по фамилии Салов гнал буйвола в Курганную, я пошла с тем казаком, но не задаром — буйвола погоняла хворостиной всю дорогу. Вечером мы были уже в доме Салова. А тем временем, действительно, на станции в Лабинской видели моего брата и мужа. Они узнали от кого-то, что я должна была в тот день уезжать. Обо всем том позже мне рассказали мои единоверцы.

В дом к Салову приехал в тот же вечер и отец Федор. Я оказалась в соседней комнате и услыхала громкие спорящие голоса — один отца Федора, другой чужого старика. Выглянула я и увидела его. Он был пониже ростом, чем отец Федор, и совсем седой — с длинными белыми волосами. Спор их, наверное, очень важный, мне не полагалось слышать. Сестра хозяина, монастырская монахиня мать Иннокентия, быстренько увела меня из хаты в летнюю кухню.

— Кто этот старец? — спросила я ее.

— Игумен, отец Софроний. У него под началом много монахов и монахинь, есть и миряне, и все его чтут. А вот с отцом Федором он всегда спорит. Не признает отец Софроний нашей веры, сам в еретическую церковь ходит и не запрещает никому.

Отец Федор после спора велел позвать меня в дом и благословил ехать в Бабук-аул в обитель к матери Марии. Поклонилась я нашему учителю в ноги и этой же ночью ушла на станцию, где уже ждали меня попутчики: Евфросинья Филиппченко из станицы Владимирской, мать Устинья из Малотегинки и человек десять мужчин из Надежной.

Все мы доехали до станции Лоо, переночевали там, а на заре двинулись пешком на перевал. Горы высокие вокруг, лесистые, красоты несказанной. Только в таких местах, думаю, и должна находиться святая обитель — ближе к небу и дальше от людей. В поступке своем, в том, что ухожу от мира, я не раскаивалась. Сам отец Федор на прощанье ласково говорил со мной. Он сказал, что я умная, усердная, грамотная и ждет меня святая жизнь.

— Житие твое будет описано, дочь моя духовная Елена, — предсказывал мне отец Федор, а я за эти слова была ему благодарна и предана.

Грех великий тщеславие, но видела я себя в мечтах своих святой монахиней, наставницей, матерью духовной, видела, как мачеха моя в ноги поклонится мне. Мне, Дашке заболтанной, ни к чему неспособной, которую она подымала чуть свет и гнала в степь пасти коров. Но ведь и святые при жизни своей земной терпели унижения и гонения, а не терпели бы те праведники, о чем тогда в их житиях писать?

3

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ имяславцев с Кубани в Бабук-аул началось осенью 1925 года. Яков Ивахненко, помощник отца Федора по мирским делам, поехал по его указанию и благословению в горы и высмотрел хутор. Туда в 1910 году царь сослал старообрядцев. Они построили церковь и около полсотни хат, выкорчевали, где смогли лес, и на этих полях сеяли хлеб и кукурузу, сажали огороды. Но не прошло и десяти лет, как молодые люди стали оттуда уходить, а старики перебивались кое-чем, существовали кое-как, полей не обрабатывали и раскорчеванные когда-то делянки снова заросли молодым леском. Место же само по себе очень красивое, и вокруг в лесу растут и хорошо родят грецкие орехи, каштаны, дикие яблони, алыча и груши.

Ивахненко купил себе помещение бывшей старообрядческой церкви (оно стояло заколоченное), а для дочери Надежды (теперь матери Натальи) дом отдельно. Домов продажных сначала было много, но скоро все их на самом ху-

торе раскупили и пришлось селиться за рекой.

В эту бурную горную реку впадали по одному склону две поменьше. Вот между ними, по горе хата за хатой и находился Бабук-аул.

— Мы ушли от греховного мира, от антихристовой власти, и переехали все в это святое место, чтобы здесь сохранить чистоту веры, дождаться второго пришествия Христа. Доживем здесь до большой войны, а после нее монахи нашей веры будут строить себе монастыри, а наши миряне получат лес и пашню, кто сколько захочет, — обещал отец Федор.

Поверили ему имяславцы, распродали в родных станицах свои дома, погрузили имущество на подводы и перебрались на жительство в Бабук-аул. Переехал и мой родной отец со всей семьей.

И в эту же осень начали они корчевать пни, расчищать заросшие, брошенные староверами поляны, чтобы с весны сеять жито и сажать картошку.

Устраивались сразу же и святые обители — женских было восемь, мужских — одна. Но многие молодые парни, оставаясь жить в семье с родителями, готовили себя к монашескому чину.

Все это я знала в Бабук-ауле, когда увидели мы его поздним осенним вечером уже в темноте. Окошко кельи (небольшого домика) чуть мерцало, мы стукнули в двери и нас впустили. Шло вечернее богослужение, светила лампада, молящиеся стояли и перебирали четки. Мы, вновь пришедшие три послушницы, тоже стали на молитву, но мать Мария, настоятельница этой обители, видя, как устали путницы, благословила нас сесть.

Со мной мать Мария (отныне моя духовная мать) поговорила особо. Она сказала, что ее духовных дочерей сейчас в обители девять и ожидается прибытие еще трех. Я же, не знаю зачем, быстренько сосчитала в уме: в восьми обителях по 12 — это будет 96 послушниц, да еще к ним прибавить 8 настоятельниц: наша мать Мария да еще другая мать Мария, потом остальные матери — Нонна, Екатерина, Тамара, Херувима, Варахаила, Иннокентия. Почти все они были монастырскими монахинями, но их монастыри позакрывали, и пришлось инокиням либо идти по миру, либо жить дома у родных, где святых сестер не очень-то жаловали. Кому же нужна монахиня без монастыря, что от нее проку, только лишний рот в доме. А вот теперь, небось, родные и родственники гордятся тем, что имеют перед богом святых заступниц. Живут эти заступницы вдали от мира, от семьи и не мешаются в семейные дела.

Домик обители был внутри таким: сени (называли мы их коридор), за ними моленная — большая комната с аналоем посередине, шестью топчанами вдоль стен и столиком, заставленным иконами в переднем углу. Их много было и на стенах. Следующая комната поменьше, и в ней тоже шесть топчанов. Мать духовная помещалась в отдельной маленькой келье, где тоже были иконы и свой аналой. Лампадка освещала столик с книгами и будильником. Постель матушки — тоненькое одеяльце с подушечкой — была уже разложена на топчане. В изножье постели — маленькая печь.

— Почему же брат Яков так мало заплатил вам за жнитво? — спросила с горечью мать Мария и заплакала. — Чем же мы будем, чада мои, первую зиму жить?

А я-то думала, что святые матери-монахини о хлебе насущном слез не льют.

Вышла я поутру на свет божий из кельи и нарадоваться не могла неописанной красоте. Своим восторгом я поделилась с матерью Марией, а та мои слова передала отцу Федору, и он сказал, что я необыкновенно восприимчива. Он и раньше отличал меня от остальных. Разные были монашенки. Многих родные отцы-матери чуть не силком в святую обитель затолкали, что для такой красота здешняя, неизреченная, когда она день и ночь думает о брошенном в станице женихе? Потому-то наша духовная матушка не уставала поучать нас строгому и святому монашескому житью, и каждый вечер после молитвы мы исповедовались ей в грешных помыслах своих. Мать Мария сидела, а мы подходили к ней по одной, кланялись в пояс и рассказывали о том, о чем подумалось и пригрезилось за целый день.

— Боритесь, чада мои, с грешными помыслами, — учила нас настоятельница. — Это бес искушает вас. Забудьте и думать о мужчинах. Монашенка дала обет безбрачия и весь свой век не смеет смотреть на мужчин. Вы, монашенки, — земные ангелы. Ангел существо божественное, бесполое, потому боритесь с похотью своей!

Поисповедовавшись, снова молились, а помолившись — ложились спать на жесткие, неструганные топчаны, покрытые вместо тюфяков тонким рядном. Будильник звонил в полночь, и матушка наша подымала нас на молитву «полуношницу». Стояли мы сонные и, молясь богу, досматривали свои грешные сны. Трудна нам была с непривычки эта «полуношница». Меня даже покачивало. Настоятельница, заметив это, велела мне становиться сзади всех у дверей, на тот случай, если я буду падать, чтобы никого не свалила. Однажды я действительно упала, а дверь была не закрыта на вертушку, и я вывалилась в коридор. Смеялись послушницы громко, забыв свой чин, вспоминая вслух станичные гулянки и забавы, но как их, девушек, винить за это? Они же молодые, здоровые и в обитель ушли от ухажеров и женихов. А и так и вовсе — замужем побыла.

Однако с искушениями мы боролись. Житие наше протекало строго, ели мы постно и мало, а чаще и всухомятку — картошку или кукурузную кашу без постного даже масла. Спали тоже мало. Улегшись после «полуношницы», часу во втором, должны были вставать в пять и становиться на утреннюю молитву, продолжавшуюся до девяти. Затем следовала работа по заведенному порядку. Я же, кроме работы, изучала устав церковной службы. Отец Федор хвалил меня, говорил, что я очень способная и скоро, пожалуй, смогу во время церковной службы подменять мать Марию.

Мать Мария над нами совершала ежедневное «помазание» — мазала своих чад маслом из лампады: сначала сердце, глаза и уши, и произносила при этом молитву «Отче наш», потом мы подставляли матушке руки и она мазала нам ладони, и опять произносила: «Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

По окончании всех молитв послушницы читали по очереди 100 Иисусовых молитв. И утром, и вечером молились мы о схимонахе Пантелеймоне — он же отец Федор.

Молились мы обычно в своей моленной. Правила здесь все службы мать Мария. Но была в Бабук-ауле и церковь, которую у староверов купил Яков Ивахненко (он перегородил ее и в одной половине жил). Посещали мы ее даже не во все двунадесятые праздники.

К рождеству и пасхе мать Мария позволяла нам выкупаться как следует, с мочалкой и мылом — всего-то два раза в год. Умываться нам разрешалось раз в неделю, в воскресенье. Монашенке совсем ни к чему блюсти чистоту лица,

надо блюсти чистоту душевную и не заботиться об удобствах для тела, поэтому спали мы, не раздеваясь и не снимая с платья кожаного узенького пояска.

Порядки в мужской обители были такими же. Немытые, заросшие, бородатые и лохматые, шли, помолясь, корчевать пни наши «братья во Хрисге».

Посмотреть с виду — Бабук-аул хутор как хутор, и не услышишь в нем ни смеха, ни песен мирских. Районные власти из Солох-аула к нам не подымались. Иван Шевяков, председатель Бабук-аульского сельсовета, сам ездил в райцентр получать газеты и относил их отцу Федору, чтобы тот знал все последние новости. Жил вероучитель в гуще вечнозеленых зарослей, в маленькой келейке на горе повыше хутора. Лишь ближайшие помощники и доверенные монахини знали дорогу в тайную обитель нашего духовного отца.

Поселившись в Бабук-ауле, мы прежде всего привели в божеский вид наши кельи — обмазали их, побелили. Они же десять лет стояли небеленные, черные и грязные. Мать Мария сказала, что жить мы будем только своим трудом: кормиться, одеваться и обуваться. Пошили мы себе одинаковые черные платья, подпоясались сыромятными ремешками, а обувь — лапти — сами плели. Изнашивались они быстро, но лыка в лесу было много, износим старые, а уж новые в запасе есть.

Приехали мы на хутор в зиму, запасов никаких не имели, и тяжело далась нам та первая обительская зима. Каждый день уходили мы далеко в лес по горам собирать грецкие орехи, каштаны, яблоки и груши. Все эти плоды хорошо сохранились в опавшей листве, но приносили мы в обитель этих даров не очень много.

— Матушка, благословите нас есть то, что найдем, — просили мы настоятельницу, отправляясь на поиски, и она нас благословляла.

Дело в том, что в обители мы садились за трапезу три раза в день в указанное время и ели, помолясь. Грех великий для монашенки принять между трапезами хотя бы маковое зернышко. Но не станешь же, поднявши в лесу яблоко или грушу, всякий раз творить молитву, прежде чем эту находку съесть. А как утерпишь, если мы всегда были голодные? Мяса не ели совсем, а в среду не ели и постного масла. Хлеб нам наша настоятельница выдавала по одному кусочку — съел и больше не проси.

Однажды в лесу мы набрели на заброшенный сад, и в нем увидели келью, думали, она брошена, а в ней оказалась теплая печка. Значит, есть тут человек. Кто там скрывался, мы тогда не узнали, но очень боялись, что хозяин придет. Нам пришлось в той келье заночевать, но спали, как птички, прочитали в полночь положенную молитву «полуношницу» и не заснули больше.

Зима прошла, снег начал таять, и мы пошли искать подходящую поляну под огород. Нашли участок примерно с полторы десятины. Была эта поляна когда-то полем, но уже лет восемь никто не засевал его, и заросло оно молодым леском. Работали мы, послушницы, как хорошие мужики, и нет-нет, да и подумывалось: а зачем? Разве нельзя было исповедовать имяславие, сидючи дома в станице? Может быть, это нужно больше отцу Федору, чем богу? Во имя чего наши отцы побросали хорошую землю, хаты, огороды, где все было привычно и ладно устроено, а теперь распахивают неудобные земли в горах?

Особенно раздумывать было некогда, приходилось много работать и молиться, а то как же нам бог поможет в тяжких трудах? Мы рубили деревца, выкорчевывали пни и копали землю кирками. Ночевали мы в шалаше. Соорудили его сами возле своей поляны и всю ночь жгли костер. Грелись. Но как ни уставали, мы выполняли все наши монашеские правила: молились сколько положено, а кроме того каждая из нас имела свое личное правило: сколько раз каких молитв и в какое время она должна прочитать.

Шалаш служил нам жильем всю неделю, домой в обитель мы уходили в субботу, а если наступал какой-нибудь праздник, то и среди недели. Посадили мы в первый год на своей поляне кукурузу, картошку, другие овощи и даже арбузы. Мать Мария радовалась, что будет у нас запас на следующую зиму. Была у нас еще одна поляна, верхняя, высоко в горах, где мы посеяли хлеб. Много лаптей мы износили, лазавши на свое поле и на огород. Идешь и несешь с собой в запасе новую пару. Села, переобулась, выбросила старые лапти и пошла дальше. Вот по этим старым брошенным лаптям и нашли нашу поляну охотники, молодые ребята, и сильно нас напугали. Они, двое здешних парней, были уже нам знакомы, приходили в нашей обители как-то зимним вечером и соблазняли нас музыкой — играли на баяне, а мы их прогнали. Парни они оказались необидчивые и весной, когда снесло паводком мост через бурную реку, переводили нас по бревну, которое было переброшено с берега на берег.

Перебираться нам, монашенкам, на противоположную сторону доводилось часто. Мы навещали людей нашей веры, живших вблизи Бабука и в других местах, приносили с собой священные книги и читали вслух.

Всех своих единоверцев мы знали в лицо, и кто из какой станицы переехал. Чужого бы сразу узнали, да и пройти бы он не смог незамеченным. Дорога к мосту хорошо видна со скалы, под которой она проходила, а на скале сидел всегда дежурный брат. Он, если замечал опасность, дергал за проволочку, протянутую по деревьям до первой обители. Все женские обители располагались одна за другой по склону горы. Получив сигнал, монахини и послушницы убегали выше в горы, в заготовленное тайное место. Другого пути к обителям, кроме как через Бабук-аул, не было. Отец Федор, если он находился в каком-либо скиту, скрывался при сигнале через тайный ход. Секретные дверцы устраивались во всех кельях. Была и в нашей, выводила она к неприметной тропке за поленицей дров.

Так и жили — молились, трудились, а уши постоянно настороже. Вдруг матушка кликнет:

— Чады мои, хоронитесь!

И мы, подхватив подолы черных своих балахонов, перепуганные, дрожащие, полезем на гору ползком, продираясь сквозь густые кусты.

А какое же спасение души на небесах без гонения за веру на земле? Читает нам мать Мария «Жития святых» — и мороз подирает по коже. Нет ни одной святой, чтобы она при земном житье не претерпела бы муки. Лестно было слышать, когда отец Федор говорил: «Житие твое будет описано». Но кто же его станет описывать и за что, если не пострадаю за нашу веру? Вот и лезешь, обдираешь коленки по камням, скрываешься от гонителей и не ропщешь.

Матушка духовная наша, Мария (родом она была из станицы Упорной) долго болела и скончалась в мае. Оплакивали мы ее горько. Вспоминали, как радовалась наставница, что растет у нас свой хлеб, есть и огород, а собирать урожай пришлось без нее. Схоронили мы, осиротевшие чада, духовную

свою матушку возле церкви над речкой. Благословил отец Федор быть пока за старшую в нашей обители сестру Ефросинью: ей 36 лет, а нам всем от 16 до 20 с небольшим, а одна послушница и вовсе 14-летняя девочка.

Все лето прожили мы сиротами, не имея своей духовной матери. Посылал нас отец Федор в конце июня на Кубань помогать убирать хлеб нашим братьям по вере. Шли мы через горы, вели нас двое мужчин — старик Григаров и еще один имяславец. Было это на Петра и Павла, а в горах лежал снег и со скал свисали ледяные сосульки. Шагали мы по снегу, сыпалась с веток на нас снежная пыль, удивлялись мы красоте волшебной: чем ниже спускаемся за перевал, тем ближе к нам подходило лето. И вот идем мы в высокой по пояс траве, идем по лугу, полному цветов, и вижу я по глазам сестер, что каждой хочется сейчас бежать бегом в родную станицу и не «сестрой Александрой», а просто Шуркой. Эти шелковые луговые травы и меня за сердце взяли. Хорошо бы, думаю, чтобы случился вдруг какой-нибудь случай, и не по моей воле, а по божьей, не надо бы нам было возвращаться назад в обитель. Но мыслям грешным я не дала над собой воли.

Проходили мы тропу на перевал, заваленную лесом. Старик Григаров рассказал нам, что это станичники рубили и валили лес, чтобы не дать пройти белым к морю. Белые, отступая в двадцатом году с Кубани, направлялись к горам, хотели через перевал добраться до Черного моря и уйти за границу. Сам Григаров и оба его сына тоже уходили с белыми. Жалко ли стало ему покинуть родину, или сыны не взяли с собой отца, но он воротился в свою станицу Владимирскую, а они ушли, и с тех пор о них ничего не было слышно.

Возвратившись после уборки хлеба, я по благословению отца Федора перебралась в другую обитель — к матери Варахаиле. Она часто просила меня подменять ее во всем: выслушивать исповеди, вычитывать по книгам службу. Я уже хорошо изучила устав и звалась «уставницей церковной службы». Догадывалась я, что отец Федор отдал меня к матери Варахаиле на выучку. А зачем?

Сердце мое сладко замирало...

Ходили слухи, будто Яков Ивахненко даже намекал, чтобы отец Федор поставил бы настоятельницей скита вместо покойной матери Марии дочку его, матушку Наталью. Жила она отдельно ото всех в своей хатке, а духовный ее отец

Федор часто навещал ее, и беседовали они подолгу. Но вот намека своего ближайшего помощника главный наш учитель не понял.

Отец Федор осенью постриг меня в монахини, возложил руку свою мне на голову и нарек матерью Дросидой, и подарил он мне священные книги, с которыми посылал меня потом править церковное богослужение у мирян имяславской веры. Жили они в Солох-ауле и за рекой. Определила матушка духовная мне помощницу, немолодую монахиню Ангелину, церковного устава она не знала, было ей лет сорок, но вот пришлось ночевать у чужих, не нашей веры людей; и вижу, моя помощница, как молоденькая, смеется и шутит с девками. Пришли и девчатам парни. Я тут же попросила хозяйку уложить меня спать в другой комнате и сказала, что нам, монахиням, не то что разговаривать с мужчинами, а и смотреть на них нельзя всю жизнь, чтобы, не приведи господи, не соблазниться. Хозяйка засмеялась и спрашивает:

— А старым монашкам можно соблазняться?

Мне-то было тогда едва за двадцать лет.

Всю зиму я правила службы, а в марте отец Федор поставил меня настоятельницей обители вместо покойной матери Марии. Воротилась я в свой прежний скит и стала духовной матерью моих прежних сестер. Заболтанная Дашка Эндыберина получила из рук отца Федора двенадцать послушниц. Я, а не дочка Якова Ивахненко мать Наталья. Не сбылась его мечта! Повалились мои чада мне в ноги:

— Матушка Дросида, поисповедуйте скорей. Грешные помыслы одолевают!

А меня саму разве не одолевали? Но отец Федор давал мне письменные наставления, как с ними бороться.

Соблазнов и искушений не избежать было и в нашей затворнической жизни. Прокладывала Советская власть дорогу в Бабук-аул. Отец Федор благословил, чтобы матери духовные посылали чад своих на работу, и нанялись мои послушницы таскать носилками землю. Заработали они порядочно денег, купили себе платьев и мне подарили голубое. Я его в церковь по праздникам надевала, чем очень сердила старых монахинь.

Работало на строительстве дороги много парней — и наших, бабукаульских, и пришлых. Хлопцы заигрывали с девушками, а те и рады. Наташа Чухлебова, послушница матери Нонны, схватила с головы парня шапку, спрятала к себе за пазуху и побежала в лес, а парень за Наташей, догонять ее. Разве не такие игрушки не соблазн для послушниц? Исповедовались они мне после вечернего богослужения, я я за голову хваталась. Каждое мое чадо духовное объявило:

— Хочется, матушка Дросида, в грешный мир уйти и выйти замуж.

А отцу Федору хоть так, хоть эдак, а надо было отпускать монашенек на шоссейку. Наши обители были тайными, хорошо запрятанными, однако всех послушниц и послушников не спрячешь. Власти районные уже интересовались у председателя сельсовета, у нашего «двудельного» Ивана Шевякова (он служил и властям, и отцу Федору), отчего это в Бабук-ауле новоселов понаехала пропасть, а свадеб не играют? Не мог же Иван Шевяков, верный друг и ученик неуловимого проповедника отца Федора, ответить, что вся молодежь в Бабуке — это монахи и монашенки. Вот и надо нам было маскироваться. Монашескую одежду мы носили лишь в обители да в лесу, где не рассчитывали встретить посторонних.

Больше двух лет тайна жителей Бабук-аула была скрыта от Советской власти. Переселение не вызвало подозрений. Мол, переехали люди с Кубани на жительство в лесистую горную местность — значит, тем людям жить здесь больше нравится. Отец Федор, чтобы отвести глаза, дал в ските такое благословение: идти парами, будто женихи они и невесты, в районное село и ложно регистрироваться. Пусть знают власти, что в Бабук-ауле протекает нормальная жизнь, парни женятся, а девки выходят замуж. Пошли и мои две послушницы регистрировать фиктивный брак

с монахами. Расписались «молодые» в Солох-аульском райсовете, получили справки с печатями, выслушали поздравления и воротились назад каждый в свою обитель — муж к себе, жена к себе.

Признаюсь, было у меня желание, пускай бы ложно, а назваться женой монаха отца Геронтия. Настоящее его имя Георгий Щербак. Полюбили мы друг друга. Глядим, не наглядимся, говорим, не наговоримся, да только разговоры наши постные, монашеские, а вместо «до свидания» — «аминь». Измучилась душа моя от сознания греха. Что ж я наделала? Ушла от мира, сбежала от мужа, и полюбила монаха. Открыла я отцу Федору мои грешные помыслы, и он меня успокоил:

— Душой и монаха любить не грех. Но не ждите с Геронтием прощения от меня и от бога, если любовь ваша станет плотской.

Обязанностью отца Геронтия было приносить мне письменные наставления от отца Федора. Тот, я уже говорила, жил в лесной чаще выше Бабук-аула. Очень немногие знали дорогу в тайную его келью. Приходил ко мне отец Геронтий ночью, входил с молитвой в мою дверь, кланялся мне в ноги, садился на скамеечку, и вели мы тихую беседу. Уходил он с поклоном, я кланялась ему — вот так мы встречались. Но однажды при расставании сами собой вырвались у нас грешные, запретные слова о том, что уйти бы нам вдвоем обратно в мир, уехать далеко-далеко, куда-нибудь в Сибирь, убежать бы от святых обителей, от отца Федора и до конца жизни не разлучаться. Георгий ушел, а я бросилась на колени просить прощения у бога за свое безумство. Молилась, молилась... Никогда больше не произносили мы тех мыслей вслух, но видела я по глазам отца Геронтия, что мысли те его не оставляли.

Мне, матери Дросиде, был всего двадцать один год, а я учила уже своих духовных дочерей монашескому послушанию, кротости, выслушивала их помыслы, в которых было у всех одно: хочется замуж! Легче было бороться с помыслами о сытной и вкусной еде, чем с помыслами о греховной любви. Я так и вовсе жила впроголодь. Духовные мои чада питались три раза в день, а я один. Они обедают, а я, не евши, читаю им «Жития святых». Могла я лишь по праздничным дням есть, как и мои послушницы, трижды. Моришь себя голодом во имя искупления и гордишься тем, что живешь, как велит отец Федор. А иной раз взбунтуется душа то ли от тоски, то ли от голода, господи, царица небесная, да за что же? За какие грехи? Неужели не все я отмолила? Возропщешь так, а потом бухаешься на колени отмаливать новый грех: думала о пище для живота, а надо быть сытой пищей духовной.

Став духовной матерью, я обязана была подводить послушниц под одевание монашеского облачения. Присутствовал и отец Федор. Он зажигал свечи перед святыми иконами, потом давал зажженную свечу мне, а я подавала ее в руки монашенки. На втором году, как стала я матерью Дросидой, я одевала уже своих послушниц в клобуки и апостольники. Чада мои духовные назывались теперь «сестры клобучные». А меня саму под одевание монашеского платья подводила еще покойная матушка Мария...

Все у нас в тайных святых обителях велось по уставу, как и положено в монастыре, соблюдались монашеские чины и звания. Председатель сельсовета «двудельный» Иван Шевяков, когда в Солох-ауле выспрашивали его о каком-то тайном имяславском монастыре, плевался и клялся, что все это чистая брехня и нет в Бабук-ауле никаких монахинь.

Мечтала я о том времени, какое предсказывал отец Федор: начнется война, которая свергнет власть антихриста, возродятся вновь святые монастыри, будут и наши, имяславские, и будет у меня не двенадцать духовных чад, а сотни три или даже больше. Мать Дросида — всевластная настоятельница большого монастыря, вот куда идет дело! А пока в ожидании гибели антихриста мы существовали в своих скитах, затаясь, и каждый божий день были готовы бежать дальше в горы, в леса и скрываться. Тайники, где мы могли переждать опасность, были заготовлены. Отец Федор внушал нам, что всякое гонение за веру есть заслуга перед богом и не следует бояться ареста, но лучше, конечно, его избежать. Дежурные на скале все чаще передавали тревожные сигналы, и матери духовные живенько скрывались из своих обителей, а когда возвращались, то слышали разговоры заскучавших от святой жизни чад:

— Уж скорее бы нас разогнали!

Прятаться мы стали чаще с весны двадцать восьмого года. Отец Федор скрывался в свою келью в верховьях ручья. Пройти туда в густые заросли можно было лишь по самому руслу, переступая по камням. Следов на них не остается, вода все смывает, и никакие собаки не унюхают. Так ходили к отцу Федору его близкие ученики — Иван Шевяков и Георгий Щербак, а из монахинь — мать Наталья, мать Варахаила и я.

Послушницам, чьи отцы и матери жили в Бабук-ауле или поблизости, следовало при опасности бежать к родителям и быстренько переодеваться в мирское, а на лбу же не написано, что ты монашенка.

В канун троицы уже предполагалось, что облава может застать нас на молитве, и мы все восемь настоятельниц со всеми чадами укрылись вечером в тайной молельне в лесу выше Бабук-аула. Шла уже заутреня, и только мы начали петь «хвала тебе, господи», как передали нам, что надо прятаться. Духовные наши чада вмиг разбежались, а мы, матери, сидели в кустах. Сидим и ждем, когда же будет возможно выйти. Вот сидим и сидим, а старые монахини просят меня, чтобы сходила я на хутор и поглядела, может быть, там и нет уж опасности. Вышла я на тропинку и сразу учуяла запах табака. Свернула в кусты, спряталась и вижу: идут трое бойцов и курят. Они прошли по той же тропочке вверх на гору, а я упала на землю и заплакала от злости. Я плакала и ругала вслух и свою судьбу, и своего отца за то, что должна теперь, как дикий зверь, прятаться и неизвестно, когда же и чем же все это кончится.

Отец Геронтий в феврале двадцать девятого года принес мне последнее письмо от отца Федора: «Мать Дросида! Тебе мое благословение. Поедешь на Кубань...» Попрощалась я со своими духовными чадами и тронулась в путь.

Очень много в тот год было в горах снегу. Провожал меня Тимофей Ревин. Дошли мы с ним до реки, а там меня уже ждал имяславец Михаил Кривомазов с сыном, и они перевезли меня на лошади через поток к себе домой. Люди уже нас ждали, я три дня была с ними, вычитывала службы, приготовляла к приобщению святых тайн и говорила им все то, что велел отец Федор.

На третий день сын Кривомазова перевез нас с Тимофеем обратно через речку, и мы пошли по глубокому снегу в районное село Солох-аул. Зашли мы обогреться к нашим бывшим станичникам ахметовцам Нелидовым. Хозяйка спросила меня, где отец Федор, я ей соврала, что он на Кубани.

От Нелидовых мы двинулись на перевал. Идти по снегу, да еще в гору, было трудно, и вдруг примерно на полпути к вершине, увидели мы солдата. Он нас не задержал. Вскоре навстречу нам прошел

строй бойцов. Была я одета в мирскую одежду и укутана шалью, и все равно боялась, что меня задержат, если увидят мою ношу: в узле у меня книги, икона, крест, свечи — сразу же можно догадаться, откуда я есть и кто, потому что простая послушница не будет идти с таким «багажом».

На станции Лоо ночью сели мы в поезд, а утром были уже в Лабинской. Я пошла сразу в станицу Владимирскую, где знала многих имяславцев, которые пожили немного в Бабук-ауле и вернулись обратно на Кубань, как старик Григаров. Вернулся и мой отец Филипп Эндыберя. Он жил в Бабук-ауле с осени двадцать пятого по осень двадцать восьмого, а потом стал прибаливать, забрал семью, да и подался назад в родную Ахметовскую.

Ходила я от станицы к станице, исполняя волю вероучителя нашего, повторяя его слова, что отец Федор на Кубани, так, мол, нужно для нашего дела, а для какого, не знала и сама. И вот в одном доме в станице Упорной встретила монаха Поликарпа, и он сказал, что отца Федора и всех его приближенных монахов арестовали. Не знала я, верить ли мне этому или нет, и продолжала ходить по станицам, где жили имяславцы, и выполняла волю того, кто нарек меня матерью Дросидой, возвысил до настоятельницы.

Моя послушница Ольга Ковалева пришла ко мне великим постом и с радостью объявила:

— Мы все духовные ваши чада, матушка Дросида, ушли из Бабук-аула насовсем.

Встретилась я и с остальными своими «чадами» и вот что услыхала. Прошло три дня после моего отъезда, как нагрянули в Бабук-аул чекисты. Начальник молодым девчатам объявил, что они теперь не послушницы и не монашенки, отравленные ядом религии, а сознательные гражданки и могут идти на все четыре стороны. Самым большим помещением в нашем тайном монастыре была обитель матери Екатерины. Всех послушниц позвали туда, заиграл военный духовой оркестр, и девушки пели и плясали с солдатами, а потом ушли с музыкой и с песнями прочь из надоевшего им Бабук-аула.

Но с моей души никто не снял обещания, которое я дала отцу Федору, значит, я обязана и дальше исполнять его повеление. Нашла меня мать Мария Чемерисина, она была главная проповедница, и отец Федор давал ей важные задания. Отправились мы с ней вместе по станицам. Имяславцы все собирались в одном доме, я приобщала их святых тайн, а мать Мария говорила такую речь:

— Братья и сестры, готовьтесь к изгнанию антихриста! Скоро грянет наш час. Не отдавайте ни зернышка, прячьте хлеб, зарывайте в землю, а сгниет, так и то лучше, чем достанется большевикам. Сдохнет без хлеба антихрист, голод великий его изморит.

Люди слушали проповедницу и прятали хлебные запасы. Я сама видела, как засыпали зерно в большие бочки и зарывали их в сараях, а землю утрамбовывали, заваливали кизяком или дровами, и, не зная места, не скоро этот клад найдешь. А в станице Каладжинской у Абаденковых яму выкопали прямо в хате и туда положили мешки с мукой.

Осуждала ли я эти дела? Конечно, нет. Все ведь делалось, как велел наш вероучитель, а он лучше, чем мы, знал, как бороться с антихристом. Хотя частенько навещала меня грешная мысль: а чем «антихристы» те, которых я вижу, плохи? За что их великим голодом морить?

На беседу в станице Упорной в доме Палицковых собралось больше тридцати человек. Пришли и пятеро баптистов. Пожелали они поспорить с нашей главной проповедницей. По окончании службы и начался мирный разговор: баптисты хвалят свою веру, а мы с матерью Марией свою. Но дальше больше, слово за слово и получилась не беседа, а громкий спор. Вижу, мать Мария подымается с места и засучивает рукава. Ну, думаю, сейчас станет баптистов бить. Однако до драки не дошло.

Часто я думала, а почему бы мне было не бросить всю эту скитальческую жизнь? Кто заставлял меня бродить тайком от дома к дому и подбивать людей на незаконные дела? Мать Мария? Но могла же я уйти и от нее? А вот не ушла. считала, что обязана до конца своей жизни выполнять завет отца Федора, верила в свою неминуемую святость, и что описано когда-нибудь будет мое святое житие. Не скоро пришло прозрение, и дорого я заплатила за тот многолетний бред. Задержали нас с моей напарницей как раз в тот день, когда исполнился год, как со «святыми дарами», спрятанными за пазухой, отправилась я из тайного монастыря странствовать и учить по благословению отца Федора. И до чего достранствовалась? И чему хорошему научила людей?

Готовилась к мученичеству (без него не попадешь в святые), а молодые бойцы обращались с нами вежливо, разговаривали даже шутливо:

— Мать Дросида, на вас одежек, как на капусте, — сказал боец. Это он помогал снимать мне многочисленные кофты и телогрейки, пока не осталась я в черном длинном платье, подпоясанном узеньким кожаным ремешком. — Вот теперь у вас, мать монахиня, настоящий монашеский вид.

Осуждена я была за антисоветскую пропаганду на три года...

Минули они, и еще три года нельзя мне было жить в родных краях. Кто же о родине не тоскует, тосковала и я, но не о скитских кельях, а о Кубани. Это же родной край, хотя там, как злой дух, появился отец Федор, задурил людям головы, замутил сердца, довел до тюрьмы. Он, оказывается, имел офицерский чин, об этом я узнала после ареста. И все его приближенные монахи тоже были белыми офицерами, и хотели они поставить в России снова царя. О том, что отец Федор занимал очень «высокий» пост при царе, говорили старые монахини, а какой высокий, я не знала, но повторяла своим «чадам». Многое открылось спустя годы. Открылись и мои глаза.

Литературная запись
Е. СЕРГИЕНКО.

ИЗМЕНЧИВЫЕ СУДЬБЫ СВЯТЫХ

С. УМАРОВ,
кандидат исторических наук

ПОРОЙ бывает так: слушаешь по нашему местному радио или телевидению выступление уважаемого товарища, знатока истории религии и атеизма, и никак в толк не возьмешь — к кому обращена его беседа, на кого рассчитана. Он с жаром критикует догмы ортодоксальной идеологии ислама, традиционные обряды этой религии, содержание Корана. Но ведь мусульмане у нас в республике в большей своей части и не соблюдают тех предписаний и канонических обрядов, против которых выступает пропагандист, они, как правило, не имеют представления о содержании Корана, их фактическая религиозность основана на другом. К сожалению, многие пропагандисты атеизма работают вхолостую из-за того, что мало изучены, а в ряде случаев и вовсе не исследованы характер религиозности населения, особенности проявления ислама в местных условиях. А именно это необходимо для успеха атеистической пропаганды. Столь же обязательно пропагандисту знать историю распространения ислама в нашем крае, иметь представление об истоках и эволюции конкретных культов, о специфике местной социально-политической почвы, на которой они выросли и развивались.

Наиболее распространенное проявление религиозных верований в нашей республике сегодня — почитание «святых» шейхов. Культ шейхов развит среди верующих чеченцев и ингушей так сильно, что вера в Аллаха и не мыслится без посредства шейха-устаза (мертвого или живого). Шейх для верующих — это покровитель, посредник в общении с богом, заступник перед ним. Ислам, распространяясь среди чеченцев и ингушей, принимал с самого начала именно форму шейхизма. Это имеет и свои исторические корни, и определенные социально-политические причины. В шейхизме у чеченцев и ингушей также сказался древний культ святых, эволюционировавший в течение долгого времени.

В древности одним из самых почитаемых языческих святых у ингушей был Маго-Ерды — мифический родоначальник ингушской народности. Развалины обширного храма, возведенного в его честь, можно увидеть и сегодня неподалеку от ингушского селения Салги. Этого святого почитали особо — ведь он был не только посредником между людьми и богом, но также и родоначальником всего народа. Праздники в честь Маго считались одновременно и религиозными, и национальными. Культ Маго-Ерды очень долго сохранялся у ингушей. С этим ингушским святым трудно было тягаться и христианским чудотворцам, и мусульманским шейхам.

По мере распространения среди ингушей христианства в конце раннего средневековья у них появляются новые святые, отодвинувшие на второй план культ Маго-Ерды. Одним из самых популярных святых был Георгий, или, как его называли, Тамыж-Ерды, что означает «крылатый святой». Он воспринимался верующими как покровитель народа, действующий через одну из «избранных» ингушских фамилий, что соответствовало условиям нарождавшегося у ингушей феодализма. Это была фамилия Борцовых, одному из которых, согласно преданию, Тамыж-Ерды явился с божественным откровением и предписал через него ингушам религиозные обряды. В праздничные дни ингуши совершали крупные жертвоприношения Тамыж-Ерды.

К середине XVI века в Чечено-Ингушетии все шире распространяется ислам. Однако языческие и христианские обряды, несколько приспособленные к исламу, долго продолжали обслуживать вайнахов[1] — мусульман. Мусульманскими постепенно стали и бывшие христианские и языческие святые покровители. Было объявлено, что Маго-Ерды всегда пользовался мусульманской священной книгой. К святым причислили и некоторых героев нартского эпоса. В число чечено-ингушских мусульманских святых попал и предводитель монгольских завоевателей Тамерлан. Легенды рассказывают, что у вайнахов рос его сын. С утверждением ислама (по крайней мере — с XVII века) в Чечено-Ингушетии появляются и живые, весьма деятельные святые — мюридские шейхи. Северокавказский мюридизм являлся одной из разновидностей мистического направления в исламе — суфизма, а именно его накшбандийского толка, проникшего сюда из Средней Азии.

История ислама в нашем крае тесно связана с деятельностью шейхов. В начале это были просто военные предводители в антифеодальных выступлениях местных мусульман под лозунгами ислама (как правило, выходцы из низших феодальных слоев). Позже шейхами стали называться, как и в мусульманских странах, руководители местных суфийских (мюридских) орденов, как правило, претендовавшие и на духовную, и на политическую власть.

Одним из первых чеченских шейхов был Салтан-Мут (чеченцы называли его Ших-Мутом). Он возглавлял народные выступления XVII века против феодальной династии Казикумухских шамхалов, хотя сам, являясь отпрыском той же династии, фактически боролся только против одной из ее сильных группировок. Используя в своих целях антифеодальные настроения горцев, Салтан-Мут создал новое, так называемое Эндереевское владение. После этого он стал обычным светским феодалом. Однако до недавнего времени у него были последователи среди верующих чеченцев, он считался святым шейхом.

Весьма благоприятная социально-политическая почва для шейхизма создается в XVIII веке, когда сформировавшееся к этому времени местное мусульманское духовенство (шейхи, муллы, кадии) повело открытую борьбу против светских феодалов за политическую власть. Шейхи в своих лозунгах провозглашали равенство всех мусульман перед богом, что давало им возможность использовать в своих узкоклассовых целях не только отдельные выступления крестьян, но и мощные народные движения. Возглавляемые шейхами, эти движения никогда не

[1] Вайнахи — древнее название народов, населявших Чечено-Ингушетию.

приводили к облегчению положения горского крестьянства. За религиозными лозунгами, под которыми объединялись народные массы против феодалов, всегда скрывались корыстные интересы представителей верхушки горского общества.

Ко второй половине XVIII века чеченское духовенство руками крестьян (боровшихся за землю и «справедливое общественное устройство» против мелкофеодальной анархии) ликвидировало сословие мурз (класс крупных светских феодалов) и заняло господствующее положение во всех сферах общественно-политической, религиозной и хозяйственно-бытовой жизни народа. Шейхи стремились усилить, довести до фанатизма религиозность горских масс. На это были направлены и периодические «обновления» и «очищения» ислама в Чечено-Ингушетии. Святые христианско-языческого происхождения окончательно изгонялись из сознания верующих. Шейхи сочиняли для чеченцев и ингушей новые «священные» генеалогии. Место мифического родоначальника ингушей Маго-Ерды занял святой курейшит Али — двоюродный брат пророка Мухаммеда, а непосредственными покровителями и «ходатаями» верующих перед богом объявлялись сами руководители мюридских орденов.

Конечной целью шейхов была изоляция горцев от всякого влияния извне, особенно со стороны России, установление военно-теократической власти при поддержке султанской Турции. Этот процесс с некоторыми местными различиями протекал почти во всех районах северо-восточного Кавказа. Результатом его явилось создание в начале XIX века в Чечне и части горного Дагестана военно-теократического режима, известного в истории под названием «имамат». Одним из вождей его стал имам Шамиль.

В этом имамате, естественно, господствовало духовенство, представители которого в скором времени превратились в типичных феодалов, грабивших народ не хуже прежних, светских. Не случайно уже в 1844 году взбунтовавшиеся чеченцы убили «наиба наибов Чечни», фактического наместника имама Шамиля — Шугаипа-муллу. Интересно перечисление захваченного горцами имущества этого служителя Аллаха: 35 крымских ружей, 4000 баранов, 500 голов рогатого скота, 60 буйволов и около 30 тысяч рублей серебром.

В 1859 году, после 25 лет существования имамата и борьбы с царизмом, Шамиль сдался царскому командованию кавказских войск, будучи отвергнут горцами не только как военно-политический руководитель, но и как религиозный авторитет. Это последнее обстоятельство очень интересно. Имени Шамиля нет среди тех шейхов, из которых верующие выбирают своих устазов. А между тем шейхи—зачинатели мюридизма на Северном Кавказе (шейх Мансур, например), современники Шамиля и даже его бывшие подчиненные (наиб Ташев-хаджи), а также те из них, кто пытался продолжить дело Шамиля (Кунта-хаджи в 60-х годах XIX века и др.), оставались для верующих шейхами и после смерти, горцы даже верили, что наступит их «вторичный приход», поклонялись им. Все эти шейхи заканчивали свой «святой» путь быстро, при загадочных обстоятельствах, и ореол святости вокруг их имен создавался легко. На пути же Шамиля все было ясно, все налицо. Он с молодых лет до глубокой старости возглавлял горцев в земных делах. Они считали его посредником между собой и богом. Горцы были усердны в молитвах: ни Шамиль, ни сам Аллах не могли бы упрекнуть их в недостатке веры. И несмотря на все это, жизнь горцев становилась все более тяжкой и бесперспективной.

Они все еще верили, что появится наконец настоящий — ясновидящий, богоугодный шейх. Не случайно одному из первых шейхов-имамов Чечни Ушурме было дано новое имя Мансур, что означает «счастливый в своих делах».

Времена менялись, приходили и уходили шейхи — «посредники» между Аллахом и верующими. Число их — и мертвых, и живых — все увеличивалось. Росло на Северном Кавказе и число мулл, кадиев, хаджи. С окончательным установлением царского военно-колониального управления все эти представители мусульманского духовенства открыто примкнули к государственной машине царизма. Религиозные лозунги перестали служить средством объединения горцев в их свободолюбивых устремлениях. Чечено-ингушские муллы, кадии, шейхи и хаджи, за редким исключением, стали агентами приставов, жандармов и других представителей царской власти. В награду за это царизм помогал духовенству грабить горцев, наживаться за их счет.

В своем известном обращении «Ко всем честным чеченцам» в ноябре 1918 года первый марксист-ленинец Чечни, герой гражданской войны Асланбек Шерипов говорил: «Чеченцы! Вы хвалитесь тем, что у вас не было и нет князей. Неправда! Шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не вашими трудами живут они? Разве они не говорят вам, что они властители Чечни?.. Разве вы смеете отвечать на неправый суд, на обиды и притеснения со стороны шейхов? Нет, нет и нет!» [2]

В годы революции, гражданской войны, в период становления Советской власти горцы, почувствовавшие могучую поддержку и добрую волю трудового революционного русского народа, постепенно сбрасывали с себя тиранию шейхов. Приступив к строительству новой жизни в содружестве всех братских народов Советской России, трудящиеся Чечено-Ингушетии больше не нуждались в предводителях-шейхах, не требовалось их «второе пришествие» — справедливость победила без их участия.

За годы социалистического строительства Чечено-Ингушетия достигла огромных успехов. С помощью братских народов СССР чеченцы и ингуши смогли сделать большой скачок в своем культурном развитии. В истории республики запечатлены десятки имен героев как ратных дел, так и мирного труда. Сегодня никто не сомневается в том, что именно эти славные сыновья и дочери народа, коммунисты, комсомольцы и беспартийные, составляют гордость и честь нашего края.

Однако это не означает, что борьба со старым, давно отжившим, но в виде пережитков еще сохраняющимся, уже закончена. Религиозные верования, веками переплетавшиеся со многими народными традициями и обычаями, глубоко проникшие в обыденное сознание людей, оказываются весьма цепкими и живучими даже в наш просвещенный век. И хотя шейхизм в Чечено-Ингушетии претерпел значительные изменения и не играет в жизни мусульман прежней роли, сегодня именно в виде поклонения шейхам сохраняются еще у нас пережитки ислама.

Подавляющее большинство верующих являются последователями шейхов, умерших давно, тех, которым следовали их родители, деды, прадеды. Бывает, что верующий меняет покровителя, если какой-нибудь новоявленный шейх перетянет его к себе в мюриды. Интересно, что в наше время прослыть шейхом среди верующих удается лишь весьма предприимчивым служителям мусульманского культа. Чаще

[2] Асланбек Шерипов. Статьи и речи. Грозный, 1972, стр. 127—128.

всего это муллы-самозванцы, откровенные дилетанты в собственно богословском деле, хорошо разбирающиеся в сугубо земных делах и очень ловко умеющие связывать воедино насущные заботы верующих и свои корыстные цели с их верой в Аллаха. А вот все попытки богословов-фанатиков, следующих во всем букве ислама, сделаться шейхами кончаются неудачей.

Лет десять назад я жил по соседству с муллой. Как-то узнал я, что его ближайшие родственники рассказывают таинственно своим родным и знакомым, что мулла этот «общается с небом», что ночью с чердака его дома раздаются слабые звуки «райских мелодий». Сведения эти предназначались вначале для узкого круга хорошо знакомых, «надежных» людей, то есть благорасположенных к религии. Видимо, сосед мой рассчитывал, что, получив признание в этом кругу, он прослывет святым и среди всех мусульман нашего края. Этого не случилось. Таинственные сведения не нашли отклика даже у глубоко верящих в Аллаха. Не производил на них впечатления и загадочный замкнутый образ жизни муллы-аскета. Одна лишь отвлеченная идея о том, что мулла «общается с богом», не смогла привлечь к нему более усиленного, чем прежде, внимания. Он остался в глазах верующих таким же муллой, что и раньше.

Довелось мне встретиться и с другим, более ловким, типом претендентов. Как-то я узнал, что к моему соседу-мулле приехал какой-то странник и многие верующие приходят к нему. Заинтересовавшись этим, я зашел к соседу. Хозяин, в заметно нервозном состоянии, сидел на коврике в углу своей полузатемненной комнаты и в необычно ускоренном темпе перебирал четки. Гость — маленький, легкий в движениях, внешне приветливый человек сидел на корточках на краю нар, бормоча какую-то молитву. Перед ним в ряд стояли трое посетителей. Один из них держал в руках конец темно-коричневого шерстяного шарфа. Другой конец шарфа был у гостя.

Ритуал длился не более трех—пяти минут. Когда конец шарфа передали второму посетителю, странник, обращаясь уже и ко мне, скороговоркой, но четко, сказал, что его ритуал никого ни к чему не обязывает, поэтому не требует и объяснения. А тот, кто примет его, очистится от всего плохого, а самое главное — всегда сумеет легко избежать всевозможных опасностей.

Через несколько дней странник уехал. Мои верующие соседи, побывавшие у странника, шепотом передавали друг другу, что каждый, кто подвергся ритуалу с шарфом, должен особенно остерегаться плохих намерений и действий, в противном случае его постигнет кара.

Несомненно, этот странник был претендентом в шейхи, он пытался установить психологическую связь с верующими, однако она не развилась в систему, не затронула никаких существенных сторон их жизни, ничего не сулила. Впоследствии я узнал, что и этот претендент умер в полном одиночестве. Но как бы на первый взгляд невинна и безобидна ни была деятельность таких бродячих «чудотворцев», она приносит большой вред, так как поддерживает и активизирует религиозность верующих.

Каким же путем идут те претенденты в шейхи, которые достигают определенных успехов?

Факты, которыми мы располагаем, убеждают в том, что такие шейхи (например, недавно скончавшийся Виса-хаджи) на своем пути к цели строго учитывали и весьма умело использовали в своих интересах прежде всего самые различные земные заботы верующих. Эти заботы они знают хорошо. Неплохие они и психологи — мастерски смешивают, сплетают в одно целое земные нужды и потусторонние «интересы» верующих, доказывают зависимость любого дела от воли Аллаха и часто полностью подчиняют себе волю и поступки своих последователей. Легче всего под их влияние попадают люди с сильно запятнанной совестью, побывавшие в заключении.

Надежными помощниками шейхов являются приверженцы патриархальщины. В среде, где они пользуются влиянием, шейхам удается поставить под свой контроль почти каждый шаг верующего.

Как правило, религиозные группы, руководимые такими шейхами, не входят в прямые конфликты с законодательством о культах. Однако в определенных ситуациях они могут стать на явно преступный путь. В 1970 году в нашей печати рассказывалось о подобном случае: группа верующих, обманутая шейхом Хамадом Газиевым, совершила ряд тягчайших преступлений [3]. Такие группы далеки от соблюдения догм ислама, от канонических ритуалов. Они чаще пользуются старыми легендами о святых чеченцах и ингушах, играют на национальных чувствах людей, на некоторых особенностях истории нашего края.

Возвращаясь к тому, о чем говорилось в начале статьи, хочу подчеркнуть, что в наших конкретных условиях формальный подход в атеистической пропаганде может принести не пользу, а вред. Ведь мюриды сходятся на свои собрания никак не для изучения и даже не для чтения Корана. Их шейхи ведут с ними беседы, в которых они используют конкретно-исторический материал. Однако факты истории они интерпретируют по-своему, с идейных позиций ислама. Богословы в своих беседах с верующими пользуются не только местными арабоязычными хрониками и историческими преданиями, но и подлинными историческими документами, которые они тоже трактуют себе на пользу. В личных архивах многих мулл хранится немало документов и копий, отражающих события XVIII, XIX, начала XX веков. Это главным образом письма и прокламации шейхов, кадиев, наибов и имамов, которые на словах всегда провозглашали интересы народа. А муллы твердят к тому же, что Аллах избрал шейхов своими помощниками, что только они — мертвые и живые шейхи — по воле бога определяют судьбы людей. Умело иллюстрируемая документами, такая религиозная беседа приобретает в глазах верующих черты достоверности.

К тому же муллы, ловко связывая легенды о шейхах и святых с генеалогическими преданиями чеченцев и ингушей, выдают традиции культа святых и шейхизм за национальные обычаи. Это в немалой степени способствует продлению жизни религиозных верований, несмотря на то что круг людей, поддерживающих такую спекуляцию, с каждым днем сужается. Шейхизм, как и другие пережитки культа святых в Чечено-Ингушетии, подходит к своему логическому концу, однако требуется еще большая и конкретная пропагандистская, воспитательная работа, чтобы приблизить этот конец. Пропаганде ревнителей религии необходимо противопоставить глубокое научное знание конкретно-исторической действительности, рассказ об истинных мотивах деятельности шейхов, их устремлениях.

г. Грозный

[3] См.: М. Мамакаев и В. Прядко. Кровь на чалме. «Грозненский рабочий», 4 февраля 1970 г.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Наука представляет собой внутренне единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способностей человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу.

М. Планк

НАУКА И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

В. ИВАНИЦКИЙ,
кандидат филологических наук

В предыдущих беседах цикла (1974, № 7 и 12; 1975, № 10) мы рассказали о том, как и по каким законам развивается общество, что такое общественное бытие и общественное сознание, как они соотносятся друг с другом.

Развитие общества, как и природы, подчинено объективным законам. Но, в отличие от природы, законы общественного развития проявляются не иначе, как через деятельность людей. Именно поэтому, для того чтобы правильно и всесторонне понимать исторический процесс, недостаточно лишь знать, что решающую роль в развитии общества играет общественное бытие. Не менее важно выяснить, как появляются и какую роль играют в деятельности людей и развитии общества различные идеи, то есть какова роль общественного сознания и его различных форм в общественной жизни.

Общественное сознание — это отражение реального жизненного процесса людей, их общественного бытия через их общественно-историческую деятельность, через практическую деятельность человека. Проявляется оно в различных формах: политические идеи, правосознание, нравственность, искусство, религия, философия, наука.

Каждая из этих форм отличается от других многими признаками. Например, тем, что именно отражает та или иная форма общественного сознания: политическое сознание — отношения между классами, мораль — отношения человека к человеку, к коллективу, классу, обществу, религия — превратное миросознание, извращенное, ложное отображение, объяснение действительности. Наука отражает объективные закономерности природных и общественных явлений и процессов, выражая их в форме теорий.

Различаются формы общественного сознания и по той роли, которую

НАНИЕ, опыт поколений, накопленный за всю многовековую историю развития общества, — самое ценное, чем располагает человечество. Огромными достижениями и важнейшими научными открытиями характеризуется наше время. Без науки, без научных исследований немыслимо ни одно из великих изобретений, преобразивших весь уклад жизни человечества за последние всего лишь сто лет. О размахе научных работ в наши дни лучше всего говорят цифры. Нашими современниками оказались 90 процентов всех ученых, когда-либо живших на земле. Число людей, занимающихся научно-исследовательской работой, непрестанно растет во всех странах; в США, например, оно уже превысило численность населения, занятого в сельском хозяйстве.

Наука проникает сегодня во все сферы деятельности людей, оказывает влияние на всю нашу жизнь. Она теперь чутко реагирует на все социальные проблемы — с кажущейся политической нейтральностью науки, в том числе и естественнонаучных знаний, в наши дни покончено. Бурные философские споры, вызванные выдающимися открытиями в области естественных наук в начале XX века, привели к тому, что наука оказалась в самом центре идеологической борьбы, борьбы между материализмом и идеализмом, между марксизмом-ленинизмом и различными реакционными философскими течениями.

Взаимодействие науки и практики на разных этапах истории человеческого общества было различным. Но материальной основой развития науки всегда была практическая деятельность людей — потребность в знаниях возникала из потребностей производства. Так зарождались все без исключения отрасли науки. Однако еще в древние времена научные знания нередко обгоняли потребности практики, и в силу особенностей производства тех времен не находили себе приложения — труд рабов или крепостных крестьян был слишком дешев, чтобы выгодно было заменять человека машиной. Получалось так, что организация производства на протяжении веков почти не менялась, потребность в практическом использовании добытых наукой знаний была мала и все это приводило к тому, что постепенно наука ослабляла свои связи с практикой.

Не находя себе непосредственного приложения, знания стали все более и более приобретать отвлеченный характер. Вот почему долгое время наука даже ученым представлялась лишь как система чисто теоретических построений. И только в наше время, в XX веке, с развитием техники и самой науки вновь возникла необходимость более тесного соединения достижений науки с практикой. Таким образом, завершился первый полный цикл развития науки и она вновь теснейшим образом соединилась с производством, но уже на качественно ином, более высоком уровне.

Так что же такое наука? Это система проверенных и подтвержденных практической деятельностью знаний о природе, обществе, человеке и его мышлении. Наука также процесс добывания и развития знаний и, конечно, совокупность средств, методов и приемов дальнейшего развития познания.

В зависимости от того, каков предмет исследования, науки делятся на **естественные,** изучающие живую и неживую природу во всем многообразии ее проявлений и форм, и **общественные,** объектом изучения которых являются общество и различные общественные явления.

Отличаются друг от друга науки и по степени их связи с преобразовательной деятельностью человека. Здесь выделяются науки: **фундаментальные** (физика, химия, биология, социология, логика и т. д.), вскрывающие законы развития природы, общества, человека, мышления, не связанные с непосредственной преобразующей деятельностью людей, и **прикладные** (медицина, металлургия, электротехника, агрономия и т. п.), исследования которых направлены на прямое использование объективных законов в преобразующей деятельности людей. Совершенно не следует из этого делать вывод, что фундаментальные науки вовсе оторваны от практики, от производства. Теоретические разработки, открытия новых законов и закономерностей способствуют техническому прогрессу, дают в руки обществу новые возможности для развития техники, передовой технологии, средств связи и т. д.

Ярчайшим доказательством этого может служить теоретическая разработка К. Э. Циолковским возможности космических полетов — она привела в конечном итоге к тому, что космические аппараты сейчас успешно помогают метеорологии и другим чисто земным, прикладным наукам.

В Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде партии сказано: «Мы прекрасно знаем, что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования». И дальше: «Курс партии состоит в том, чтобы и впредь проявлять постоянную заботу о развитии большой науки».

Являясь формой общественного сознания, наука, как и каждая форма его, имеет свою специфику, которая определяется содержанием науки, закономерностями развития, ее общественной функцией.

Для развития науки характерны поступательный, диалектически противоречивый процесс познания, не прекращающееся изменение, уточнение, углубление и расширение научной картины мира, историческая преемственность, экспериментальное и теоретическое обоснование, критика и проверка выводов.

Содержание науки отличается от других форм общественного сознания своей широтой. В понятиях (язык, на котором говорит каждая ее отрасль), гипотезах, теориях, законах она фиксирует бесконечное многообразие свойств, явлений, процессов объективно существующего мира: от мельчайших элементарных частиц, из которых состоит материя, до человека и человеческого общества.

Специфической чертой науки является и то, что она позволяет определять содержание и внутренние закономерности развития других форм общественного сознания. Этика, эстетика, религиоведение и другие науки выявляют содержание, специфику и закономерности развития соответствующих форм общественного сознания.

Воздействуя на другие формы общественного сознания, наука в свою очередь испытывает влияние со стороны политики, морали, религии, философии, так как наука своей мировоззренческой стороной связана с идеологией общества, с классовой борьбой. Борьба эта находит свое отражение в виде борьбы между материалистическим пониманием окружающего нас мира и идеалистическим его толкованием. Попытки буржуазных ученых доказать свободу науки от идеологии не выдерживают серьезной критики.

Наука порождается потребностями развития общества. Как справедливо отмечал Энгельс: «Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»[1].

Как известно, познание мира на протяжении многих столетий развивалось на базе обычной деятельности, так или иначе доступной нашим чувствам. Все, что не противоречило «здравому смыслу», считалось правильным — «здравый смысл» был высшим критерием. «Очевидностью», наглядностью тех или иных научных положений определялась их истинность. На протяжении веков никаких сомнений ни у кого поэтому не вызывала, скажем, ни достоверность геометрии Евклида, ни основные положения классической механики Ньютона, ни универсальность логики Аристотеля. Ограниченность таких взглядов обнаружилась тогда, когда Н. И. Лобачевский, Я. Больяй и Б. Риман показали, что возможны иные, а не только «очевидная» Евклидова, геометрии, когда А. Эйнштейн и М. Планк убедительно продемонстрировали, что справедлива не только классическая механика, но и релятивистская и неклассическая, когда, наконец, стало ясно, что даже классическая логика — частный случай бесчисленного множества возможных логик.

В сознании людей произошел переворот огромной важности, повлек-*каждая из них играет в жизни общества. Естественные науки, например, обслуживают прежде всего практические потребности развития производства, их открытия и достижения материализуются в новых орудиях труда и средствах познания мира, в новых материалах, технологических процессах, в деятельности человека как производителя материальных благ.*

Существенно отличаясь друг от друга, формы общественного сознания так или иначе влияют друг на друга. Наиболее ярким примером такого влияния служит факт господства религии в средние века над всеми другими формами общественного сознания. Нельзя понять духовную жизнь людей той эпохи, если не учитывать влияние религии на политические идеи, нравственность, науку, искусство. И наоборот, в социалистическом обществе, где наука становится уже непосредственной производительной силой, она оказывает главенствующее влияние на все другие формы общественного сознания. Именно с науки мы и начинаем рассказ о различных формах общественного сознания.

Советы пропагандисту

Тема «Наука и окружающий мир» — тема методологического и мировоззренческого характера.

Методологические основы научного познания мира освещаются в трудах классиков марксизма-ленинизма. К таким работам относятся в первую очередь труды «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг» Энгельса, а также широко известный философский труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Эта работа создавалась в начале нашего века в период ломки традиционных представлений естествознания. В ней Ленин с предельной ясностью не только объяснил «кризис» в естествознании, наблюдавшийся в начале XX века, но и с гениальной прозорливостью обрисовал будущее наук, изучающих природу. «Электрон так же **неисчерпаем**, как и атом, природа бесконечна» — в этой формуле заключена целая программа дальнейшего развития естествознания.

При изложении темы следует на примерах показывать силу диалектико-материалистического метода в естествознании, раскрывать несостоятельность попыток «эмпириокритиков» всех оттенков доказать

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 174.

возможность «третьего» пути в методологии естественных наук, пролегающего между идеализмом и материализмом, так как каждая подобная попытка неизбежно приводит к скатыванию на позиции идеализма.

Следующее очень важное положение, на которое следует обращать особое внимание, — это концепция познаваемости мира. Материализм стоит на той точке зрения, что нет в мире вещей непознаваемых, недоступных нашему пониманию, а есть вещи пока еще не познанные, но которые человеческий разум потенциально способен познать. Помимо уже рекомендованной работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», несомненную пользу при изучении этого вопроса принесет знакомство со сборником трудов крупного французского физика Луи де Бройля, выпущенным у нас под названием «По тропам науки» (М., 1962).

Очень важно отметить, что процесс познания окружающего мира безграничен. Всякая, даже самая совершенная и самая новая теория никогда не может быть исчерпывающе полной, так как по мере развития науки обнаруживаются все новые и новые факты, дополняющие эту теорию. Процесс развития знания бесконечен.

Весьма важно также подчеркнуть, что наука все чаще и все больше обращается к самопознанию. Она становится объектом своего собственного исследования. История науки, логика и социология науки, психология научного творчества, наукометрия, экономика науки — все они образуют в своем единстве область метанаучного знания, получившую название «науковедение».

Важное методологическое значение имеет проблема взаимоотношений науки и практики. «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145). Истинность любого научного положения проверяется практикой. «От живого созерцания к абстрактному мышлению **и от него к практике** — таков диалектический путь познания **истины**, познания объективной реальности» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153).

ший за собой пересмотр фундаментальных положений науки. Выявилась относительность наших знаний, невозможность полного и исчерпывающего описания мира. Наука вынуждена была признать, по выражению известного физика Дж. Томсона, что «природа, как кажется, имеет по краям довольно расплывчатые очертания и не похожа на ту точную машину с четкими гранями, какой ее представляли себе в XIX веке». Мнение, которое разделялось даже видными учеными минувших времен, — что человек, наделенный знаниями, умом, правильным методом, достаточным упорством и долгой жизнью, способен познать все тайны мира, оказалось ошибочным. Процесс познания не имеет предела. Подчеркивая эту особенность науки, Ленин писал: «...Диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же **неисчерпаем**, как и атом, природа бесконечна»[2].

Некоторые современные физические представления, как известно, отличаются необычностью, «странностью». Мы можем довольно ясно представить себе движение планет вокруг Солнца, но большинству людей многое непонятно в строении атома, и уж совсем трудно наглядно представить себе «странную» двойственность элементарных частиц — понятие «частица — волна». Но современная наука уже не боится таких «странных» теорий, не боится их необычности. Для нее вполне ясно: любая попытка «подогнать» новые представления под какие-то старые эталоны или каноны означала бы сознательное умерщвление научной мысли, ибо без радикально новых идей наука существовать не может.

Известно, что в современной науке, особенно в так называемых точных областях знания, широко используются формально логические, в том числе и математические, методы исследования. Математизацию знания Ленин считал характерной особенностью прогресса науки, которая связана с изменением объектов исследования, с углублением познания мира и означает «приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку»[3].

Строгость математики позволяет, казалось бы, получать истины совершенно неопровержимые. Однако на практике, оценивая правильность тех или других положений, мы все-таки апеллируем по-прежнему к опыту, а не к чисто теоретическим умозаключениям. Дело здесь, разумеется, не в ошибочности или несовершенстве, а в определенной ограниченности этих методов. Ведь математическое описание, математическая модель — это лишь неполное отображение реально существующего явления[4]. Любая модель, в принципе, — это прежде всего аналогия, а аналогия дает лишь вероятностную информацию.

Человек познает мир, учась на опыте, исправляя на практике свои ошибки, — так поступает и взрослый, и младенец. Математическое исследование по самой своей сути — все тот же метод проб и ошибок, но только с помощью формально сконструированных моделей. Если на каком-то этапе обнаруживается, что данная математическая модель не может быть поставлена в соответствие реальному факту, — она отбрасывается и заменяется новой, более точной, более соответствующей наблюдаемой реальности (в той степени, разумеется, в какой мы способны проникнуть в существо этой реальности).

Нет нужды еще раз доказывать, что природа более многообразна, чем математика — порождение человеческого ума. Поэтому в природе не существует таких проблем, которые, однажды решив, можно было бы навсегда «закрыть», как их закрывают в математике. Как метод познания логическое доказательство, используемое в математике, — процесс конечный. Природа же бесконечна, а сопоставлять однозначно конечное с бесконечным невозможно. Вот почему логическое доказательство, будучи процессом конечным, только частично отображает реально существующие связи, сам же процесс познания бесконечной природы никогда не может завершиться.

Теоретическая наука — это, казалось бы, чистое порождение ума — заключает в себе извечное стремление человека выявить «рациональность» внутри явлений окружающего мира. И хотя теоретическое знание зародилось много столетий назад и наука за это время значительно расширила свои представления, но такое понятие о смысле теоретических научных исследований не изменилось. Мы в состоянии познать, конечно, лишь ограниченную часть явлений окружающего нас мира, только бесконечно приближаемся к абсолютной истине, познавая ряд истин относительных. Но мы не можем отказаться от главного — концепции рациональности Вселенной, концепции познаваемости мира, помня при этом, что рацио-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 277.
[2] Там же, стр. 326.
[3] См. ст. «Математика и мировоззрение», «Наука и религия», 1970, № 2.

нальность Вселенной, если ее рассматривать во всей полноте, никогда не может быть раскрыта до конца. Отказ от концепции рациональности, как справедливо заметил один из выдающихся физиков XX века Луи де Бройль, неизбежно возвратил бы нас к мифическим объяснениям природных явлений, характерным для донаучной фазы человеческого мышления.

Таким образом, основное положение науки остается неизменным на протяжении многих веков: как бы ни были сложны понятия современного естествознания — все они отображают явления реально существующего мира

Подчеркнем еще раз, что наука ни в коем случае не должна рассматриваться как окончательно сложившаяся система знаний. Роль нынешнего этапа ее развития, как и в прошлом или в будущем, состоит лишь в подготовке следующих этапов. Создание каждой новой теории — это лишь очередная ступенька бесконечного пути развития знаний. При этом новые открытия не отвергают ранее накопленных научных знаний, которые по-прежнему сохраняют свою ценность для тех или иных конкретных условий. Каким бы революционным ни было новое открытие, оно базируется на огромном мире прежних представлений, созданных прежней теорией и проверенных на практике. Объем знаний может меняться, но науку составляют именно знания, правильность которых проверена на практике, ибо высший и единственный авторитет в науке — это истина, подтвержденная опытом, практикой.

Любая новая теория, даже самая гениальная и, казалось бы, всеобъемлющая, никогда не будет окончательной. Когда-нибудь и она тоже окажется лишь частным случаем другой теории, раскрывающей еще более глубокие свойства неисчерпаемой природы. Тогда придется доделывать или переделывать созданную ранее теорию.

Таков путь развития любой теоретической науки. Она не отбрасывает своих предыдущих представлений, а постоянно осваивает все новые и новые факты, но никогда не охватывает — не может охватить в силу бесконечности мира — все факты полностью и окончательно, во всем их многообразии и необычайной сложности.

Для развития любой отрасли науки характерны как длительные периоды эволюционного развития, когда происходит накопление фактов, так и революционные скачки, когда на основе обобщения добытых знаний создаются новые научные теории. Постоянно действующей тенденцией в развитии науки является та, которую можно отнести к эволюционному развитию, — когда научные взгляды на более или менее длительный срок стабилизируются. Каждый такой период обычно завершается пересмотром существующей теории, вследствие того, что вновь добытые факты подвергают сомнению отдельные положения ранее созданных теорий. Последующий опыт, эксперимент может опровергнуть научную теорию и этим предрешить ее судьбу, но на смену отвергнутой теории придет новая, которая сможет объяснить гораздо больший круг явлений.

В научных исследованиях в наши дни органически сочетаются деятельность больших научных коллективов и индивидуальный труд ученых. Над отдельными «ключевыми» научными проблемами сейчас трудятся уже не одиночки-ученые, работающие изолированно друг от друга, а целые коллективы — различные научные школы, лаборатории, институты и т. д. Современный ученый — далеко не универсал. Исчезновение универсализма — неизбежное следствие гигантского развития и усложнения науки и, наряду с массовостью научно-исследовательских работ, качественно новое явление в науке.

Специализация современных научных знаний, появление разнообразных узких отраслей науки влечет за собой, однако, и новые проблемы. С одной стороны, это облегчает и ускоряет освоение человечеством накопленных знаний, ибо возможности одного человека хотя и велики, но в целом все же ограниченны. Однако, с другой стороны, специализация отдельных отраслей знания вызывает и отрицательные последствия — значительно усложняется обмен информацией между отраслями, теряется контакт между учеными разных специальностей.

Появление отдельных узких отраслей знания — исторически неизбежный процесс. Но если бы существовала только одна эта тенденция, то рано или поздно неминуемо должен был бы наступить такой момент, когда специализация привела бы к полной взаимной изоляции отдельных узких отраслей знания, к разрыву связей между ними. Наука же как единое целое без таких связей развиваться не может, ибо это противоречило бы самой сущности науки, изучающей единый бесконечный материальный мир. В современной науке такого полного разрыва не наблюдается, но с проблемами, порождаемыми узкой специализацией, ограничением обще-

Важен для данной темы и вопрос о партийности философии — методологической основы естествознания. Имея в виду буржуазных ученых, Энгельс писал: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории... — то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 524). Без философской основы невозможно построение научных теорий, и «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад», отмечал В. И. Ленин.

Говоря об особенностях современной науки, невозможно не коснуться изменившейся роли ее в эпоху переживаемой ныне человечеством научно-технической революции. О научно-технической революции и о ведущей роли в ней науки написано множество работ. Среди них можно упомянуть такие, как коллективный труд «Научно-техническая революция и общество» (М., 1973), книгу Ю. С. Мелещенко и С. В. Шухардина «Ленин и научно-технический прогресс» (Л., 1969) и другие работы, раскрывающие особенности научно-технической революции в условиях социализма. Понятно, что для нашей страны основополагающими материалами при освещении данного вопроса должны служить Программа КПСС, материалы XXV съезда и другие документы нашей партии.

Раскрывая тему «Наука и окружающий мир», следует не только сказать о возросшей социальной роли науки, но и показать рост ее влияния и в других сферах, включая международные отношения. Наука, наряду с промышленностью и народным образованием, стала одной из важнейших сторон деятельности любого развитого в промышленном отношении государства. Степень развития науки, уровень, достигнутый ею в том или ином государстве, представляют собой важный показатель потенциальных возможностей страны. В нашей стране наука стала непосредственной производительной силой общества.

В заключение следует особо отметить, что наука на всех этапах своего развития способствовала расширению кругозора людей, формированию мировоззрения человека, обновлению его представлений об окружающем мире и благодаря этому непрестанно наталкивалась на сопротивление реакционных сил, религии, косности, догматизма. Но

наука служила человеку надежным компасом в его поиске истины, и в конечном итоге она всегда побеждала в этой борьбе, вооружая человека высшей ценностью — знанием. Человек освободился от плена религии и суеверий и обрел силу, ибо суеверие — это страх без разума, атеизм же — это разум без страха.

Классики марксизма-ленинизма о науке

...Задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...

К. Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, ч. 1, стр. 343; далее указываются только том и страница этого издания).

...В любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам **фактов...** нельзя конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем.

Ф. Энгельс (т. 20, стр. 370—371).

Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений.

Ф. Энгельс (т. 20, стр. 513).

В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах.

Ф. Энгельс (т. 23, стр. 31).

...Наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения, следовательно, при самых обыкновенных условиях она... растет в геометрической прогрессии.

Ф. Энгельс (т. 1, стр. 568).

Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...

В. И. Ленин (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 298; далее указываются только том и страница этого издания).

Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина.

В. И. Ленин (т. 18, стр. 198).

Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого

ния специалистов только пределами своей области знаний, приходится сталкиваться довольно часто.

Однако границы между узкими специализированными областями знания современной науки — понятие чисто условное, и часто именно на границах между такими «определившимися» отраслями возникают наиболее интересные новые исследования.

В каждой специализированной области науки существуют собственные методы исследования, свои источники и своя терминология, уровень развития которых в разных отраслях знания различен, поэтому в ряде случаев даже простое заимствование их, перенос уже готовых результатов из одной области в другую способен значительно обогатить новую отрасль науки. Скажем, давно и хорошо известное в радиотехнике понятие «обратная связь» неизмеримо обогатило и биологию, и социологию, и другие науки, заставило по-новому взглянуть на известные факты, обнаружило общность в явлениях самой различной природы. Поразительные результаты, наблюдаемые в некоторых пограничных отраслях знания, — прямое следствие того, что исследователи одной отрасли, вторгнувшись в новую для них область, сумели преодолеть установившиеся там представления, подвергли коренному пересмотру сделанные до них выводы, поднялись над уровнем достижений этой области. Происходит, так сказать, взаимный «перелив» наук.

Сегодня важнейшая задача, без решения которой наука уже не может развиваться как единое целое, состоит в объединении, в суммировании огромного количества данных, накопленных разнообразными отраслями знания.

Расчленение единой науки, изучающей этот Мир, «почкование» ее привело в конце концов к необходимости синтеза отдельных отраслей знания, хотя сам процесс деления разных областей науки, как мы уже говорили, продолжается и будет продолжаться в будущем. Единство противоположных тенденций — объединение и расчленение отдельных отраслей знания— одна из важнейших особенностей современной науки.

Будучи одной из форм общественного сознания, наука дает объективную картину Мира, систему знаний о законах развития природы и общества. Она включает в себя не только формулировку законов, теорем и других объективных положений, но и теоретическое, философское их осмысление и истолкование. Без философских обобщений не могут развиваться не только общественные науки, но и естествознание, в том числе современная физика или астрономия. Философия же в классовом обществе носит классовый партийный характер.

В отличие от философии или общественных наук, естественные науки не могут быть классовыми. Не может быть, например, пролетарской физики или буржуазной биологии, но существуют пролетарская идеология и буржуазная идеология, материалистическая философия и идеалистическая философия. Значит, осмысливать и истолковывать ту же физику философы могут по-разному. Вместе с тем, являясь формой общественного сознания, наука развивается в условиях классовой борьбы и естествознание, не будучи само идеологией, играет огромную роль в развитии общественных идей. Оно служит, например, базой диалектического материализма. Критикуя Маха и других «эмпириокритиков», Ленин писал, что утверждение о беспартийности науки в борьбе материализма с идеализмом и религией «это — излюбленная идея не одного Маха, а всех современных буржуазных профессоров, этих, по справедливому выражению... И. Дицгена, «дипломированных лакеев, оглупляющих народ вымученным идеализмом»[5].

Ученые нашей страны и передовые ученые зарубежных стран руководствуются в своих исследованиях марксистско-ленинской методологией, последовательно применяют на практике диалектико-материалистический метод, основываясь на широко известных философских трудах классиков марксизма. Ленин в своих работах не только дал четкие философские определения понятий, важных для естествознания, но и неоднократно предостерегал против возможных идеологических ошибок в этой области. Он подчеркивал, что в XX веке естествознание прогрессирует столь быстро, переживает периоды такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов ему не обойтись ни в коем случае. «Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания... — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом»[6].

Борьба в науке между материализмом и идеализмом идет на разных фронтах. Наряду с иными проблемами много внимания уделяют философ-

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 141—142.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 29.

ско-социологическим рассуждениям о роли науки, судьбах человека и перспективах общества такие философские направления, как экзистенциализм, неотомизм и т. д. Пытается примирить с наукой различные религиозно-философские учения и церковь. В стремлении церкви проложить мост между религией и наукой, найти между ними гармонию и даже использовать в интересах религии достижения современной науки особенно следует отметить принятие теологией различных вероисповеданий и философских школ идеи эволюции, признание общественного значения научных открытий. Современный католицизм, например, начинает признавать право и возможность человека пересоздавать мир. Идея осуществления в этом мире промысла божьего постепенно становится ритуальной фразой, так как фактически признается, что общество развивается по своим законам.

Консерватизм же религиозного мышления иногда приводит к совершенно анекдотическим ситуациям. Рассказывают, что великий изобретатель Томас Эдисон, беседуя с одним пастором, пытался убедить его, что в природе не существует тайн, которые человек в конце концов не узнает. Он отмечал в особенности, что в ближайшее время человек научится летать. Пастор негодовал, утверждая, что бог не хотел, чтобы люди летали, как птицы. Это происходило в 1874 году, а фамилия пастора была Райт. В 1903 году сыновья пастора — братья Райт — изобрели самолет.

Казалось бы, успехи современной науки настолько внушительны, что места для каких-либо религиозных представлений в наше время не остается. Однако в действительности это не так — в сознании многих верующих современные научные представления уживаются с религиозными. В наше время, правда, нельзя уже верить так, как верили, допустим, сто, двести или тысячу лет назад. Жизнь волей-неволей заставляет постепенно отказываться от наивных представлений.

Развитие науки может быть замедлено на какой-то период, задержано предвзятыми догматическими представлениями — религиозными или нерелигиозными. Но сбросив оковы таких догм, наука неизбежно выходит на свой собственный путь, и ничто уже не в состоянии заставить свернуть ее с этого пути. Более того, в нашей стране развитого социализма наука уже стала непосредственной производительной силой общества, одним из решающих факторов ее дальнейшего развития по пути к коммунизму. Это привело к небывалому качественному скачку в развитии производительных сил общества, связанному с широким внедрением в производство автоматики и электроники и получившему в литературе название «научно-технической революции».

Естествознание — теоретическая основа техники и производства, общественные науки, марксизм-ленинизм, воздействуя на сознание людей, формируя их научное мировоззрение, оказывают огромное влияние на развитие материального производства. Происходит качественное преобразование как средств труда, так и самого производителя — человека.

Современная научно-техническая революция становится непосредственным социальным процессом, вызывает глубокие изменения во всех областях общественной жизни. А это значит, что развитие науки следует рассматривать в наше время не просто как скачок в развитии производительных сил общества, а как процесс, не только влияющий на элементы общественного организма, но и в значительной степени формирующий их.

Но научно-техническая революция охватывает страны с разными общественно-политическими системами. Поэтому социальные последствия ее в социалистических и капиталистических странах принципиально различны. Капитализм не только препятствует полному развитию научно-технической революции и использованию ее достижений в интересах поступательного развития, но и направляет их на военные цели, подчиняет задачам прямого уничтожения производительных сил, созданных человечеством.

Наоборот, социалистический строй оказывает огромное стимулирующее воздействие на развитие науки в интересах общего прогресса во всех сферах экономической, социальной и духовной жизни. В условиях социализма стоит задача огромной исторической важности — органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. Не случайно поэтому в материалах XXV съезда КПСС подчеркивается: «Основной задачей советской науки является дальнейшее расширение и углубление исследований закономерностей природы и общества, повышение ее вклада в решение актуальных проблем строительства материально-технической базы коммунизма, ускорения научно-технического прогресса и роста эффективности производства, повышения благосостояния и культуры народа, формирования коммунистического мировоззрения трудящихся».

необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации.

В. И. Ленин (т. 35, стр. 289).

●

Прогресс науки и техники в условиях социалистической системы хозяйства позволяет наиболее эффективно использовать богатства и силы природы в интересах народа, открывать новые виды энергии и создавать новые материалы, разрабатывать методы воздействия на климатические условия, овладевать космическим пространством. Применение науки становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества. Развитие науки и внедрение ее достижений в народное хозяйство будет и в дальнейшем предметом особой заботы партии.

Наиболее важным являются следующие задачи:

а) **Развитие теоретических исследований.** Дальнейшие перспективы прогресса науки и техники определяются в настоящий период, прежде всего, достижениями **ведущих отраслей естествознания.** Высокий уровень развития **математики, физики, химии, биологии** — необходимое условие подъема и эффективности технических, медицинских, сельскохозяйственных и других наук.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, глава V, § 3.

Партия и государство нуждаются в исследованиях проблем, связанных прежде всего со всесторонним развитием производства и управления производством, в рекомендациях, дающих возможность существенно повысить его эффективность.

Представляется существенно важным углубленное исследование вопросов, относящихся к тенденциям развития нашего общества, его производительных сил. Сюда относятся, например, характер и содержание труда в условиях зрелого социализма, изменения социальной структуры. Совершенствование распределения по труду, сочетание морального и материального стимулирования, социалистический быт и развитие нашей многогранной культуры — рассмотрение этих проблем требует соединения усилий представителей различных наук.

Из поля зрения советских ученых не должны выпадать обострившиеся за последнее время проблемы окружающей среды и народонаселения. Улучшение социалистического природопользования, разработка эффективной демографической политики — важная задача целого комплекса естественных и общественных наук.

Все больше увеличивается значение научного исследования кардинальных проблем мирового развития и международных отношений, революционного процесса, взаимодействия и единства различных его потоков, соотношения борьбы за демократию с борьбой за социализм, противоборства сил в главном вопросе современности — в вопросе о войне и мире.

Л. И. Брежнев. Отчетный доклад ЦК КПСС XXV съезду партии.

ПСИХОАНАЛИЗ:

КОГДА БУДУЩИЙ ИСТОРИК культуры задумается над умственной жизнью нашего бурного века, он, безусловно, выделит концепцию психоанализа как явление особого порядка, понять существо и судьбу которого нелегко. С одной стороны, перед ним будут многочисленные свидетельства того, что в западноевропейской и американской литературе этого периода стало обычным приравнивание имени Фрейда по глубине влияния, оказанного его идеями на сознание и мироощущение «западного» человека, к именам Коперника, Декарта, Дарвина, Эйнштейна. Что только мировые религии — христианство, буддизм, ислам вовлекли в зону своего влияния больше людских масс, чем это удалось Фрейду, что большая часть создаваемых на Западе произведений литературы и искусства несет на себе в той или иной степени отпечаток фрейдизма, и формулы Фрейда настолько проникли в «кровь» западной культуры, что ее представителям значительно легче мыслить ими, чем вне их.

С другой же стороны, остается фактом, что виднейшие психиатры самых разных стран, такие, как С. С. Корсаков, В. П. Сербский, П. Б. Ганнушкин — в России, Э. Крепелин, Г. Груле, В. Майер-Гросс — в Германии, А. Барюк — во Франции, резко порицают фрейдизм. Советские ученые подвергли фрейдизм всестороннему критическому анализу с позиций марксизма-ленинизма и полностью отвергли его философские. социологические и медицинские основы

ОТКУДА ТАКИЕ КОНТРАСТЫ?

Короткий ответ на этот вопрос можно было бы сформулировать так. Фрейдизм поставил и заострил жизненно важные психологические и клинические проблемы, однако не смог дать этим проблемам научное решение. В этом — своеобразие его пути в науке.

Что же касается влияния фрейдизма на литературу, искусство и философию, то здесь мы сталкиваемся с более сложной картиной, в которой переплетаются многие противоречивые факторы социального порядка.

Широкий отклик на идеи Фрейда объясняется тем, что они оказались созвучными духовным запросам определенных общественных кругов, находившихся под влиянием идеалистической, иррационалистической философии, а также тем, что эти идеи выгодно контрастировали с абстрактностью и сухостью психологии западных университетов. Фрейдизм явился одной из первых концепций, настойчиво пытавшихся разобраться в проблеме скрытых, неосознаваемых мотивов поведения человека и определить роль этих факторов в происхождении и клинике психических травм.

Фрейдизм привлек внимание к сложности внутреннего мира человека, к интимным переживаниям здоровых и страдающих невротическими расстройствами людей, к последствиям неудовлетворенных влечений, к конфликтам напряженных стремлений, и подчас трагическим противоречиям между «желаемым» и «должным». Он обращался к жизни во всей ее реальности, к ее радостям и печалям, тревогам и надеждам, целям и стремлениям, ко всему наиболее значительному и волнующему, с чем связано существование каждого человека. К тому же психоанализ обещал помочь в случаях болезни и душевного надлома методом всего лишь наведения определенного «порядка» в душе. Все это не могло не стать причиной его шумного успеха.

Однако теория и практика психоанализа содержали и немало такого, что заставило общественные группы, основывающие свои взгляды на мир на материалистических представлениях, дать фрейдизму, понимаемому как социальный и культурный феномен, как доктрина, претендующая на обоснование не только определенных психологических, психопатологических и психотерапевтических факторов, но и на мировоззрение в целом, — резко отрицательную оценку.

Не подлежит сомнению, что Фрейд был одним из крупнейших ученых своего времени и отличался редкой наблюдательностью и клинической интуицией. К тому же он был человеком принципиальным и отнюдь не корыстным, о чем говорит история всей его жизни и прежде всего та решимость, с которой он отказался от уже завоеванной им репутации известного невропатолога и посвятил себя каким-то странным, на первых порах непонятным изысканиям, поднимавшим столь шокирующие, столь далекие от традиций науки вопросы. И следовать за ним в эту новую область долгие годы не решались даже близкие его друзья.

Но привлекательность духовного облика Фрейда не означает, что в такой же степени нам может импонировать его концепция. Резкие расхождения между личностью создателя и характером созданного наблюдались в истории науки неоднократно.

Трагедия Фрейда заключалась в том, что он опередил свое время, сделав предметом пристального анализа феномен, для раскрытия природы которого психология, нейрофизиология, психотерапия, психиатрия его времени еще не были готовы. Этим феноменом была активность бессознательного. Перед Фрейдом возникла нелегкая перспектива — либо попытаться объяснить круг этих явлений на основе общей теории бессознательного, которую следовало еще создать, либо объяснить его на основе предположений, создаваемых ad hoc (для данного случая), изготовляемых, если можно так выразиться, ex tempore (по ходу дела), вне общего теоретического подхода, освещающего широкую роль этого начала во всей системе сознания человека.

Фрейд не мог пойти по первому пути хотя бы потому, что создание общей теории бессознательного немыслимо без опоры на экспериментальный метод в широком понимании, всегда остававшийся ему чуждым, без опоры на теоретические представления, вошедшие в психологию лишь десятилетия спустя (мы имеем в виду идею так называемой «психологической установки», о которой будет сказано в дальнейшем). Поэтому единственным оставшимся для него путем истолкования было конструирование произвольных априорных, чисто умозрительных систем. В их достоверность, истинность Фрейд настолько, по-видимому, верил, что никогда не подвергал их сомнению и проверке. А путь,

Статью первую см. в № 5.

РЕАЛЬНОСТЬ И МИФ

Ф. БАССИН,
М. РОЖНОВА, В. РОЖНОВ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

избранный Фрейдом, не мог не придать в высшей степени сложным клинико-психологическим проявлениям, им подмеченным, истолкования упрощенного, узкого, сбивающегося на своеобразный психологический антропоморфизм.

В фрейдовском истолковании бессознательное предстает неким самостоятельным психическим началом, которое живет в душе человека, наделено особым разумом, очень похожим на интеллект умственно сниженного субъекта. Это начало неизменно враждует с человеческим сознанием, преследует только собственные цели, хитрит и маскируется, чтобы обмануть бдительность сознания, всегда напряжено, всегда готово действовать, ловко умеет отыскивать обходные пути для своего выражения в поведении. Недальновидное в своем ярко выраженном прагматизме, оно ценит только немедленное, неотсроченное удовлетворение своих потребностей — словом, ведет себя, напоминая всеми своими чертами какую-то злобную «старую обезьяну-микроцефала», по ироническому замечанию английского писателя Честертона.

Можно, конечно, возразить, что вся эта антропоморфизация бессознательного была для Фрейда всего лишь своего рода изобразительным приемом. Но беда заключалась в том, что прием имел свою логику развития и что Фрейд в итоге сам оказался его пленником.

Искажающие природу психических процессов представления Фрейда, а он их постоянно усложнял, все чаще опираясь на аналогии и метафоры, привели его к созданию множества причудливых и одновременно наивных мифов о работе мозга. К идее фатальной гегемонии бессознательного над сознанием, к представлению о только антагонистических, только враждебных отношениях между бессознательным и сознанием, к мысли о том, что сновидения — это почти всегда лишь тонко замаскированные символы скрытых в глубинах бессознательного сексуальных переживаний (представления, от которых сама психоаналитическая школа вынуждена была впоследствии отказаться). К концепции о «вытеснении» неприемлемых для сознания аффективных стремлений, где не было разъяснения того, во что же преобразуется это вытесненное переживание как психологический феномен, но тем не менее было постоянное жонглирование этой внутренне противоречивой идеей. Тот же, кто разделял веру в мифы Фрейда, превращался (иногда даже без ясного осознания избранной им позиции) в последователя одной из наиболее мистифицированных систем социальной психологии, в приверженца одного из самых реакционных мировоззрений, не оставляющего человеку никакой надежды на освобождение от власти якобы господствующих над ним биологически примитивных, иррациональных сил.

Таким представляется своеобразный и трагический путь Фрейда в науке. Трагедия Фрейда заключалась не только в том, что, будучи скован идеалистическими представлениями (хотя в них можно проследить ранние материалистические установки ученого, о чем мы писали в первой статье), он вынужденно оставил без должного научного осмысления подмеченные им факты. Они, эти факты, приоткрывали завесу над реальной, мало известной еще стороной психики человека, но фрейдизм объяснял их неадекватно, искажая их существо. Если бы дело исчерпывалось только этим, надлежало бы говорить лишь о личной трагедии Фрейда как исследователя. В действительности же трагическое приобрело здесь иной характер и масштаб.

Известный французский психиатр А. Барюк был прав, подчеркнув однажды, что Фрейд разрушил уходящее своими корнями еще в античную культуру представление о человеке как о существе, поведение которого определяется высокими духовными идеалами — его разумом. Вместо этого образа, внушающего уважение к себе, Фрейд нарисовал совершенно другую картину. В его представлении за логикой, идеалами, разумом человека стоят их подлинные, скрытые, но могущественные властители — слепые инстинкты и примитивные влечения. Фрейд неожиданно и грубо сбросил человека с его морального пьедестала, возводившегося столетиями. Если в предшествующие века превозносилась «мощь духа», то теория психоанализа выступила как своеобразное откровение «мощи плоти», узаконила зовы этой плоти, выдвинув их на первое место в духовной жизни современного человека.

Можно ли сомневаться, какой эффект деморализации должно было принести — независимо от воли их автора — развитие подобных представлений? Естественно, что этот эффект проявил себя сильнее там, где идеи фрейдизма нашли через художественную, научную литературу и искусство возможность широкого влияния на умы и сердца целого ряда поколений.

Думается поэтому, — как ни печально прозвучит это для тех из зарубежных сторонников психоанализа, которые принадлежат к прогрессивно ориентированным общественным кругам (мы отнюдь не закрываем глаза на их существование), — что нельзя отрицать определенную долю ответственности, которую несет фрейдизм за варварство и моральную деградацию, за склонность к насилию и душевную опустошенность, за терпимость к злу и поощрение зла, так широко представленные в мятущемся, раздираемом социальными противоречиями капиталистическом мире нашего времени.

Все это в целом — отсутствие у теории психоанализа строго разработанной научной основы и специфический колорит, который придают фрейдистские представления духовной жизни капиталистического мира, — наполняет глубоким смыслом слова одного из видных психологов современной Франции П. Фресса: «Психоанализ — это вера, а чтобы верить, надо сначала «стать на колени». С чисто галльским остроумием здесь сказано все.

Причины, по которым не только советские, но и многие западные ученые категорически отвергают фрейдизм, после всего сказанного должны стать более понятны читателю.

НОВЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

Отвергнув психоанализ, исследователи оказались перед рядом нелегких вопросов.

Фрейдизм возник как попытка осмыслить реальный аспект психической деятельности человека.

О том, насколько это важно, известный психолог начала нашего века В. Джемс как-то сказал, что никакие иные успехи психологического исследования не могут претендовать на подобное же значение. Как же найти решение проблемы бессознательного на иных методологических путях?

Охарактеризуем некоторые принципиальные положения, на которые опирается то, что может быть противопоставлено психоаналитической трактовке бессознательного. Прежде всего следует остановиться на вопросе взаимоотношения сознания и бессознательного, имеющем особое значение не только для психологической, но и для философской концепции последнего.

Психоанализ односторонне свел всю систему этих отношений к единственной форме взаимодействия, единственной динамической тенденции — к функциональному антагонизму сознания и бессознательного, к учению о «вытеснении» как об основном проявлении этого антагонизма и к представлению о разнообразных формах символизации как о главном способе преодоления запретов, с помощью которых сознание пытается обуздать бессознательное.

Основное возражение, выдвинутое против такого подхода как исчерпывающего проблему, сводилось к указанию на его схематизм, на то, что оно крайне упрощает, обедняет картину очень сложных и противоречивых отношений, существующих в действительности между активностью бессознательного и сознанием. Жесткая фрейдистская схема «либо вытеснение — либо осознание» упускает из виду огромный диапазон переходных состояний между этими крайними полюсами, диапазон, охватывающий множество форм болезненного расстройства сознания, а также целый ряд состояний частичного изменения сознания в условиях нормы.

Главный недостаток психоаналитической односторонней трактовки заключается в том, что антагонистические взаимодействия между сознанием и бессознательным, действительно наблюдаемые в определенных условиях (преимущественно при разных формах эмоционального напряжения и при нарушениях сознания, имеющих выраженный болезненный характер), заслонили для Фрейда соответствующие синергические (содружественные) взаимоотношения, функциональную связь, координацию сознания и бессознательного, которые лежат в основе самых различных форм нормального приспособительного поведения — обучения, выработки психофизиологических автоматизмов и профессиональных навыков, явлений интуиции и тому подобного.

Некоторые из сторонников психоанализа склонны оправдывать эту узкую схему тем, что широкое понимание функций бессознательного выходит за рамки психоанализа, что из всех функций бессознательного психоанализ интересуется неосознаваемостью только таких переживаний, которые по своему содержанию неприемлемы для сознания и поэтому могут отразиться в поведении и в осознаваемом лишь на обходных путях символизации (в ошибках письма и речи, при формировании различных клинических синдромов и т. п.). Но такое возражение, на наш взгляд, лишь подтверждает тот факт, что психоанализ — это концепция, пытающаяся осветить только один частный, очень специальный аспект проявлений бессознательного. Попытки же анализировать этот специальный аспект вне рамок общей теории бессознательного, в отвлечении от такой теории, является, по нашему убеждению, первой генеральной ошибкой всей стратегии Фрейда, предопределившей судьбу его идей.

В пользу существования содружественного взаимодействия сознания и бессознательного, более важного, чем функциональный антагонизм этих начал, можно привести веский аргумент эволюционно-генетического порядка. Ведь особенности, которые только противодействуют высшим формам приспособления, не внося ничего положительного, неизбежно отметаются естественным отбором.

Следует подчеркнуть, наконец, и то, что исключение идеи синергизма или даже просто оттеснение ее на задний план имеет отчетливо выраженный философский оттенок: сведение взаимоотношений между сознанием и бессознательным только к их антагонизму легко перерастает в близкую духу ницшеанства (официальной идеологии гитлеризма) идею господства инстинкта над разумом и тем самым открывает дорогу апологетике войн, культу агрессии, социальному пессимизму, восхвалению насилия в его самых безобразных формах.

А ЕСЛИ ПРИВЛЕЧЬ ЭКСПЕРИМЕНТ?

Существование и важнейшая роль синергических взаимоотношений сознания и бессознательного в разнообразных формах приспособительного поведения было доказано множеством строгих экспериментальных исследований. В большинстве случаев проблема бессознательного интересовала авторов этих исследований не сама по себе, задачи работ были иными, но тем не менее полученные данные убедительно говорили о том, как глубоко связаны друг с другом осознаваемые и неосознаваемые формы психической деятельности.

Эти данные способствовали более глубокому пониманию роли бессознательного в процессах мыслительной деятельности и художественного творчества, в психологических процессах, изучаемых современной эвристикой, в явлениях интуиции, в развитии психики ребенка, в проявлении неосознаваемых стремлений и намерений, в восприятии внешнего мира при функциональных заболеваниях (неврозах), в процессах психотерапевтического воздействия (при реализации внушений в гипнозе), в формировании двигательных автоматизмов и профессиональных навыков, в явлениях так называемой антиципации (предвосхищение будущих событий) и в целом ряде других проявлений поведения и психофизиологической активности организма.

Не имея возможности подробно рассказать здесь об этих интересных работах, мы приведем лишь несколько примеров, по которым можно составить общее представление о разных формах проявления активности бессознательного.

Известный советский физиолог Г. В. Гершуни со своими сотрудниками провел серию экспериментов по определению границ чувствительности звукового анализатора.

За порог восприимчивости к звуку, согласно правилу, существующему в физиологии и психологии с середины прошлого века, принимают минимальную интенсивность звука определенной частоты (в данном случае использовалась частота в 1000 герц), способного вызвать у испытуемого осознаваемое ощущение. Приступая к определению порога, экспериментатор инструктирует испытуемого: «Как только услышите звук, сообщите об этом», — после чего подаются звуки как более, так и менее интенсивные. Звуки, сила которых превышает установленный порог, называют надпороговыми, те же, что порога не достигают, — подпороговыми, или субсенсорными.

Исследование проводилось с помощью широко известной методики. Повторно сочетая слышимый звук с последующим болевым (слабый удар электрическим током) или световым (вспышка яркой лампы) раздражением, вырабатывали условную связь между этими воздействиями. Показателем того, что условная рефлекторная связь действительно установилась, служило то, что после звукового раздражения возникали те же реакции, которые развивались в ответ на болевое или световое воздействие. В данном случае это было изменение электрического сопротивления кожи (так называемая кожно-гальваническая реакция, КГР) или угнетение ритма на электроэнцефалограмме (ЭЭГ).

Оказалось, что не только на надпороговый, но и на подпороговый звук выработать условный рефлекс не представляет большого труда. Разница лишь в том, что звуки надпороговые вызывают этот рефлекс уже после одного-двух сочетаний, а субсенсорные, подпороговые, — только после 10—12 попыток, причем возникающие в последнем случае реакции имеют большой латентный (скрыто протекающий) период и менее продолжительны.

Таким образом, исследование объективно доказывает, что субсенсорные сигналы — когда ухо уже слышит звук, а сознание этого еще не отмечает — могут оказывать действие на организм. Особый интерес представляет тот факт, что возникает субсенсорное восприятие не сразу, не само по себе, а лишь при определенных условиях. Чувствительность слуха повышается в процессе самого эксперимента, и происходит это благодаря тому, что после ряда повторных сочетаний подпорогового звука с последующим неприятным воздействием звук приобретает особый смысл: значение сигнала, предвещающего биологически существенное раздражение.

Правильность предположения Г. В. Гершуни о том, что именно биологическая значимость воздействия формирует высокий уровень чувствительности к нему, подтверждается опытами его сотрудниц А. М. Марусевой и Л. А. Чистович. В их экспериментах индикатором порога звуковой чувствительности служил не словесный отчет испытуемого, а его ориентировочная реакция на звук, выражавшаяся поворотом головы или просто движением глаз в сторону, откуда звук послышался. Опыт был организован так, чтобы звуковое раздражение оставалось нейтральным, безразличным, незначимым. Ни обстановка помещения, в котором проводился опыт, ни поведение экспериментатора не выдавало заранее, что именно будет исследоваться. Тем более исключалась та предварительная инструкция, которая дается при обычной процедуре определения порогов. Звук давался внезапно, без предупреждения.

Что же оказалось? Результаты опытов говорят о том, что уровень слуховой чувствительности, определенный таким способом, намного ниже того, какой дает традиционная процедура. В условиях описываемого эксперимента приходилось давать звук на 20 и даже 30 децибел * сильнее, чем обычно.

Получается, что испытуемый, не предупрежденный о подаче этих сигналов, в подобных обстоятельствах к ним и не прислушивается. Но эта особенность эксперимента только подчеркивает, что «прислушивание», то есть сознательная установка на выделение из множества воздействующих на человека раздражений именно того, которое является «значимым», есть фактор в значительной, если не в основной степени ответственный за перевод стимулов из зоны субсенсорной в зону воспринимаемого осознанно. Таким образом, диапазон чувствительности звукового анализатора значительно шире того, что мы осознанно ощущаем как слышимое. Иными словами, мы слышим больше, чем знаем об этом сами, и больше, чем можем дать об этом отчет другим.

Особенно ярко наличие субсенсорной чувствительности было доказано в экспериментах крупного советского психолога А. Н. Леонтьева. Совместно с Н. Б. Познанской он изучал несколько необычный феномен—светочувствительность кожи. Свет—специфический раздражитель для глаза, по отношению же к коже он является раздражителем несравненно меньшей силы, неадекватным. Тем интереснее было проверить, не воспринимаются ли в какой-либо форме подобные неадекватные раздражители? А если да — то каким образом их восприятие можно сделать более четким?

Исследователи заинтересовались этим вопросом на том основании, что когда-то у животных специализированных органов чувств не существовало, роль их выполняли рецепторы, реагировавшие на широкий спектр раздражителей. Помимо того, была установлена чувствительность к свету у кожи разных живых существ — кишечнополостных, планарий, моллюсков, насекомых, амфибий.

В первой серии опытов исследователи «засекретили» сам факт светового воздействия. Испытуемый знал, что будет исследоваться чувствительность только к электрическому раздражению. Условия опыта были таковы: экспериментатор устанавливал руку испытуемого на специальном столе так, чтобы ладонь его приходилась над окошком для световых лучей. Испытуемый держал палец на ключе прибора и при ощущении слабого электрического разряда он должен был снять палец с ключа, не сдвигая с места руки.

Эксперимент заключался в том, что после освещения кожи давался легкий удар током. На протяжении опыта давалось 10—14 таких сочетаний. Однако и после 350—400 подобных сочетаний двигательный рефлекс на световой раздражитель ни у одного из испытуемых не образовался. Никто из них не снял палец с ключа только в результате освещения, без электрического разряда.

В следующей серии опытов условия были изменены. Испытуемых предупредили о том, что перед подачей тока ладонь их будет подвергаться определенному кратковременному воздействию (какому именно — не говорили) и что если им удастся хотя бы смутно уловить наличие этого воздействия, то они, своевременно сняв палец с ключа, могут избежать очередного удара током. В то же время их предупредили, что в случае ошибочного снятия пальца они получат «штрафной» удар током, перед которым, впрочем, каждый раз будет дано то же «предупреждающее» воздействие.

Таким образом, во второй серии опытов создавалась ситуация активного поиска, стимулировалась готовность испытуемого обнаружить нечто, способное упредить последующее неприятное воздействие.

Результаты этой серии опытов оказались резко отличными от предыдущих. Все испытуемые выработали в себе способность ориентироваться на действие лучей света на кожу. В конце серии все они заранее снимали палец с ключа, не делая оши-

---

* Условная единица силы звука: 20 децибел — это примерно громкость тиканья стенных часов.

бок либо ошибаясь лишь в редких, единичных случаях. Самих испытуемых отличала между собой лишь разница в скорости приобретения этой способности: один достиг успеха после 139 сочетаний, другой — после 80, третий — после 100.

Исследователей интересовало и то, как испытуемые определяют свои ощущения. Ответы были разными. Один сообщил о «струении в ладони», другой — об ощущении, напоминающем «прикосновение крыла птицы», третий — о «ветерке» или «непрерывных волнах». Словом, точно выразить в слове, что именно ощущается, никто не сумел. Но все же факт появления у испытуемых светочувствительности кожи был установлен.

Экспериментаторы подметили, что, когда внимание испытуемых оказывалось чем-либо отвлечено или они себя не совсем хорошо чувствовали, правильные реакции исчезали.

Таким образом, исследование показало, что чувствительность к тому или иному воздействию возникает (или повышается) при совершенно определенном условии — когда данное воздействие становится фактором, стимулирующим реализацию какой-либо существенной для организма реакции. Вместе с тем исследование экспериментально доказало как существование неосознаваемого восприятия определенных стимулов, так и факт теснейшего взаимодействия сознания и неосознаваемой психической деятельности как необходимой ступени на пути превращения неосознаваемого восприятия в осознаваемое. Только когда создавались условия для подобного взаимодействия, возникало адекватное приспособление к ситуации.

Эти опыты наглядно свидетельствуют и о том, насколько вырастает точность и пластичность регуляции реакций организма при синергическом взаимодействии сознания с бессознательным.

Трудно переоценить роль, которую играют неосознаваемое восприятие и переработка информации в обучении. Видный специалист в области психологии труда С. Г. Геллерштейн в сотрудничестве с инженером-конструктором Е. Н. Степановым и психологом Б. Б. Митлиной поставили перед собой задачу большого практического значения — изыскать научно обоснованные средства, с помощью которых можно было бы научить человека сознательно управлять действиями, совершающимися обычно неосознанно, автоматически.

Эти исследователи заметили, что достижение высокого мастерства в любой профессии зависит от способности автоматизировать ряд компонентов деятельности, то есть выполнять определенные составляющие ее процессы без участия сознания. Здесь многое зависит от профессионального чутья, глазомера, чувства времени, своеобразного умения предвидеть, предвосхищать события. Так, анализ работы шлифовщиц, дававших максимум продукции при минимуме брака, выявил, что их высокие показатели объяснялись умением на глаз точно определить толщину удаляемого слоя и время, нужное для шлифовки. Те работницы, которые этого умения выработать не смогли, по нескольку раз останавливали станок, производили замеры, контролируя свою работу, и все же нередко допускали брак.

Психологам труда удалось найти достаточно простой метод преодоления этого неумения — они связывали время, необходимое для шлифовки, с объективными показателями, сообщаемыми работницам с тем, чтобы они могли сопоставить их со своими субъективными оценками. В результате необходимый навык довольно быстро становился автоматизированным.

Анализ структуры действий, требующих молниеносных реакций и в то же время точно рассчитанных во времени, показал, что обычное, бытовое представление о времени резко отличается от профессионального. Для работников ряда скоростных профессий (водителей транспорта, диспетчеров, операторов, а также для таких спортсменов, как фехтовальщики, боксеры, футболисты, хоккеисты) важно выработать в себе способность правильно оценивать микроинтервалы времени, ориентируясь на трудноуловимые ощущения.

В работе Геллерштейна, Степанова и Митлиной речь шла о выработке способности оценивать сотые (!) доли секунды. И это не мистика. Опытным путем установлено, что человек может выработать в себе такую способность. С помощью продуманной поэтапной системы тренировки достигнуты поразительные результаты. Скорость простой двигательной реакции, после ста лет считавшейся в физиологии величиной индивидуально постоянной, оказалась изменяемой. Каждый испытуемый, прошедший предложенную систему тренировки, сумел уменьшить число, которым выражалась эта величина, с 0,20 до 0,14 секунды.

Более того, все испытуемые научились не только быстрее реагировать, но и задерживать движение на столько, на сколько нужно, начинать его своевременно, действовать с заранее рассчитанной быстротой. Например, спортсмены, прошедшие лабораторную тренировку, на стадионе показали себя с наилучшей стороны.

Проведенное исследование явилось практическим доказательством возможности сознательно управлять неосознаваемой психической деятельностью — поднимать неосознаваемое до уровня осознанно оцениваемых ощущений, получая в последних опору для совершенствования профессиональной деятельности. В дальнейшем С. Г. Геллерштейну удалось показать плодотворность аналогичного метода совершенствования профессионального мастерства для выработки еще более важной способности — умения заблаговременными действиями предупреждать нежелательный оборот событий. Для этого использовалась система тренировок, включавшая в себя, с одной стороны, градуирование степени неуловимости «предсигналов» грядущей опасности, с другой — выработку у испытуемых установки на готовность встречи с неожиданным, на готовность не дать застигнуть себя врасплох. Состояние предвидения (так называемой антиципации), долгое время бывшее предметом всевозможных мистических истолкований, в том числе и с помощью «божественного откровения», оказалось практическим навыком. Бывшее чудо в работе человеческой психики стало в разряд процессов, которыми можно сознательно управлять.

В каждой из описанных здесь экспериментальных работ встречаются факты, не укладывающиеся в традиционную схему представлений, разделяемых психологами и физиологами. В опытах Г. В. Гершуни таким фактом явились данные, опровергающие точность общепринятой процедуры определения порогов чувствительности к воздействию физического раздражителя. А ведь она покоилась на основании, которое, казалось бы, невозможно поколебать. Более ста лет назад Э. Вебер и Г. Фехнер, изучая зависимость между силой ощущения и интенсивностью вызывающего его физического раздражителя, выразили ее в виде математической формулы, где ощущение было представлено как функция силы раздражителя. Формула эта вошла во все учебники психологии и физиологии и действительно сыгра-

ла большую роль в истории этих наук, связав с точным измерением область, в которой дотоле царил хаос субъективизма, неопределенности, произвольности трактовок.

И вдруг выясняется, что между силой раздражителя и реакцией на него прямой зависимости нет, что есть какой-то промежуточный фактор, вмешивающийся в окончательный результат. Гершуни назвал этот фактор приобретением раздражителем определенной биологической, а надо бы сказать (ведь речь идет о человеке) социальной значимости.

В опытах А. Н. Леонтьева таким противоречием устоявшимся взглядам явилась возможность приобретения (или восстановления) кожей чувствительности к свету. Здесь эта необычная форма чувствительности возникла в результате действия фактора, который руководитель эксперимента назвал «опосредствующим осуществление фундаментальных жизненных отношений организма», готовностью, активной направленностью на поиск.

Метод тренировки процесса реагирования на внешнее воздействие, разработанный С. Г. Геллерштейном, в корне разрушил одно из самых давних и неколебимых представлений физиологов и психологов — представление о том, что для каждого человека характерна своя, индивидуальная константа скорости простой двигательной реакции. Факт, послуживший исходным для этого мнения, случайно был открыт еще в 1795 году астрономами Гринвичской обсерватории, а в 60-х годах прошлого века проверен и подтвержден психофизиологами. Советский ученый показал, как можно повлиять на эту «константу», заставляя ее изменяться в желательном направлении. Он выявил и факторы, способные производить такое изменение — острую заинтересованность испытуемых в успехе тренировок, а также вырабатывавшуюся у них установку на своевременность и скорость реагирования.

Но назвать фактор — это еще не значит понять, в чем его существо, каков механизм его воздействия, что его порождает. Без ответа на подобные вопросы даже самый могущественный фактор, способный налагать свою печать и на чувствительность к внешнему воздействию, и на характер возникающей в ответ на это воздействие реакции, остается не менее таинственным, чем «бессознательное» в его психоаналитической интерпретации.

К анализу сущности этого фактора, занимающего центральное место в современных научных представлениях о бессознательном, мы обратимся в следующей, заключительной статье этого цикла.

В лабораториях мира

● Многие читатели, наверное, помнят, что несколько лет назад ученые из Невадского университета (США) — супруги Гарднеры — в опытах с обезьянами добились интересных успехов. Взяв на воспитание молодую шимпанзе, они в короткий срок выучили ее разговаривать на языке глухонемых. Через два с половиной года Вашоу, так звали их подопечную, освоила свыше шестидесяти слов-жестов. Она вполне осмысленно употребляла их в разговоре со своими учителями, причем не только правильно ими пользовалась, но и научилась комбинировать слова — говорить фразами. Впервые между человеком и высшим животным была установлена двусторонняя информационная связь.

Результаты опыта с Вашоу наглядно опровергли прежние представления об умственных способностях «братьев наших меньших». Исследователи продолжили работу. Новыми учениками Гарднеров стали шимпанзе Мойя и Пили (самка и самец). Они начали употреблять жесты-слова, когда им было всего три месяца. Учили их люди, свободно владеющие языком глухонемых. Учить шимпанзе языку знаков начали буквально с первых дней их появления на свет, тогда как Вашоу «села за парту» в 11 месяцев.

Когда обезьяна употребляла новый жест три раза, его вносили в ее словарь. А чтобы увериться, что шимпанзе пользуется знаком сознательно, исследователи установили срок в 15 дней. За это время шимпанзе должна была употребить новый знак хотя бы один раз. Исследователи пришли к заключению, что даже на первой стадии обучения обезьяны употребляют слова-жесты осознанно, в разных вариантах и в подходящих случаях. Так, слово «щекотать» Пили применял в двух случаях: когда просил еще пощекотать его или когда отвечал на вопрос: «Во что мы поиграем сейчас?» Иногда он употреблял другой жест — «еще».

Опыты Гарднеров наглядно показывают, что между человеком и животным нет той непреодолимой преграды, о которой говорит религия. А если поразмышлять о будущем воспитанников Гарднеров, то невольно встает волнующий вопрос: что же ждать от потомства обезьян, выучившихся языку глухонемых? Не станут ли они обучать своих детенышей языку жестов сами, без помощи человека?

● Доктор Д. Даргент из французского города Лиона считает, что с помощью его метода можно определять пол еще неродившегося ребенка с точностью до 75 процентов. Для этого нужна только проба крови, взятая из пальца будущей матери. Метод кладет в основу способность к свечению некоторых составных частей крови мужчин. Если исследование под микроскопом говорит об отсутствии в крови этого элемента, — статистика исследований утверждает, что родится девочка. А присутствие флюоресцирующего элемента предполагает вероятность рождения мальчика.

● Новый метод лечения, разработанный в Румынии, получил название электронографии. Основан он на таком явлении, как наличие электромагнитных полей в теле человека, определенным образом изменяющихся при разного рода заболеваниях. Этот метод позволяет диагносцировать самое начало болезни.

Электронография может найти применение и в промышленности.

● Какова функция легких? Осуществлять газообмен с кровью — это известно давно. Однако ученые выявили еще одну их физиологическую особенность: регулирование содержания в крови определенных гормонов. Оказывается, в легких происходит уничтожение гормона, понижающего кровяное давление, и возникновение другого гормона, который повышает это давление.

Исследованием было установлено, что ответствен за эти превращения один и тот же фермент. Но где именно он находится, в каком участке легочной ткани? Рабочая гипотеза предполагала, что сам фермент должен иметь доступ ко всей массе крови и его следует искать в клетках, выстилающих капилляры внутри легочных альвеол. Слой нужных клеток удалось выделить только из крупной легочной артерии, но биохимический их анализ подтвердил правильность предположений исследователей. Отчет об этой интересной работе был сделан на съезде Американского хирургического общества в Чикаго.

ПРАЗДНИК "КАЛЕВАЛЫ"

П. ГАВРИЛОВ

ПРИРОДА северной Карелии особенная. Это край лесов, край тысячи озер. Большинство из них невелики. Разбросанные среди лесов, они своими причудливо изрезанными берегами, заросшими сосной и рябиной, создают картины красоты неописуемой.

Реки здесь хотя не широки и не глубоки, но в большинстве порожисты и бурны, а кое-где, сверкая в воздухе бесчисленными алмазами, даже низвергаются шумными водопадами. Здесь, в стремнинах рек и глубинах озер, обитает огромная щука, из челюстей которой, по преданию, старый мудрый рунопевец Вяйнямейнен и изготовил свое первое кантеле (струнный музыкальный инструмент, напоминающий гусли).

Летом здесь почти круглые сутки день. Не успеют еще поблекнуть краски закатного солнца, как начинает разгораться заря и в розовых облаках возникает день. Зато зимой опускается на леса и озера утопающая в белых снегах глухая северная ночь, и бледный свет разливается тогда по бескрайним снегам, рождая безмолвие и синие тени. Скалы, валуны, поваленные бурей деревья, накрытые сугробами,— все приобретает бесформенные, причудливые очертания,— и в эту сумрачную пору можно поверить в любую чертовщину. Поэтому и не удивительно, что в карельском эпосе природа — деревья, камни, вода, даже небесные светила обладают свойствами живых существ, а звери, птицы и рыбы — человеческими качествами.

Народ считал, что есть люди, обладающие чудесной силой воздействия на окружающий мир. И такой силой, которой подвластно все, издавна назывались слово и музыка:

Вот играет Вяйнямейнен —
И в лесу не стало зверя
Изо всех четвероногих,
Что скакать и бегать может,
Чтоб не шли туда послушать
И, ликуя, восторгаться.

«Калевала», руна 41.

Но «Калевала» — не только магические заклинания. Ее руны воспевают труд, знание, красоту, силу слова и музыки. «Калевала» — это голос предков, в котором звучит уверенность в конечном торжестве человека над силами зла.

Трудной была жизнь народа северной Карелии. Поселения были разбросаны далеко друг от друга, в труднодоступных лесных дебрях, среди озер и болот, за сотни километров от больших дорог. Родовая община и натуральное хозяйство сохранились здесь чуть ли не до Октябрьской революции.

Все эти исторические и географические условия определяли духовную жизнь, традиции и обычаи карел этого края. Среди них, правда довольно рано, было насаждено православие, однако во многих сферах жизни продолжали бытовать дохристианские верования и обряды. Например, когда праздновали святки, рубили во льду озера или реки проруби, делали из двух лучин крест и клали его на воду против духов, которые якобы живут в воде.

Некоторые древние обычаи оставались в силе даже в начале XX века: население, например, чаще обращалось к знахарю, чем к врачу; скот по весне выпускали на выгон только с обрядом заклинания. В северокарельских деревнях престольные праздники лишь формально носили названия христианских святых, фактически же праздник был лишь поводом для встречи живших подчас за несколько десятков километров друг от друга родных и знакомых. Религиозный праздник был не столько выражением религиозных чувств, сколько удовлетворением обычной потребности человеческого общения и самовыражения.

Это были дни веселья и традиционных состязаний между деревнями. Состязались, например, в плавании, стоя на одном бревне с багром в руках. Показывали на празднествах свое искусство и исполнители народного эпоса. Именно в этой далекой северной стороне родилась и начала развиваться бесценная жемчужина устного народного творчества — «Калевала», собрание эпических песен — рун.

Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово,
Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлися!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
В крае севера холодном.

«Калевала», руна 1.

Искусные певцы пользовались огромным уважением в народе. На деревенских празднествах и сходках всегда исполнялись руны. В торжественных случаях исполнителей было двое. Они садились друг перед другом и, взявшись за руки, начинали пение, неторопливо покачиваясь вперед и назад, будто попеременно перетягивая один другого. Пели поочередно. Пропев отрывок руны, запевала замолкал, а его помощник повторял этот отрывок. Запевала в это время обдумывал следующий.

Исполнитель калевальских рун, самодеятельный композитор и поэт В. Ф. Пялливен.

Фото автора.

«Вот играет Вяйнямейнен...»
Линогравюра. Худ. М. Мечев.

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.

Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Начиная с самых лучших,
Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают.
Меж растущей молодежью
В подрастающем народе.

«**К а л е в а л а**», **руна 1.**

Рунопение карельского и финского народов существует не менее тысячи лет. Истоки этого удивительного по своей духовной и поэтической красоте устного творения народа кроются в пластах времен между VII—XII веками нашей эры. За столь длительный период существования устной поэзии каждый исполнитель, каждое поколение улучшали ее. Талантливые певцы создавали новые руны, которые со временем также развивались и совершенствовались.

Известный собиратель рун Э. Леннрот в своем предисловии к «Калевале» писал: «На празднествах или иных сходках кто-нибудь слышит новую песню и старается запомнить ее. Распевая ее при случае перед новыми слушателями, он точнее помнит само содержание, чем дословно все обороты. Те места, которые он не запоминает дословно, он пересказывает своими словами, иногда, возможно, даже более красивыми, чем раньше, и если он забывает какую-нибудь мелочь, то, очевидно, чем-нибудь восполняет это. Таким же образом поступают с песней последующие певцы, и песня понемногу изменяется, однако в большей степени в отдельных выражениях и оборотах, чем по самому содержанию».

Главная сокровищница народной эпической поэзии, откуда были собраны лучшие руны «Калевалы», находится в северной Карелии, на территории нынешнего Калевальского района. В деревне Ладваярви в прошлом веке жили наиболее талантливые из известных песнопевцев северной Карелии: бедные крестьяне Архип Перттунен и его сын Михаил. В те же годы в местечке Войницы жили талантливые певцы Андрей Малинен и Василий Киэлевяйнен. Последний сыграл заметную роль не только в художественном обогащении «Калевалы», но и в построении ее композиционного строя.

Года два назад мне посчастливилось побывать на родине Архипа и Михаила Перттуненов и почтить память знатных рунопевцев Это в нескольких километрах от государственной границы с Финляндией. Здесь разлилось удлиненное и выгнутое дугой небольшое озеро. Берег наружной части изгиба — высокий, и с него открывается великолепный вид на озеро и раскинувшийся за ним темно-зеленый нескончаемый лес. На этом берегу и стояла та самая деревня Ладваярви.

Три островка расположились в водах озера. Два, покрытых низким ивняком, — Суурсаари и Хуухтасаари

Вот как исполнялись калевальские руны.

— зеленеют неподалеку. Третий же, заросший темными вековечными елями,— Калмасаари — стоит в отдалении. Там погост, старинное кладбище. До сих пор сохранились на нем, хотя уже и сильно тронутые временем, небольшие срубы в два-три венца с крышей, поставленные над могилой — бревенчатые домики для мертвых. На краю срубов — деревянные столбики с прибитыми к ним дощечками в виде двускатных крыш.

Среди этих древних могил стоит большой памятник из черного мрамора. На нем по-фински высечено: «Рунопевец Михаил Перттунен. Умер в 1899». Неподалеку возвышается сложенный из простых серых камней холмик и мраморная доска с надписью: «Архип Перттунен. Родился в 1769 г.».

Сейчас деревни Ладваярви уже нет. Последние жители покинули ее лет десять назад. Как и во многих других малочисленных и удаленных селениях Карелии, люди теперь предпочитают жить в более крупных населенных пунктах, где больше народа, где современнее и интереснее жизнь, разнообразная работа. Что же касается деревенских праздников, то они, окончательно утратив религиозный смысл, стали сегодня подлинно народными.

Новая жизнь древних праздников особенно видна в большой старинной деревне Вокнаволок Калевальского района — центре устного творчества северной Карелии. Именно в этой округе, да и в самом Вокнаволоке жили известнейшие рунопевцы и сказители.

В конце 20-х и в 30-е годы сюда съезжались на праздники из всех соседних деревень: здесь проводились спортивные игры, ставили короткие пьески, выступали рунопевцы, сказочницы и, конечно же, не обходилось без танцев — неторопливых, хороводных, и быстрых кадрилей. В 1936 году из лучших сил художественной самодеятельности республики был создан Государственный ансамбль карельской народной песни и танца «Кантеле».

В начале 60-х годов молодежи Вокнаволока приглянулся лежащий неподалеку небольшой красивый островок Лиэтосаари, что значит песчаный остров. Вскоре он становится местом массовых гуляний, и уже в 1962 году директор калевальского районного Дома культуры Эльза Каллио при активной поддержке комсомольцев организует здесь праздник «Калевалы». Теперь Лиэтосаари — место ежегодного народного праздничного гулянья, которое открывается в первое воскресенье июля.

Я видел этот праздник на Лиэтосаари. То воскресенье выдалось солнечным и жарким, и уже загодя со всех сторон плыли к острову лодки. Резво бежали, разваливая на две волны поверхность былинного озера Куйтто, большие моторки. Неторопливо шли лодки старого лада, где один работает парой длинных весел в середине, а второй гребет и одновременно правит, сидя лицом вперед, двумя короткими веселками на корме.

Едут в праздничных одеждах жители здешних мест и гости. Едут поодиночке и целыми семьями. У неко-

торых с собой котелки и свежая рыба для ухи, самовары и домашняя стряпня. Привезенное имущество выносят и тут же начинают по-домашнему устраиваться.

К 11 часам уже не один десяток лодок стоит на приколе возле места, где на высоком берегу красуется сбитый из досок помост — сцена. В качестве кулис и декораций — сосны, голубая гладь озера и несколько деревянных щитов.

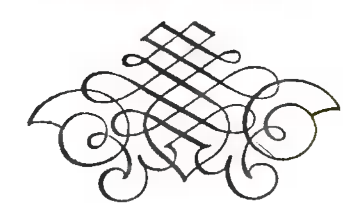
Звучит громкий сигнал открытия праздника, и вот из-за косы показалась большая разукрашенная лодка. В ней три героя «Калевалы». На корме с кантеле на коленях восседает седобородый могучий старик — Вяйнямейнен. Его белые волосы повязаны красной лентой. С ним — кузнец Илмаринен и удалой Лемминкяйнен. Героев на берегу встречают старая сказительница и молодая девушка, которой, как бы символизируя передачу знаний и опыта новому поколению, старый Вяйнямейнен передает свое кантеле.

Кантеле принято, начинается праздник. Поэты читают свои новые стихи, веселые критические пятиминутные сценки и шуточные танцы перемежаются выступлениями певцов в национальных костюмах и сказительниц. Заканчивается праздник семейным гуляньем на берегу, где давно уже закипели, ожидая хозяев, самовары и сварилась уха...

Одновременно в районном центре — в поселке Калевала проводится праздник Калевальские зори. Действительно, в эти дни солнце здесь почти не заходит. Праздник устраивают либо на поляне зеленого мыса Кормушниеми, либо, как, например, прошлогодний, в центре поселка — в парке. К этому дню обычно приурочены смотры художественной самодеятельности района.

Новой жизнью расцвела сегодня «Калевала» — сокровищница вековых традиций, живущих в этом крае людей, исстари поэтически воспринимавших окружающий их мир. «Калевала» — это и духовное наследство карельского народа, и его праздник, и завещание счастья грядущим поколениям. И как бы ни менялась форма выражения калевальских традиций, их сущность всегда оставалась неизменной — жизнерадостной и глубоко народной.

Всего сто лет,

уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в июле 1876 года

В Харьковской губернии в Лебедине духовенство недолюбливает торжественных служб, оно непрочь от служб обыденных. Согласитесь сами: получить, например, 30—50 рублей за совершение брака очень недурно, ведь это служба получасовая. А между тем в Лебедине есть священник, не берущий с бедных, желающих вступить в брак, менее как по пятнадцати рублей за каждый венец. Что же после этого берет почтенный иерей с богатых-то? Таким образом, для лебединцев уже не столько «спадостны», сколько дороги узы Гименея. А торговаться с лебединским духовенством приходится долго: какой-то солдат два месяца ходил к священнику, прося его «спустить» что-нибудь с пятнадцати рублей, но тот не спустил ни гроша, тогда как полковой священник согласился взять за обряд венчания два рубля. Что тут поделаешь? Жаловаться? Не стоит, так как отцы благочинные держат сторону священников. Любопытнее же всего то, что лебединское духовенство даже «требы» различные придумывает, о каковых и помина нет в церковных правилах и цель которых — увеличить поборы. Если в Лебедине умирает зажиточный прихожанин, то сначала звонят по «душе» его в один колокол, а потом «на сбор соседей» — уж и во все колокола. Иногда и так бывает, что если умер очень зажиточный человек, то о смерти его извещают жителей благовестом не только во все колокола, но и по всем церквам. Провожая тело на кладбище, лебединские священники читают Евангелие на каждом перекрестке, и за каждое чтение полагается особая плата...

«Голос»

Нам сообщают из имения Прекульн Гробинского уезда Курляндской губернии, что в ноябре прошлого года несколько латышей учредили там на собственные средства частную домашнюю школу специально для обучения своих детей русской грамоте. В местном латышском населении замечается полнейшее сочувствие к русскому языку и сознание необходимости его... Частная школа сразу пошла чрезвычайно успешно... Местный пастор обратился к волостному старшине с требованием закрыть частную домашнюю русскую школу... В настоящее время школа закрыта и ученики разошлись по домам.

«Голос»

В свое время я сообщал вам об аресте здешнего старообрядческого благочинного Семена Епифановича Смирнова, на которого возведено обвинение в поджоге принадлежащей ему фабрики. Обвинение это вытекало из религиозной вражды, существующей между двумя старообрядческими партиями — окружниками и неокружниками... Главным представителем партии окружников был С. Е. Смирнов... Во главе противоокружников стоял фабрикант Филатов, явившийся главным обвинителем против Смирнова по делу о сгоревшей фабрике... Религиозная вражда между Смирновым и Филатовым перешла, наконец, в открытую личную вражду.

Когда случился пожар на фабрике Смирнова, фабрикант Филатов публично доказывал, что Смирнов умышленно сжег свою фабрику, чтоб получить страховую премию... Целые пять месяцев Смирнов просидел в остроге и, как оказалось, совершенно невинно.

«Голос»

В некоторых местах появились секты каких-то штундистов. Такому отступничеству много способствовали... и произвольные действия в делах веры самодуров сельских властей. Например, в день не указанно-праздничный, но признаваемый таковым лишь народным поверьем, попробуй кто-нибудь исполнить неотлагаемую и самую невинную работу, тот беспощадно наказывался и штрафами и арестами в горячую пору работ, а иногда производилось за это и телесное наказание по распоряжению той же власти и приговору дикого «общества», к несчастью, очень криво еще и теперь понимающего свои права.

«Гражданин»

СЛЕДЫ ХРИСТИАНСТВА

Захоронение без погребального инвентаря.

ПАМЯТНИК, раскопанный нами в 1969 году, оказался первым вестником новых и поначалу непонятных тенденций в погребальном обряде илуратцев. Пройдя дромос — коридор, ведущий в очередную катакомбу, мы ожидали, что она, как и все другие, давно ограблена, но вдруг обнаружили, что вход в нее заложен каменными глыбами и до сих пор никем не потревожен. Не спеша, с большой осмотрительностью открыли его. Отставили грубые раскопочные инструменты — лопату, кирку. В дело пошли ножи, ланцеты, кисточки. Началось тонкое препарирование памятника, изучение его «анатомии», его глубинных «тканей».

То, что при этом обнаружилось, озадачило и сначала даже разочаровало. В камере, куда никто после свершения обряда не проникал, сохранился непотревоженным скелет погребенного, но не оказалось никакого погребального инвентаря, этого непременного элемента захоронений илуратского некрополя. Постепенно определилось, что отсутствие погребального инвентаря отражает факт изменения обряда, так как уже зародились какие-то новые представления о потустороннем мире.

Погребенный — мужчина старческого возраста лежал на спине, голова его покоилась на уровне порога и была ориентирована на юго-запад. Поскольку погребального инвентаря не было, для датировки захоронения пришлось прибегнуть к косвенным способам. Выяснилось, что ниже находятся следы предшествующих разрушенных захоронений с остатками обычного для этого языческого некрополя погребального инвентаря середины III века нашей эры. Следовательно, верхнее неразрушенное погребение произведено позднее. В земле, которой засыпан вход в катакомбу, были найдены обломки глиняных сосудов III—IV веков, явившихся верхним хронологическим ориентиром. Итак, в некрополе Илурата обнаружено захоронение без погребального инвентаря, датируемое временем вскоре после III века нашей эры.

Как известно, погребальный культ отличается чрезвычайным консерватизмом. Его изменение не происходит по произволу отдельного лица, и всякое новшество в обряде неминуемо отражает какие-то новые тенденции в самих верованиях. Постепенно в ходе раскопок мы получили этому ряд подтверждений. Интересной, хотя внешне и неприметной,

Восточная ниша.

Этой публикацией мы заканчиваем цикл очерков М. Кубланова о раскопках в Илурате (см.: 1973, № 2; 1974, № 5; 1975, № 8).

В ЯЗЫЧЕСКОМ НЕКРОПОЛЕ

М. КУБЛАНОВ,
кандидат исторических наук

оказалась одна из находок — простой глиняный черепок, обломок амфорной стенки Когда его очистили от налипшей земли, то обнаружили знак креста, вырезанный неумело, «самодельно», без каких-либо художественных ухищрений.

Затем был открыт новый замечательный памятник илуратского некрополя — склеп с крестами. Необычайно трудно было угадать его местонахождение, поскольку некогда возвышавшаяся над ним курганная насыпь полностью исчезла. Строители склепа были, несомненно, мастерами высокого класса. Камера сложена из огромных хорошо пригнанных каменных блоков; некоторые из них достигали двух метров высоты и полутора ширины. Установка камней такого веса представлялась в техническом отношении задачей далеко не простой.

Сохранившиеся остатки свода позволяют определить, что он был не полуцилиндрическим, как в других склепах этого некрополя, а уступчатым, и эти уступы, в свое время поднимавшиеся один над другим и ритмично сходившиеся к центру, придавали помещению особую торжественность и парадность.

Площадь камеры около 17 квадратных метров, высота стен до начала уступов свода — два метра. В стенах хорошо выделанные ниши — две маленькие для светильников и одна большая, вероятно, для наиболее ценного погребального инвентаря. К камере примыкает не имевший перекрытия каменный коридор длиной около четырех метров. Ориентирован склеп с запада на восток.

Как обычно, склеп был ограблен. Но и сохранившиеся материалы достаточно определенно свидетельствуют о сходстве обрядовых действ с теми, которые описаны в предыдущих статьях. В склепе найдена краснолаковая керамика: тарелки, чаши, фрагменты красноглиняных сосудов, бронзовых украшений, терракот, бусы. Особенно интересны краснолаковый светильник с рельефным изображением нимфы моря Нереиды (дочери морского бога Нерея) верхом на дельфине и терракотовая статуэтка фригийской богини Кибелы, матери богов и всего сущего, с именем которой связаны представления о возрождении природы. В разных местах склепа и дромоса обнаружены следы ритуальных действ с огнем; за пределами склепа — остатки тризны. В зольнике, оставшемся от большого погребального костра, также найдены разбитые краснолаковые тарелки, чаши, бусы, изделия из бронзы. Среди находок — сарматская тамга — родовой знак, процарапанный на обломке амфорной стенки.

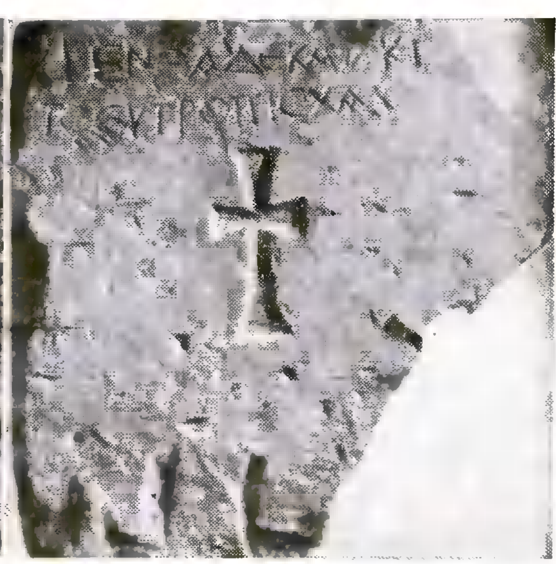
На фоне этих традиционных атрибутов языческого погребального обряда особенно неожиданными оказались кресты, высеченные на стенах склепа. Вырублены они неглубоко и неумело. Можно предположить, что сделаны они не руками мастеров, строивших склеп. Кто же их вырубил и каково их назначение здесь, в этом нехристианском некрополе?

Пока на эти вопросы исчерпывающе ответить затруднительно. Необходимы дополнительные раскопки на прилегающих к склепу участках. Но в общих чертах ясно уже и сейчас, что в верования и обрядность жителей этой древней боспорской крепости, и

Статуэтка богини Кибелы.

Крестовидный знак на скальном полу «святилища».

Надгробие Евтропия из Керчи.

без того являющей собой пеструю картину смешения разнородных этнических, социальных [redacted] духовных элементов, внедряется [redacted] струя — христианство.

Как оказалось, после IV [redacted] вход [redacted] вскрывался. Позднее, когда обрушился свод [redacted] помещение заполнилось камнем [redacted] землей, кресты вырублены быть не могли. Следовательно, это было сделано [redacted] позднее IV [redacted] нашей эры.

Это археологическое открытие [redacted] только пополняет скудный пока арсенал фактов такого рода, но [redacted] позволяет представить себе живой колорит процесса внедрения христиан[redacted] среди народов, не только дале[redacted] отстоявших географически от районов зарождения новой религии, но [redacted] резко отличавшихся [redacted] [redacted] этнокультурном [redacted] духовном отношении.

Для религиозного мироощущения илуратцев характерен синкретизм — смешение верований греко-римского [redacted] скифо-сарматского миров. И [redacted] обряде похорон особо бросается в [redacted] роль огня, тризна, захоронение лошади, собаки [redacted] даже ритуальное умерщвление человека. Всего три десятка метров отделяют склеп [redacted] человеческим жертвоприношением от другого — с символикой христианства. При этом оба сооружения относятся примерно [redacted] одному времени. Старые верования [redacted] [redacted] религия не отгорожены, как утверждали авторы Нового завета, стеной богооткровения, [redacted] взаимопроникают друг [redacted] друга. [redacted] известной мере можно говорить о взаимовлиянии. Процессу христианизации язычества сопутствует процесс ассимиляции — усвоения [redacted] переосмысления христианством элементов языческой обрядности [redacted] пантеона.

Таковы реальные черты становле[redacted] христианства [redacted] [redacted] масштабах заброшенной [redacted] край [redacted] маленькой «варварской» боспорской крепости Илурата, [redacted] в масштабах всего Средиземноморья. И там, [redacted] здесь существенным инструментом внедрения новой религии оказывалась [redacted] исключительная приспосабливаемость [redacted] местным обстоятельствам [redacted] условиям. «Христианскую религию, — писал Гегель, — [redacted] упрекали, то [redacted] то, что она сумела приспособить[redacted] [redacted] самым несходным нравам, [redacted] самому разному укладу [redacted] устройству жизни»[1].

Обращаясь [redacted] местным обстоятельствам, сложившимся в Северном Причерноморье в первые [redacted] нашей эры, историк религии не может не заметить, что христианство «проросло» на этой «каменистой» духовной почве греко-варварского мира еще [redacted] потому, что эта почва была [redacted] известной мере подготовлена [redacted] ходом общественно-политического и социального развития района. Нивелирующий «рубанок» римской государственности, коснувшийся многих покоренных народов, непосредственно затронул [redacted] Северное Причерноморье. Ольвия, Херсонес, Боспор по[redacted] [redacted] орбиту римской политики. И хотя Боспорское царство формаль[redacted] [redacted] являлось провинцией огромной Римской рабовладельческой державы, оно в действительности сделалось ее вассалом: боспорские цари в первые [redacted] империи чеканили [redacted] [redacted] монетах изображения римских императоров, покорно являлись [redacted] [redacted] зов и [redacted] многочисленных посвятительных надписях раболепно назы[redacted] [redacted] своими «спасителями», «благодетелями» [redacted] даже «богами»[2].

Связи [redacted] Римом способствовали проникновению [redacted] Боспор и некоторых религиозно-философских идей греко-римского мира. Религиозные искания, попытки учреждения официального культа императора, попыт[redacted] реставрации старых, приходящих [redacted] упадок культов — [redacted] [redacted] явления, столь характерные для Рима эпо[redacted] формирования христианства, [redacted] той или иной форме прослеживают[redacted] [redacted] [redacted] Боспоре

Свои связи [redacted] Римом Боспорское царство [redacted] значительной мере осуществляло через Малую Азию — один [redacted] крупнейших очагов первоначального христианства. Именно здесь сложились древнейшие христианские общины, упоминаемые [redacted] Апокалипсисе. Здесь [redacted] недрах новой религии [redacted] II [redacted] нашей эры зародилась ересь Маркиона — одно из значительных оппозиционных течений. Здесь же [redacted] Никее [redacted] 325 году состоялся первый вселенский церковный собор. Среди разнородных религиозных идей, занесенных отсюда в Северное Причерноморье, был и образ некоего странного бога. У него не было конкретного имени, по-гречески [redacted] называли «теос гюпсистос» — «бог высочайший». Это определение варьировалось посредством дополнительных эпитетов: «праведный», «внемлющий», «благословенный», «гремящий», «вседержитель»[3]. [redacted] религиозном мышлении той поры, [redacted] психологии общества, отображавшей [redacted] социальные [redacted] этические мечтания, лепился образ мирового наднационального бога, [redacted] привязанного [redacted] конкретной территории, ведающего [redacted] сторонами бытия [redacted] народов, и отдельного человека. Таким образом, упомянутые выше эпитеты безымянного «бога высочайшего» оказывались (оказывались стихийно, [redacted] не [redacted] выдумка какого-нибудь ловкого обманщика) чрезвычайно емкими формулами, [redacted] которых каждый мог узреть свойства «своих» богов. Приверженец иудаизма «узнавал» [redacted] нем несколько модифицированного Яхве, греко-римский мир — Зевса, Юпитера [redacted] других. [redacted] [redacted] можно было отыскать сходство [redacted] [redacted] богами так называемого варварского мира.

На территории Боспорского царства найдено больше двух десятков надписей I—IV [redacted] нашей эры, упоминающих этого безымянного бога.

Другим значительным явлением духовной жизни Боспора первых ве[redacted] нашей эры было распространение здесь особых коллегий — фи[redacted] [redacted] синодов, одной [redacted] функций которых являлось отправление культа. Чаще всего [redacted] это время они группировались вокруг культа упомянутого безымянного бога. Возможно, такая коллегия существовала [redacted] [redacted] Илурате. Поскольку первохристианские общины унаследовали у фиасов и синодов некоторые организационные формы, можно сказать, что [redacted] [redacted] этом плане почва для внедрения новой религии на Боспоре была в какой-то мере подготовлена.

[redacted] 1898 году [redacted] территории древней столицы Боспорского царства Пантикапеи (нынешняя Керчь) было открыто надгробие, оказавшееся самым ранним точно датированным христианским памятником Боспора. На середине прямоугольной известняковой плиты высечен крест, над которым разместились две строчки небрежно вырезанной греческой надписи. Она предельно лаконична: «Здесь покоится Евтропий, 601 г.»[4]. Дата, приведенная [redacted] боспорском летосчислении, означает 304 год нашей эры. Таким образом, это уникальное надгробие [redacted] 21 год старше первого вселенского церковного собора.

Отражает ли [redacted] надпись начальную дату проникновения христианства [redacted] Боспор? Очевидно, нет. Мож[redacted] думать, что христианство стало внедряться [redacted] этот район значительно раньше. И одним [redacted] косвенных свидетельств является то, что [redacted] первой четверти IV [redacted] здесь уже сущест[redacted] самостоятельное епископство. [redacted] сохранившихся [redacted] епископов, подписавших [redacted] первом церковном соборе никейский символ веры, значится боспорский епископ Кадм.

Круг археологических материалов,

---

[1] Гегель. Работы разных лет, т. 1. М., 1970, стр. 90.

[2] В. Н. Дьяков. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье. «Вестник Древней истории», 1940, № 3—4.

[3] М. М. Кубланов. Религиозный синкретизм [redacted] появление христианства на Боспоре. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», 1958, стр. 62—63.

[redacted] «Записки Одесского общества истории древностей», XXII. отд. V, стр. 59, № 1.

освещающих появление христианства на Боспоре (явления, имеющего существенное значение для последующей истории духовно-религиозной жизни Юга России), невелик. Накопление их идет медленно. И в этом отношении открытие на языческом некрополе Илурата склепа с крестами представляется значительным научным событием.

Примерно в 50 метрах от юго-западной оконечности илуратского некрополя во время экспедиций 1970 и 1972 годов было открыто еще одно сооружение, условно названное нами «святилищем». Сильно поврежденное, заваленное обрушившимися стенами, оно медленно поддавалось археологической расшифровке. Постепенно обнаружилось, что оно просуществовало долго и неоднократно подправлялось и перестраивалось. Наиболее ранние находки датируют это сооружение III—IV веками, наиболее поздние — VII—VIII.

Что же с ним приключилось за эти столетия? Будучи построено в III—IV веках как общественное, по-видимому, культовое здание, оно позднее «опустилось» до уровня простого хозяйственного или жилого помещения.

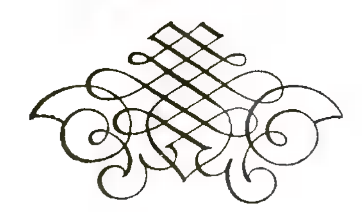
Но прежде чем коснуться этих превращений, попробуем изобразить само сооружение так, как оно возникло перед археологами в ходе раскопок. Представим себе врезанный в пологий склон каменный обруч диаметром более 10 метров при толщине два метра и наибольшей сохранившейся высоте стен 1,3 метра. В этот каменный круг вписан большой каменный прямоугольник длиной семь метров и шириной — четыре. Это прямоугольное помещение — более позднее. Оно внедрилось в мертвые «останки» предшествовавшего ему круглого здания, использовав их в качестве своеобразной крепиды, ограждавшей от потоков воды и оплывания земли со склона.

Прямоугольное помещение было весьма прозаическим: двухскатная крыша на тонких деревянных подпорках, большой очаг, каменная лежанка, глиняный пол. В нем обнаружены глиняная амфора, каменная крышка для большой глиняной бочки (пифоса), камень для зернотерки, железный серп.

Круглое здание служило, по-видимому, другим целям. Мы говорим «по-видимому» потому, что оно еще не раскопано до конца, в частности не разобрано упомянутое прямоугольное строение, перекрывающее древнейшие слои. Но уже начало таких работ оказалось многообещающим. Когда был убран глиняный пол, под ним на скальном основании оказалась высеченная загадочная композиция. Можно думать, что она не была закончена, поскольку камнерезные работы очень грубы и не завершены. Тем не менее здесь можно рассмотреть крупный, более метра в длину, крестовидный знак и, возможно, очень схематические контуры раннехристианских символов — рыбы и птицы — у его «плеч». Возможно также, что вырубка у основания крестовидного знака (с правой стороны) имеет антропоморфные контуры. Пока преждевременно давать этому открытию научный комментарий. Необходимо дальнейшее археологическое раскрытие этого памятника, который сулит для религиоведения немало неожиданностей.

г. Ленинград

Всего сто лет

уже сто лет

О чем писали, русские газеты и журналы в июле 1876 года

В нашем народе живет еще много суеверных обычаев и обрядов, но едва ли можно вообразить что-нибудь глупее и безобразнее обычая, существующего в одном из сел Аткарского уезда Саратовской губернии, к которому тамошние крестьяне прибегают во время засухи. «Обряд» этот был совершен в селе Широком Уступе и нынешнею весной. Толпа поселян, вооруженных различными сосудами, наполненными холодной водой, бегала по улицам, обливая каждого, кто попадался им навстречу. Врывались даже в избы и также обливали холодной водой старух и детей, а потом все бросились на кладбище, окружили чью-то свежую могилу и принялись поливать ее... Потеха эта была продолжительна, а дождя все-таки не выпало...

«Голос»

Вот, например, эпизод из истории хозяйства одного молодого священника... Беда стряслась над священником из-за того только, что он имел неосторожность помогать в хозяйстве крестьянам и учить их уму-разуму. Обзавелся он веялкой и молотилкой... Спустя несколько дней стали приезжать к нему крестьяне из других дальних сел, «машинка» пошла в ход, и в короткий промежуток времени священник вернул часть затраченного на ее покупку капитала... Местный отец благочинный нашел, что это просто неприлично, и потому постановил, сделав священнику-машинисту выговор на съезде окружного духовенства, довести о проступке его до сведения духовной консистории.

«Голос»

На днях в острогожском окружном суде рассматривалось дело, которое рельефно обрисовывает порядки той сферы, где происходила деятельность подсудимых. Подсудимыми явились иеромонах и три монаха Белогорских пещер, из которых последние обвинялись в убийстве и сообществе, а первый — в укрывательстве преступления. Уже самый род этого преступления достаточно характеризует порядки «пещер», но его подробности любопытны еще более. Дело в том, что жертвою преступления является девица, которая однажды пришла с подругами в монастырь ко всенощной, а потом очутилась у монаха в келье, где и провела роковую для нее ночь. С этой девицей у всенощной стояли две ее подруги, которые, как потом оказалось, ночевали у двух других послушников. Присяжные всех признали виновными, и суд приговорил иеромонаха за укрывательство преступления к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 6 лет, послушника за убийство на 12 лет, а двух других за сообщество в преступлении — на 8 лет.

«Неделя»

Нам сообщают из станции Усть-Медведицы Усть-Медведицкого судебного округа, что 2 июля по распоряжению судебной власти священник Казанской станицы Алексеев посажен в тюрьму за убийство девушки Вяземской, проживавшей в той же станице.

«Голос»

Рисунки Г. Бойко и И. Шалито.

Бен Хект (род. в 1894 г.) — известный американский писатель и драматург, автор ряда романов, пьес и множества рассказов. На русский язык были переведены его романы «Эрик Дорн», «Игра в жизнь», «Гений наизнанку», а также сборник рассказов «Тысяча и один день в Чикаго» и киносценарий «Вива Вилья». Повесть «Спаситель» была написана Б. Хектом в конце 50-х годов.

I

ЕСЛИ БЫ вы не знали, что мистер Лео Колишер считается гением, вы бы, конечно, удивились, как он вообще мог существовать и вдобавок еще зашибать немалые деньги. Он никогда не писал сценариев, не играл в фильмах и не ставил своих кинокартин. (Что касается финансирования их — то тут он не был круглым дураком.)

В то время как множество людей писало, снимало, играло — словом, создавало любой из его фильмов, — мистер Колишер, подобно безголовому всаднику из Апокалипсиса, только мешал всем. Однако это не могло в достаточной степени помешать завершению каждого фильма и прославлению его затем до вершин Гималаев в виде еще одного доказательства творческого гения мистера Колишера.

Вы спросите, как же это так? Неужели всеобщее признание и слава пришли к нему незаслуженно? Ответ на эти вопросы должен быть таков, что слава мистера Колишера вовсе не была незаслуженной. Она не была простым следствием того, что он обязательно помещал свое имя на картинах, выпускаемых его студией, а потом создавал рекламную шумиху, прославляя фильмы (кто станет порицать его за это?) и себя, их чудесного создателя.

Однако одно самовосхваление, хотя и неустанное, еще не может само по себе создать подлинного триумфа, даже в кино. Потому следует несколько глубже взглянуть на гений мистера Колишера.

Надо сказать, что из всех художников, артистов и ремесленников, которые в поте лица тяжело трудились над созданием фильмов для мистера Колишера, только он один определял их ценность и значение. И он был уверен, совершенно уверен в том, что публика будет стремиться на его фильмы и ей понравится в них каждый

жест, каждое слово, каждая слеза и гримаса.

Но откуда, каким таинственным путем, он мог знать, что должно восхищать людей? Он ничего этого не знал — вот единственный ответ, который я могу дать. Лишенный утонченности, изящества, фантазии, культуры и таланта, он был одним из тех, кому служил, — обывателем, человеком с улицы, но увенчанным лавровым венком.

На первый взгляд может показаться, что нетрудно заткнуть себе уши и стать глухим ко всему, что действительно волнует в жизни. Уверяю вас, что это не так просто. Это так же трудно, как не стареть. В Голливуде указанные способности ценились и вознаграждались выше всех других способностей. Они-то и дали возможность мистеру Колишеру быть возведенным в гении, но не как личности, полной мучительных идей и творческих исканий, а как капризному, но нетленному выразителю духа миллионов обывателей, для которых искусство в течение многих веков остается закрытой книгой.

Вы сами теперь сможете судить, насколько справедливо считать гением мистера Колишера. Его называли так люди, как они щедро называли других, зачастую еще более недалеких людей — своих королей и президентов.

На двадцать пятом году своего пребывания в гениях мистер Колишер задумал постановку картины, которая (так он считал) станет величайшим детищем его таланта и получит мировое признание. Сюжетом для этой картины, условно названной «Спаситель», должны были послужить библейские сказания о жизни и страданиях Христа.

К мысли об этом мистер Колишер пришел месяцев за девять до начала описываемых здесь событий, когда совершенно неожиданно для себя открыл значение религии. Говоря это, я вовсе не имею в виду, что он сам обратился к молитвам и неистово бросился к ногам всевышнего. Открытие мистера Колишера состояло в том, что, оказывается, в течение многих веков религия всегда очень интересовала людей. Как заключил по этому поводу мистер Колишер, каждый человек или сам верит, или у него есть родные, друзья и знакомые, верящие в бога. Следовательно, решил он, религиозная тема будет прекрасным сюжетом для создания потрясающего боевика.

Вызвав к себе с полдюжины высших интеллектов, находившихся у него на службе, мистер Колишер изложил им осенившую его идею. Интеллекты дружно возразили и высказались в том смысле, что религия уже давно наскучила народу.

— Вы все ошибаетесь, — сказал мистер Колишер. — Я люблю и почитаю святыни, — важно произнес он и поправил лавровый венок у себя на голове.

И вот по указанию мистера Колишера незамедлительно началась разработка сюжета, сценической интриги и характеров действующих лиц, чтобы наилучшим образом выразить осенившую его идею.

Я избавлю вас от описания деталей предварительной работы по созданию фильма «Спаситель», ограничившись тем, что кратко суммирую их.

Восемь различных сценариев приготовила дюжина разных авторов, каждый из которых был прославленной знаменитостью.

Сотни эскизов представили такие одаренные художники, которые могли бы расписывать потолки в Сикстинской капелле.

Музыканты с мировой славой и лучшие костюмеры и модельеры пересекали моря и континенты, готовые принести свои таланты на алтарь мистера Колишера.

Университетские ученые, толкователи библейских текстов и целая стая немецких драматургов были наняты на постоянную работу для «разбора по частям» и сценической переработки Нового завета.

В течение всего этого времени предварительных поисков и блужданий мистер Колишер находился в положении почти затравленного зайца, когда тот в разгар охотничьего сезона мечется от преследователей то в одну, то в другую сторону. Наблюдая за ним в эти месяцы, вы, вероятно, заметили бы, что у него было лишь одно стремление: всем своим видом показать, что любой фильм под его эгидой не может не появиться на свет. Следовало восхищаться тем, как мистер Колишер без какого-либо даже смутного знания истории или Библии, без всякого понимания того, что относилось к драме, поэзии, философии, музыке, живописи, все же руководил всем посредством простого процесса неистовства, иногда продолжавшегося около пятнадцати часов в сутки.

Однако было бы несправедливым считать мистера Колишера просто маньяком. В его поведении был почти что мистический стиль. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, он все же делал нечто весьма определенное. День за днем он приводил картину к тому типу детской сказки, которую можно понимать, как он сам говорил, без всяких усилий. («В кино усилия должны быть только у постановщиков и актеров, а не у зрителей», — любил повторять он.)

Наконец после девяти месяцев творческой беременности мистер Колишер откинулся в кресле с радостным чувством, что, несмотря на путаные и беспорядочные усилия двигавшихся ощупью пятидесяти высокооплачиваемых умов, он создал изумительный сценарий.

После этого в особенно тяжких муках стал решаться вопрос о главном действующем лице. Мистер Колишер хотел, чтобы роль Христа сыграл такой актер, чье имя делает сборы. Его помощники возражали. Они считали, что в роли Христа, которая сама по себе значительна, следует показать талантливого новичка. Это могло, утверждали они, создать новую кинозвезду. Кроме того, они указывали, что Христос был человек незнатный, вышедший из простого народа, а потому он не должен появиться в исполнении модного актера. Слушая их, мистер Колишер был несколько удивлен, но никоим образом не поколеблен.

Он шумно возражал, что в действительности Христос мог и совсем не существовать или быть совершенно неизвестным человеком, но на экране в его роли не должно быть неизвестностей. Мистер Колишер твердо придерживался системы признанных кинозвезд. Сейчас не библейские времена, и было бы оскорблением для публики предложить ей в роли Спасителя какого-нибудь пятидесятидолларового актера.

— Я не знаю, насколько вся публика любит Христа, — откровенно заявил мистер Колишер, — но я знаю, что она любит Роберта Гери. Поэтому возьмем Роберта. Мы не будем рисковать в фильме, который обойдется в несколько миллионов долларов.

Почти все интеллекты, подчиненные мистеру Колишеру, побледнели, услышав эту команду. Мысль о том, что Роберт Гери, самый модный в наше время герой-любовник экрана, появится в образе Христа, поразила их своей нелепостью и кощунством.

Для тех, кто читает это сегодня, нет необходимости рассказывать что-либо о Роберте Гери. Но если эти страницы переживут еще несколько лет, они попадут в руки читателей, которые, вероятно, никогда и не слыхали о нашем Роберте. И хотя каждое его движение, каждый вздох, каждая

ямочка на щеках и на подбородке знакомы вам, как ваше собственное изображение в зеркале, я все же займусь его описанием для забывчивых потомков.

Но до этого разрешите сначала рассказать о последней вспышке раздражения у продюсера во время споров, кого пригласить на роль Спасителя.

— Скажите, — раздраженно обратился он к своим подчиненным, — сколько времени потребовалось Христу, чтобы как следует прославиться? Многие годы ходил он с маленькой кучкой своих фанатичных последователей и, по вашим же словам, был никому не известным человеком. Даже когда его распяли на кресте, то едва ли кто-нибудь обратил на это серьезное внимание.

— Хочу подчеркнуть, — сделав паузу, продолжал мистер Колишер, — что Христос стал славен, когда с толком позаботились об этом. Не забывайте, что его объявили сыном божьим. Он лишь выглядел незаметным человеком, ходил, так сказать, инкогнито, а на самом деле был значительным явлением в нашем мире. А это как раз то, что вполне подходит Роберту Гери.

— Какой же у нас выбор? — запальчиво возразил в заключение мистер Колишер. — Взять какого-нибудь совершенно неизвестного и непопулярного актера, который так же хорошо известен и почитаем, как и Христос в наше время? Мне кажется, тут не может быть двух мнений. Когда у нас на кресте будет Роберт Гери — это будет распятие того, кого публика любит и кого она пожалеет, и вся картина таким образом получит смысл и значение. Я-то ведь не могу ждать две или хотя бы тысячу лет, пока Спаситель станет гвоздем сезона.

И Роберта Гери пригласили для исполнения роли Христа.

Перед тем как поведать об исторических переговорах с Робертом Гери, в результате которых он согласился сыграть роль Христа за вознаграждение на десять процентов ниже обычного, я выполню свое обещание и закончу его описание для забывчивых потомков.

В те дни, о потомки, которые я описываю, люди выбирали себе кумиров так же, как они провозглашали гениев.

Каким образом происходило это, как пустой и дотоле никому неизвестный актер превращался в кумира экрана, я не способен объяснить. И я сомневаюсь, смогут ли ваши историки, обладающие большей перспективой и большим количеством фактов, объяснить это более успешно.

Быть может, люди тогда выбирали кумиров как своенравная леди Бонтифул, которая капризно раздавала свои милости?

Или, быть может, они предпочитали создавать кумиров из манекенов, ибо тогда больше ощущали свою власть над ними?

К тому же, когда кумиром становилось такое безобидное существо, как Роберт Гери, то можно было быть уверенным, что он не превратится в одного из тех чудовищ, которых народ сажал на свою голову.

Так или иначе, но все это, вероятно, отражалось в душе тех, кто вопил о славе, красоте и чудесных дарованиях Роберта Гери.

Сам Роберт Гери, помимо того, что он был кумиром, больше ничего из себя не представлял. Его красота, которую обожали миллионы женщин, была не столько в чертах его лица или фигуры, сколько в их потребности боготворить прекрасное, хотя бы и не слишком совершенное (иначе им пришлось бы быть скорее идеалистками, чем идолопоклонницами). Эти женщины, подобно игривой кокетке, чья прихоть может воспламеняться ресницами, родинкой или даже мочкой уха, с буйным восторгом встречали Роберта Гери. Они окружали его исступленными ухаживаниями, зная, однако, что он их жертва — недолговечный кумир, который будет затем позабыт для нового любимца.

Но пока что, вот уже несколько лет, миллионы женщин хранили в своих сердцах образ Роберта Гери, неистово визжа в его присутствии, словно он был живым воплощением одного из древних богов, которых нам подарила мифология.

А тот, кого они боготворили, был молодой человек с несколько вытянутым лицом, жирным подбородком и невыразительным взглядом больших, на выкате глаз. Очень густые черные волосы с толстыми кудрями придавали ему вид куклы в парике. Как многие кумиры женщин, он походил на невинного и благонравного племянника, во всем послушного своей тетушке.

Что касается талантов Роберта Гери, которые сделали его самым высокооплачиваемым и самым обожаемым киноактером своего времени, то они существовали в еще меньшей степени, чем его красота. Неподвижность его лица не была маской, за которой скрывался огонь пылких чувств.

На экране он обычно выглядел немного неловким и так произносил слова, что казалось, будто любое высказывание — это трудность, которую он едва мог преодолеть. Он был также весьма ограничен в выражении таких чувств, как скорбь, страсть, горе или радость, что объяснялось просто отсутствием у него этих эмоций к большому отчаянию постановщиков фильмов. Напрасно эти достойные люди требовали от Роберта, чтобы он несколько побеспокоил черты своего лица, сверкнул бы своими большими, на выкате глазами или хотя бы двигался побыстрей. Но все, что бедный Роберт мог делать, так это, запинаясь, выговаривать свои реплики, будто школьник, который теряется на экзамене, или же переминаться с ноги на ногу, подобно мальчику, который купил в лавке леденцы и ожидает сдачу у прилавка.

Ни сам мистер Колишер, ни режиссеры-постановщики не понимали, что именно эта неловкость и косноязычие очаровывали многочисленных поклонниц. Роберт Гери был прихотью публики и вызовом, брошенным критикам и художникам, долгое время выбиравшим таких кумиров, почитание которых вызывало лишь скуку и головную боль.

Что же произошло с нашим Робертом, безобидным молодым человеком, скромно зарабатывавшим себе на жизнь, когда он внезапно стал объектом поклонения, услышал вдруг свое имя, с трепетом произносимое миллионами людей, и где бы ни появлялся, всюду сопровождался криками восторга, толпами поклонниц и полицейским эскортом?

По-разному вели себя разные кумиры, стремительно увенчанные славой, но никто еще в истории кино не относился к этому так удивительно, как наш Роберт Гери. Он оставался невозмутимым посреди приветствий больших, чем воздавались цезарям. В его больших, на выкате глазах не отражалось никаких признаков волнения. Никакая суета не зародилась в его непотревоженной душе. Никакие горизонты не открылись в уме этого человека.

Роберт Гери знал, что он кумир, что ему теперь платят 25 000 долларов в неделю вместо 75 долларов, которые он рад был получать два года назад; он понимал, что наступит день, когда он надоест людям, и будет тогда спокойно сидеть в ресторане и есть свои любимые сладости без того, чтобы их вырывали из рук неистовые поклонницы.

Такая перспектива нисколько не

огорчала Роберта. Он воспринимал окружавший его шум и гам с невозмутимостью кумира, пребывающего в полном безразличии.

В отличие от своих подчиненных, хорошо понимавших, что из себя представляет Роберт, мистер Колишер испытывал благоговейный трепет в присутствии молодого кумира. На первом свидании по поводу фильма «Спаситель» он говорил с Робертом Гери так почтительно и тихо, что никто не смог бы ничего подслушать. Роберт Гери тоже был полон глубочайшего благоговения, разговаривая с величайшим гением Голливуда. Правда, он толком не понимал, почему мистер Колишер — гений, и тот в свою очередь еще меньше понимал, почему Роберт стал кумиром. Эту тайну они никогда и не пытались разгадать. Они относились друг к другу с тем чувством крепкого товарищества, которое объединяет разные престолы и разных богов.

Мистер Колишер начал беседу с того, что подробно описал все тревоги и беспокойства, которые он перенес, создавая сценарий фильма «Спаситель», а также перечислил те баснословные, поистине небывалые расходы, на которые он отважился. Затем он прибавил холодно (с полным равнодушием к любому мнению и критике), что, хотя эта картина будет стоить ему последней рубашки (и само собой разумеется, всех рубашек его акционеров), она станет величайшей из всех картин, когда-либо снимавшихся в кино.

В подтверждение мистер Колишер указал на то, что уже закуплено 500 двугорбых верблюдов, 100 одногорбых, 300 клеток с хищниками, огорожено сто квадратных миль пустыни и начато строительство точной копии древнего Иерусалима.

Роберт кивнул головой.

Кроме того, продолжал мистер Колишер, у него сейчас на жалованье тридцать ученых умов, которые занимаются необходимыми историческими исследованиями, и Роберт может быть уверен, что каждая пуговица на каждом священнике, солдате и у ранних христиан будет пришита точно и правильно на своем месте.

Роберт снова кивнул головой.

— А теперь, — сказал мистер Колишер, — я буду с вами откровенен. Вы единственный в мире человек, кто может сыграть Христа. Я давно говорил об этом всем и каждому. Примите во внимание огромное значение роли, чудовищную стоимость постановки — и вам станет ясно, как важно вам появиться на экране в этой роли. Хочу, чтобы вы заранее знали, что вся картина, от первой до последней сцены, это картина о Роберте Гери — и ни о ком больше.

Роберт Гери опять кивнул головой.

— В заключение могу сообщить, — заявил мистер Колишер, который на переговорах был подобен полководцу с неистощимыми резервами, — что главным режиссером этой постановки, работающим под моим руководством, будет Густав Лингбаум.

— О, Лингбаум, — с нежностью произнес Роберт. Сказав это, он полностью выразил свою точку зрения на переговорах.

Завершилась сделка тем, что Роберт Гери подписал договор на роль Христа с оплатой на десять процентов меньше той, какую он получил три месяца назад за исполнение роли Берта Хаскела, прославленного полузащитника и героя американских футбольных полей.

Неуклонно, шаг за шагом, свершалось то, что подсказывал мистер Колишер, говоря о будущем величии своей картины. В пустынной местности, в ста милях от Голливуда колонна за колонной воздвигался древний Иерусалим. Проезжая в автомашине по его улицам и площадям, мистер Колишер испытывал большую гордость; такую же, вероятно, ощущали патриархи в давние времена.

В этом городе с кинокамерами, вращающимися во все стороны, с отрядами солдат, толпами горожан и мчащимися колесницами мы распрощаемся на время с мистером Колишером. На его улицах, воспроизводящих святую землю, кишащую раввинами, римлянами, электромонтерами, голубями, верблюдами, менялами, проститутками, мечтателями и прочими бутафорскими людьми, я оставляю не только мистера Колишера, но и все земные дела, чтобы обратиться к третьему герою моего рассказа, который с милостивым и вездесущим видом восседает выше сводов небесных.

Должен заметить, что было весьма нетрудно описывать всевышнего в те дни, когда его так мало знали, что любой слабоумный монах почитался непререкаемым авторитетом в этой области. До конца прошлого века представление о боге не требовало особых усилий даже у нормальных, обычных людей. Наши ближайшие предки смотрели на него как на некое талантливое и в высшей степени прозорливое существо, которое знало все, что произойдет, и деятельно занималось поощрением и наказанием людей.

Каковы бы ни были различия в молитвах, песнопениях, церковных облачениях или коленопреклонениях, которые бог предпочитал, в одном все, вплоть до еретиков, были согласны. Он создал душу человека и был целиком поглощен тем, чтобы постоянно улучшать и очищать ее.

Всякие доказательства обратного величественно игнорировались. Поражает тот факт, что в истории всех религий неверующие были, по существу, безобидными и благонравными людьми, тогда как непоколебимо верящие в бога большую часть своих сил тратили на наветы, сожжение, пытки и убийства, что доказывало, конечно, скорее их благочестие, набожность и силу веры, чем всемогущество бога, в которого они верили.

С каждым новым открытием молекул, атомов, электронов, протонов и других мельчайших и деятельных частиц природы становилось все более ясным, что у всевышнего должно было быть огромное множество дел, куда более важных, чем очищение и совершенствование наших душ. Небеса, по-видимому, не были курортом, где нас ожидали для поселения на вечный покой, а невероятно деятельной сверхлабораторией. И если существовали ангелы, то у них, очевидно, не было времени трубить в золотые трубы или бренчать на арфах, так как они каким-то непостижимым образом должны были следить за тем, чтобы все молекулы прыгали, все атомы бомбардировали пространство и каждая пылинка повиновалась сложным законам бытия.

Итак, мы с вами отправимся на небеса, чтобы убедиться в истинности сделанных мной открытий и заодно поближе познакомиться с третьим героем моего рассказа. Поскольку он, как утверждают все богословские учения, может пребывать во всех видах и естествах, мы найдем его в том до некоторой степени человеческом облике, который он принимает, когда желает уйти от самого себя.

В день нашего визита он передал ведение текущих дел своим бесчисленным помощникам, которые хотя и не так искусны, как он, но тем не менее могут надзирать за бесконечными процессами во вселенной. Бездельничая в человеческом облике, всевышний на некоторое время освободил себя от всех обязанностей по творению. Его ангелы в сосредоточенном молчании выполняли свою обычную работу.

— Взгляни, — обратился всевышний к архангелу Михаилу, которого он оставил при себе для компании. — Взгляни, с какой точностью все совершается вокруг меня. Моя вселенная как огромные часы, внутри которых тикает множество других часов. Подчиняясь моему распорядку, даже могучие газы, подобно змеям, извиваются из пламени в отдаленных морях пространства. Моя система уравновешения поглощает хаос. Обрати внимание: во всем этом движении, безудержно несущемся по своду бесконечности, нет ни столкновений, ни противоречий.

— Да, ничего такого, что заслуживало бы внимания, — сказал архангел Михаил.

— Я люблю созданную мной систему, — продолжал всевышний, не желая оставить начатую им тему разговора. — Я очень внимательно создавал ее, поэтому даже самые мельчайшие, невидимые частицы окутаны полным покровом моей безграничности. И мне приятно, что хаос постоянно жужжит, как домашняя хозяйка на кухне, а вся геометрия естества лежит у меня на ладони, как заслуженно заработанная монета.

Упоминание о монете столь тесно связано с нашим грешным миром, что всевышний тут же широко раскрыл глаза и разнеженно спросил:

— Где она?

— Простите, — сонно отозвался архангел Михаил, — кого вы ищете?

— Землю, — ответил всевышний и пояснил: — Это образование из лунной пыли в одной из групп.

— Знаю ее, — сказал архангел Михаил и, поглядев кругом, показал на планету, о которой шла речь.

— Выглядит она неплохо, не правда ли? — заметил всевышний.

Архангел Михаил утвердительно кивнул.

— Она населена существами, которые называют себя людьми, — подчеркнул всевышний.

— Людьми? — повторил архангел Михаил, вопросительно поглядев на всевышнего.

— У этих людей есть мысли, — задумчиво продолжал всевышний, глядя вниз на Землю. — Как мошки вьются их мысли вдоль стен бесконечности, пытаясь определить размеры и значения. Они борются с тайнами своего бытия и ищут свет внутри света.

— Для чего им это?

— Они хотели освободиться от моих законов и вторгнуться в область божественного превосходства над материей.

Архангел Михаил был потрясен.

— Им кажется, что они добиваются превосходства над материей.

Архангел Михаил с озадаченным видом уставился на всевышнего.

— Они, видишь ли, фантазируют, — пояснил всевышний, — что после смерти их души поднимаются ко мне на небеса, чтобы приобщиться к моей безграничности. Насколько я могу заключить, это и есть их вера.

Передвинув расстояние, всевышний еще раз внимательно поглядел на Землю, и выражение любопытства показалось на его лице.

— Удивительно! — воскликнул он.

— О чем это вы?

— Посмотри, что у них там происходит, — сказал всевышний, увеличив видимость, чтобы Михаил мог тоже разглядеть. — Это просто поразительно.

— Они кого-то прибивают на кресте, — приглядевшись, сказал архангел Михаил.

— Меня это очень смущает, — с беспокойством проговорил всевышний.

Архангел Михаил с удивлением взглянул на него.

— Вас смущает? — с благоговейным трепетом спросил он.

— Или это дело рук дьявола, или какая-то ошибка, — взволнованно молвил всевышний.

— Иногда трудно определить, что прежде было на самом деле, — заметил архангел Михаил. — Время очень запутанный свидетель.

— Я никогда еще не ошибался, — сердито проворчал всевышний. — Из любви к людям я послал к ним своего сына. Зная их пристрастие к сильным впечатлениям, я даже позволил, чтобы моего сына распяли.

— Но ведь это очень жестоко и мучительно?

— Я хотел вызвать сострадание к нему и тем укрепить веру.

Тут всевышний остановился и тяжело вздохнул.

— По крайней мере, — продолжал он после некоторой паузы, — таковы были тогда мои намерения. И я считал, что все это дела давно минувших дней, и сын мой пребывает в вечном покое. Но по-видимому...

Он снова остановился и в недоумении пожал плечами.

— Последнее время вы были очень заняты образованием новой туманности, — робко заметил архангел Михаил.

— Да, конечно. Но витание в облаках не извиняет мою рассеянность. Во всяком случае сейчас мы видим распятие моего сына.

— Как называется этот город в пустыне? — спросил архангел Михаил, весьма удивленный поведением всевышнего.

— Это Иерусалим. В свое время я сам расчистил место для него. Видишь бородатых — это евреи. А те, гладко выбритые, — римляне. А вот тот храм, сверкающий на солнце, выстроен в мою честь. Да, я очень любил это место. Но теперь все тут удивляет меня. Ведь я помню, храм был уничтожен, все было разрушено и осталось в запустении.

— А сейчас все там в движении, — заметил архангел Михаил.

— Бедный мой сын, — вздохнул всевышний. — Вскоре он начнет кричать и спрашивать, почему я покинул его.

— А разве он не знает, что он ваш сын? — с удивлением спросил архангел Михаил.

— Знает.

— Тогда почему же он не скажет им?

— Он говорил им, — поморщился всевышний. — Я потом объясню тебе. Сейчас меня смущает другое. Глупо, конечно, следить за прошлым от случая к случаю. Но иногда и это может принести пользу. В свое время я решил (мне казалось, что так оно и было) позволить моему сыну умереть, а затем тайно вознестись к нам.

— Почему тайно?

— Мне хотелось воздействовать на чувства и разум людей, не подавляя их чудесами, — пояснил всевышний. — Я боялся чересчур напугать их и хотел, чтобы они без страха познали божественное откровение. Однако теперь у меня есть возможность пересмотреть свой первоначальный замысел. То, что я видел случившимся когда-то в прошлом, кажется мне теперь ошибочным и опасным.

Михаил хотел спросить, как это всевышний мог увидеть то, чего никогда не было, но сдержался и промолчал.

— Недостаток смелости в познании самого себя, — продолжал всевышний, выходя из запутанности своих рассуждений при помощи улыбки, которая почти полностью ослепила Михаила, — вот источник тех бед, что последовали или, теперь я должен сказать, последуют за пребыванием моего сына у людей. И я весьма рад, что мне представилась возможность изменить свое прежнее решение о духовном спасении человека.

— Так вы не спасете его? — с тревогой спросил архангел Михаил.

Всевышний снова улыбнулся своей ослепляющей улыбкой.

— Ты ничего не понял, Михаил. Я спасу его, но иным путем. Мне стало ясно, что, обращаясь к душе человека, я должен принять во внимание его обезьяний разум, которым он все воспринимает. Поэтому будет лучше, если я прибегну к некоторым непостижимым явлениям.

— Вы совершите чудо? — с загоревшимися глазами спросил архангел Михаил.

Всемогущий величественно кивнул.

— Чудо упростит для них понимание моей божественной силы. О, я хорошо понимаю людей. И если я решил теперь господствовать над их мыслями при помощи нескольких чудес, то это еще одно проявление моей мудрости. Мой сын не будет напрасно взывать ко мне. Когда он с креста взовет ко мне, я приду к нему. И он не войдет в историю как миф или призрак, как тот, о ком есть лишь свидетельства лжецов или фанатиков. Ты немедленно отправишься на Землю, — обратился затем всевышний к архангелу Михаилу, излучая вокруг себя яркое сияние, — и снимешь его с креста на глазах у всех, кто собрался в Земле Обетованной.

— Какой? Обетованной? — переспросил архангел Михаил.

—Да, так называется это место. Оно на востоке, на самом краю материка, называемого Азией.

Архангел Михаил поднялся, расправил крылья и посмотрел вниз на Землю.

— Я принесу его к нам, — воскликнул он, прыгнул и быстро полетел.

Прилетев в Азию и отыскав место, указанное всевышним, Михаил ничего там не обнаружил: ни храма, ни толпы, собравшейся у креста, ни каких-либо следов сына божия.

Извещенный об этом, всевышний довольно долго ничего не отвечал. Потом очень сбивчиво приказал отправиться на запад к другому материку. Выполняя приказ, Михаил в конце концов (просто по счастливой случайности, как показалось ему) прибыл туда, где разыгрывалась сцена, которую он наблюдал, стоя на небесах рядом со всевышним.

— Разузнай все на месте, — услышал вскоре архангел Михаил послание всевышнего, — и сообщи мне.

Архангел Михаил быстро все разведал.

— Этот город называют Иерусалимом, — сообщил он.

— Есть там человек по имени Понтий Пилат? — тотчас последовал запрос.

— Да, он тут, — подтвердил Михаил, весьма удивленный осведомленностью всевышнего.

— А евреи?

— Их полно здесь, — ответил Михаил.

— Доложи подробней о них, — потребовал всевышний.

Архангел Михаил некоторое время молчал, находясь в затруднении.

— У них фальшивые бороды, — сообщил он наконец.

Из небесной бесконечности довольно долго не отзывались.

— Посылаю тебе помощника, — послышался потом суровый голос всевышнего, — до его прибытия ничего не предпринимай.

Через несколько мгновений ря-

дом с Михаилом очутился его брат Азраил.

— Что с моим сыном? — обратился к ним всевышний.

Михаил колебался, не зная, что ответить.

— Отвечай ты, — сказал он брату.

— Пока нет никаких следов вашего сына, но мы нашли Лингбаума, — сообщил Азраил.

— Лингбаум? Кто он такой? — запросил всевышний.

— Странно, — пожав плечами, сказал брату Михаил. — Он знает какого-то Понтия Пилата, очень неважную персону здесь, но не знает Лингбаума — хозяина этого города.

— Лингбаум, — бойко отрапортовал на небеса Азраил, — всем тут распоряжается. Это он назначил казнь вашего сына и отдает сейчас разные распоряжения о подготовке к ней.

— Где же мой сын? — повторил свой вопрос всевышний.

Оба посланца стали совещаться, как им ответить. Михаил стоял за то, чтобы пока промолчать, но Азраил боялся божественного нетерпения и гнева.

— А который из них? — запросил Азраил, стараясь говорить как можно спокойней. — Их здесь двое.

По тому, как долго всевышний не отвечал, архангелы поняли, что он разгневался не на шутку.

— Посылаю к вам Малиола, — донесся наконец к ним голос всевышнего.

Прибытию Малиола оба архангела очень обрадовались, так как в их сонмище он считался самым мудрейшим. Перебивая друг друга, они торопливо поведали ему о том, что происходит в этом городе. Выслушав их, Малиол уверенно обратился к небесам.

— О, вездесущий! — воскликнул Малиол. — Кого из них принести к вам? Их тут действительно двое.

На этот раз всевышний немедленно отозвался из небесной беспредельности.

— Вздор! — прогремел он. — Один из них обманщик, самозванец!

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но, к счастью для посланцев всевышнего, постановщик фильма «Спаситель» Лингбаум приказал в этот момент сойти с креста дублеру, который в гриме имел полное сходство с Робертом Гери.

— На крупных и средних планах мы снимем самого Гери, — сказал Лингбаум. — Нам ни к чему, чтобы какой-нибудь умник заметил, что на кресте дублер. Это может убить всю картину.

Выполняя указания режиссеров, дублер, которого звали просто Джо, спрыгнул с креста к удивлению трех ангелов, внимательно наблюдавших за всем происходящим. Затем Роберт Гери неторопливо взобрался по лесенке и занял надлежащее место на кресте.

— А теперь, Гери, — сказал Лингбаум, стоя на лесенке рядом с Робертом и давая последние режиссерские указания, — выкиньте все из вашей головы. Вы повисли на кресте. Помните, что ваши руки и ноги прибиты гвоздями. Однако не переборщите. Спаситель был не трус. Он не стонал и не корчился. Он лишь висел и принимал страдания. Вся драма — внутри вас.

— Да, сэр, — сказал Роберт.

— Все в порядке. Начали! — крикнул Лингбаум, и кругом сразу же воцарилась полная тишина.

Архангел Михаил обратился к всевышнему.

— Они стали щелкать вокруг него, — сообщил он.

— Кого щелкают? — потребовал разъяснений всевышний.

— Вашего сына, я думаю, — ответил Михаил.

Всевышний какое-то время хранил молчание.

— Азраил, — послышался потом его голос, — сына моего распинают?

— Да, — подтвердил Азраил.

— Мой сын в агонии? — заботливо спросил всевышний.

— Трудно сказать, — ответил Азраил. — Он не издает ни звука, а на лице у него никакого выражения.

— Посмотри повнимательней!

— Да, кажется, он страдает, — сообщил вскоре Азраил. — И все жалуется Лингбауму, что у него болят глаза от яркого света.

— Пришло время совершить мое чудо, — чуть слышно донеслись к трем ангелам слова, которые где-то в беспредельности прошептал всевышний.

И тут внезапно небо над пустыней потемнело и светлый день обратился в темную ночь. Засверкали вспышки молний, зловещий грохот раскатился далеко вокруг. Забушевали сильные порывы ветра, закружились и поднялись в воздух тучи песка и пыли. Все это с огромной силой обрушилось на недавно выстроенный Иерусалим. Десятки юпитеров, световых усилителей и дуговых ламп вместе с оборудованием и декорациями, стоившими сотни тысяч долларов, разметало во все стороны.

— Это самум! — проревел в свой мегафон Лингбаум. — Спрячьте скорей коробки с кинопленкой.

Буря, по своей ярости и силе необычная даже в Калифорнии, продолжалась всего несколько минут, и снова день стал тихим и ясным. Так быстро все пронеслось, что люди едва могли поверить тому, что случилось, если бы вокруг не были обломки и разрушения.

Выйдя из звуковой установки, где он укрылся во время бури, Лингбаум осмотрел причиненный ущерб и отдал ряд распоряжений. В первую очередь он приказал убрать обломки и установить новое освещение.

— К счастью, не повалило крест, — заметил Лингбаум. — У нас есть еще добрых три часа для съемки. Быстро найдите Гери. Скажите, что будем продолжать съемку на кресте. Ну, поживее! Пошевеливайтесь!

Помощники Лингбаума засуетились и забегали, разыскивая, куда спрятался Гери во время налетевшей бури. Они нигде не смогли найти его.

II

КОГДА РОБЕРТ ГЕРИ открыл глаза, он понял, что с ним произошло нечто удивительное. Однако он был не из тех людей, которые могут удивляться.

Спокойно, со сдержанным любопытством отнесся он и тому, что его с удобствами (это было очевидно) транспортировало какое-то сверхъестественное агентство. Хотя всевышний решил принять Роберта без особых чудес, ему, однако, были присущи эстетические наклонности, и потому для приема сына он мановением руки воздвиг дворец необычайной красоты по своей форме, сочетанию красок и общему архитектурному ансамблю.

Роберт очутился в зале, который своими благородными пропорциями восхитил бы каждого человека, за исключением тех, кто был из Голливуда. Вдоль всего зала тянулось множество колонн, раскаленных добела и похожих на драгоценные камни. Они поднимались кверху сверкающим разноцветным пламенем, переливаясь рубинами, сапфирами и алмазами. Среди колонн стояло много статуй с распростертыми золотыми крыльями. Красота этих статуй, подобранных самим всевышним, была настолько абстрактной, что человеческий глаз не мог ее полностью понять и охватить. Пол в зале был из одной цельной жемчужины, излучавшей сказочное сияние, таинственно разливавшееся вокруг.

Над головой Роберт увидел ан-

гелов. Они парили восхитительными группами, одни с золотыми трубами, другие просто в небесном томлении. Они вились над ним, образуя прихотливый куполообразный узор, простиравшийся насколько глаз мог видеть.

В самом конце зала Роберт уже издалека увидел вседержителя. Он инстинктивно распознал его: хотя всевышний и уменьшил себя до приблизительно человеческих размеров, он все же сохранил блеск божественности в глазах, которые сверкали как отдаленные вспышки орудийных залпов. Медленно продвигаясь в направлении этих вспышек, Роберт подумал, что во всяком случае его принимают как почетного гостя. Он не был уж очень ошеломлен, как любой другой человек на его месте, потому что привык к резкому свету во время киносъемок и к разным причудам декораций в различных фильмах. Кроме того, Роберт отличался неспособностью к быстрым реакциям, что часто приводило в бешенство наиболее нетерпеливых режиссеров в Голливуде.

Надо сказать, что с некоторых пор чудеса уже не удивляли Роберта. Он вдруг стал кумиром (почему это произошло, он никогда толком не мог понять), а теперь обнаружил, что поднялся еще выше, на небеса, и это едва ли его особенно удивляло. Это было, конечно, несколько странно, но тот, кто уже раньше привык ко многим странностям и приятно вкусил от них, теряет вкус при повторениях.

Ангелы, пытливо наблюдавшие за поведением Роберта, приписали его холодную невозмутимость, с которой он держал себя, его божественному происхождению. Среди них уже ходили разные слухи, возникшие из торопливых рассказов Михаила, Азраила и Малиола после их возвращения с Земли.

Со счастливым видом поджидал всевышний подходившего к нему Роберта, невольно восхищаясь сдержанной грациозностью его движений. Вспомнив об агонии, которую тот недавно перенес, он подумал, что поведение его сына достойно всяческой похвалы.

Некоторые опасения возникли у него, когда он внимательнее пригляделся к этому молодому человеку. Было в нем нечто такое, что смущало и даже раздражало всевышнего, несмотря на его отцовские чувства.

«Возможно, — подумал всевышний, — его немного избаловали на Земле».

В этот момент Роберт подошел к трону. Он остановился в некотором замешательстве, что с ним обычно бывало во время съемок массовых сцен. А кроме того, ему пришло в голову, что, быть может, его сейчас накажут за его кощунственную роль в фильме «Спаситель».

Мысль об этом и раньше приходила ему в голову. Несмотря на восторженные излияния мистера Колишера, снизившие ему актерский гонорар на десять процентов, Роберт чувствовал, что роль «Спасителя» имела и свою оборотную сторону. Он уже собрался объяснить, что во всем виноват мистер Колишер, уговоривший его, когда услыхал голос всевышнего, обратившегося к нему:

— Приблизься к ногам моим, о сын мой. Ты, кого люди называли Христом и чье бедное тело изнывало в агонии. Ты, кто стремился раскрыть им величие моего откровения, подойди и...

Тут всевышний остановился, не закончив своего обращения. С внезапной божественной проницательностью он открыл, что стоявший перед ним предупредительный и вежливый молодой человек вовсе не был его сыном. Он бросил быстрый взгляд на зал, заполненный ангелами, и решил, что будет лучше убрать всех отсюда.

«Моя ошибка только смутит их и отвлечет от их обязанностей, — подумал он. — Такой случай, как этот, может снова возродить разные толки о силе Люцифера».

Повернувшись к ангелам, всевышний дал знак, чтобы они ушли и унесли все с собой. К великому изумлению Роберта, ангелы вместе со статуями, колоннами и жемчужным полом исчезли быстрее, чем любая смена декораций на голливудских съемках. Он воочию убедился, что в технике смены декораций всевышний имел бесспорное преимущество перед всеми голливудскими продюсерами, включая и мистера Колишера. Однако тут всевышний прервал его размышления.

— Что вам здесь нужно? — холодно спросил он.

— Не знаю, — смущенно ответил Роберт. — Я предполагаю, что меня взяли, когда я находился на кресте.

— А что вы делали на кресте?

— Они снимали финальную сцену. А я как... я как главное действующее лицо.

— Какая финальная сцена? — недовольно проворчал всевышний.

Роберт некоторое время колебался, а затем заговорил с отчаянием человека, решившего во всем признаться:

— Сам я ничего не делал. А только выполнял то, что было написано.

— Где написано? В священном писании? — перебил всевышний.

— Нет, — торопливо стал объяснять Роберт. — Прошу прощения, но мы работали по сценарию, а в нем указывалось, что меня должны распять на кресте. Я думаю, что сам мистер Колишер решил сделать такую концовку.

— Колишер? — подозрительно переспросил всевышний.

— Да, — решительно подтвердил Роберт.

— А вы кто?

Сперва этот вопрос удивил Роберта своей новизной, но он довольно быстро сообразил, что у него лишь земная слава, и ответил с величавой скромностью незнакомца, находящегося в чужом краю:

— Меня зовут Боб Гери. Я киноактер.

— Кино? — с недоумением произнес всевышний. — Это что-то новое?

— Да, оно появилось сравнительно недавно.

— Я был очень занят последнее время другими делами, — в раздумье сказал всевышний, стараясь догадаться, что же такое кино. — Значит, то, что я видел, — после некоторого молчания проговорил он, — не происходило в действительности. И вы только позировали для фотографии.

— Нет, это более значительно. Скорее это как в театре.

— Театр я хорошо знаю, — кивнул всевышний.

— Мне бы хотелось узнать ваше мнение о театре и об актерах, — запинаясь, робко спросил Роберт, так как подумал, что это может заинтересовать Лингбаума.

— Актерская игра, театр, — изрек всевышний, — это давнее искусство лицедейства. У человека разные средства, с помощью которых он пытается вылавливать истину. Из них театр — самое большое и сильнейшее. В нем истина может предстать в живом изображении.

Роберт сосредоточенно молчал.

— Но я чувствую, — прибавил всевышний, — кино — что-то иное!

— Да, в некотором смысле, — осторожно согласился Роберт.

— Так объясните мне.

— Пожалуйста, — кивнул Роберт, который чувствовал себя все более непринужденно, как будто давал интервью на киностудии. — Видите ли, кино подобно театру. Но в нашем мире так много истин, что кино стремится показать и другую сторону.

— Другую сторону истины? — удивился всевышний. — Что это может быть?

— Ох, — улыбнулся Роберт, — приятную сторону. Видите ли, кино — это вид некоей сказочной жизни для народа.

— Тогда почему же вы заново представили историю гибели моего сына?

— Это идея мистера Колишера, — поспешно ответил Роберт. — Он пригласил меня на эту роль.

— А кто такой мистер Колишер? — поинтересовался всевышний.

Роберт широко раскрыл глаза от удивления.

— Он ведущий гений Голливуда! — воскликнул Роберт, распространяя влияние рекламного агентства мистера Колишера на далекие области, о которых нельзя было и мечтать. — Он ставит самые лучшие кинокартины. А это одна из его величайших работ. Она называется «Спаситель».

Всевышний понимающе кивнул.

— Скажите, — спросил он, — мистер Колишер ставит эту картину по религиозным побуждениям?

— Что вы имеете в виду? — пробормотал Роберт.

— Я хочу знать, — решительно произнес всевышний, — стремится ли мистер Колишер помочь искуплению грехов?

— Не думаю, — честно признался Роберт.

— Почему же он ставит эту картину? — нахмурившись, спросил всевышний.

— Понимаете, — нервно заговорил Роберт, — это такая большая тема. Она привлекает всех. Мистер Колишер заверил меня, что он проявил величайшую заботу о том, чтобы все было в порядке. Картина будет иметь универсальную привлекательность. Это связано с затратами в несколько миллионов долларов. Однако религия, если с ней должным образом обходиться, всегда приносит хороший валовой доход.

— Это я и сам знаю, — с некоторым усилием улыбнувшись, сказал всевышний, поняв, что Роберт, судя по всему, был слишком простоватым малым, чтобы с ним спорить или возмущаться тем, что он говорил. — Но все-таки мне бы хотелось знать, что побудило мистера Колишера представить жизнь и смерть моего сына?

— Боюсь, — ответил Роберт, — что мне самому это не вполне ясно. «Спаситель» — это то, что у нас называют «эскапистская картина», то есть уходящая от действительности. В них события прошлого, часто далекого прошлого, и вы смотрите их, так сказать, со стороны, без связи с тем, что вас сегодня окружает. Публика любит всякие истории о прошлом. Ей нравится смотреть их в кино, независимо от того, сколько людей было убито при этом на экране.

Всевышний почувствовал, что его начинает раздражать болтовня Роберта, но, заглянув к нему в сердце, он увидел там лишь одно стремление угождать и быть приятным.

— Жаль, что я раньше не слыхал о вашей картине, — сказал он, — я бы помог вам.

— Могу вас заверить, — горячо воскликнул Роберт, — все будет сделано прекрасно! Некоторые реплики звучат у меня совсем поэтически. Мистер Колишер не пожалел ни трудов, ни денег. Он заново выстроил древний Иерусалим со всеми его первоначальными обитателями.

— Храм выглядит убого, — поморщившись, заметил всевышний.

— Это только так кажется, — воскликнул Роберт. — Уверяю вас, в картине все будет выглядеть прекрасно.

— Ладно, посмотрим, — пробурчал всевышний и погрузился в глубокие размышления.

«Странно, — размышлял он, — неужели этот Колишер мудрее, чем я? По крайней мере, в глазах своих современников. Я всегда наставлял людей идти путем страданий, жертв. Однако картины со сладкими грезами им больше по душе, чем потоп, саранча, голод и другие божественные испытания, которые я посылал людям как средство поучения и источник познания.

И я начинаю понимать, — продолжал размышлять всевышний, — что мои усилия помочь человеку были ошибкой с хорошими намерениями. Было бы значительно лучше, если бы он поменьше заглядывал в себя, поменьше стремился бы понять значение своего и моего существования. И конечно, было бы лучше, если бы он смотрел на жизнь как на милую и даже бесцельную сказку и ходил бы себе в кино.

С моей помощью кинокартины заменили бы беспокойные стремления проникнуть в сущность

красоты, природы и истины. Они создали бы призрачные мимолетные представления, постоянный мир грез без всяких страданий и несчастий. Золотой век бездумья, — усмехнулся всевышний, — воцарился бы тогда на земле. И все в жизни у людей стало бы призрачной тенью, и они радовались бы ей, как радуются дети солнечному зайчику, пляшущему над колыбелью».

Тут всевышний взглянул на Роберта Гери, который уже долгое время молча и чинно стоял перед ним. А Роберту пришли на память прежние дни, когда он был статистом и часами выстаивал на киностудии, ожидая небрежного кивка администратора, набиравшего исполнителей для массовых сцен.

— Знаете что, — ласково обратился к Роберту всевышний, — несмотря на все ваши заверения о безупречности вашей картины, мне все же хочется помочь вам.

— Я не вижу, чем вы сможете помочь, — вежливо отозвался Роберт. — Вряд ли нам потребуются какие-либо пересъемки.

— Но вы говорили, что должна еще сниматься финальная сцена.

— Не думаю, чтобы мистер Колишер имел желание внести какие-нибудь изменения в финальную сцену, — заявил Роберт.

— И у меня нет такого желания, — сказал всевышний, строго взглянув на Роберта. — Я не собираюсь вмешиваться в дела мистера Колишера. Но кое-что в вашей картине следует улучшить.

Роберт привык к тому, что все так думали и говорили о кинокартинах. Он, конечно, сомневался, чтобы всевышний, который, по-видимому, только что узнал о существовании кино, мог предложить что-нибудь ценное. Но он молчал, так как издавна был приучен не спорить с критиками.

— Вот вы, например, — сказал всевышний. — Я могу значительно улучшить вас.

Роберт быстро и испуганно огляделся по сторонам, забыв, что все ангелы исчезли и они беседуют вдвоем.

— Мое исполнение хорошо выглядит на экране, — уверенно возразил он. — Каждый день мы просматривали отснятые накануне кадры. Мистер Колишер был более чем доволен. Лингбаум тоже считает, что у меня хорошо получилось.

— Не сомневаюсь, — приветливо сказал всевышний, которого тронула простота этого маленького человека. — Я говорил не о вашей игре, а о вашей душе. Ее я могу улучшить.

— Каким образом? — с интересом спросил Роберт.

— Я сделаю вас божественным, — отчеканил всевышний.

Роберт вытаращил глаза.

— Вы действительно станете моим сыном, — с жаром продолжал всевышний. — Я помещу в вас частицу своего духа. Это озарит вас сиянием. И во время агонии на кресте вы будете излучать свет моей истины. Все люди просветлеют, когда увидят вас, и души их постигнет наконец божественное откровение.

Роберт вспыхнул, но ничего не возразил.

Всевышний протянул руку и дотронулся до его плеча.

Через несколько мгновений по вызову всевышнего явились Михаил, Азраил и Малиол. Они с удивлением заметили, что у Роберта над головой было такое же сияние, как у них.

— Доставьте его обратно на Землю, — приказал ангелам всевышний.

— Если вы не возражаете, мне сразу же надо повидать мистера Колишера и объяснить ему мое отсутствие, — попросил Роберт.

— Хорошо, — согласился всевышний, — доставьте его к мистеру Колишеру.

Когда Роберт уходил вместе с ангелами, всевышний улыбнулся ему и тут же исчез, чтобы вернуться к своей обычной работе с потусторонними силами.

Вскоре вокруг Роберта собралось много небесных обитателей. Среди них распространился слух о его приобщении к божественному началу, хотя всевышний приказал держать это в тайне. Шутливо улыбаясь, сонм ангелов увивался вокруг Роберта. Отталкивая друг друга, они жужжали ему в уши, задавая тысячи нетерпеливых вопросов о кино. Некоторые настойчиво просили на память какой-нибудь сувенир. Наиболее смелые взобрались на него и сняли с головы терновый венец. Другие последовали этому примеру, и в мгновение ока с Роберта сняли все, что на нем было, кроме трусов, которые он носил под своим мессианским одеянием.

Роберт сиял, широко улыбался и добродушно посмеивался. Его радовало проявление такого интереса к его персоне и талантам на небесах, но он умолял своих новых поклонников оставить ему трусы, так как он не сотворен, как они, чья нагота не представляет угрозы непорочности. В конце концов ему пришлось призвать на помощь трех архангелов, которым его поручил всевышний, чтобы освободиться от ретивых небесных поклонников и отправиться в обратный путь.

III

СПУСТЯ некоторое время Роберт открыл глаза и обнаружил, что находится у мистера Колишера. Он кинулся к нему, чтобы рассказать, что с ним приключилось, но в течение по крайней мере пятнадцати минут не мог и рта раскрыть, пока не выслушал поток излияний своего продюсера.

Он узнал, что исчез три дня тому назад, что мистер Колишер считал его погибшим во время урагана, когда почти все павильоны и декорации были уничтожены. Около тысячи сыщиков с собаками разыскивали его по всей пустыне. Все в ужасе переживали его исчезновение. Мистер Колишер получил тысячи писем с требованием, чтобы он, не считаясь с расходами, продолжал усиленные поиски.

— Но вы, как видно, пьянствовали где-то? — внезапно прервал свои излияния мистер Колишер.— Взгляните на себя! Голым разгуливаете по конторе! Да вы и сейчас пьяны, — прибавил он, взглянув в глаза Роберту. — В чем дело, Гери?

Роберт улыбнулся.

— Вы должны извинить меня, что я в таком виде. Они сняли с меня всю одежду.

— Кто они? — спросил мистер Колишер.

— Ангелы, — ответил Роберт.

— Присядьте, пожалуйста,—ласково предложил мистер Колишер, который сразу все понял. Он увидел, что Роберт действительно не пил. Блеск в глазах и странное выражение лица должны были с первого взгляда подсказать ему истинное состояние пришедшего. Роберт, очевидно, принимал наркотики. Сильная доза свалила его с ног и продолжает дурманить до сих пор.

— Мы сохраним все это в тайне, — многозначительно сказал мистер Колишер. — Иначе это погубит не только мой фильм, но и вас самого. И вообще будет иметь тяжелые последствия для нашей кинематографии.

— О чем вы говорите? Что сохраним в тайне? — изумился Роберт.

— То, что вы делали все эти три дня, — дипломатично ответил мистер Колишер и, нажав кнопку, проговорил в микрофон: — Дайте мне Бердвина.

— Слушаю, босс, — послышался вскоре из репродуктора голос Бердвина, главы обширного рекламного агентства мистера Колишера.

— Я хочу, Бердвин, чтобы вы обратили особое внимание на то, что я сейчас скажу вам, — произнес мистер Колишер.

— Понятно, — ответил голос из репродуктора.

— Так вот, Бердвин, — медленно и с расстановкой продолжал мистер Колишер,—Роберт Гери сидит у меня в кабинете.

— Бегу к вам! — поспешно отозвался возбужденный голос из репродуктора.

— Оставайтесь у себя, — тут же приказал мистер Колишер.—Я хочу, чтобы вы сейчас же через международные агентства печати распространили следующее наше заявление. Пошлите его в Ассошиейтед Пресс, в Юнайтед Пресс и во все другие крупные агентства.

— Да, сэр, — ответили из репродуктора.

— Во время заключительных съемок фильма «Спаситель», — не спеша, с паузами диктовал мистер Колишер,—налетевшим ураганом сорвало с креста Роберта Гери. Он упал и получил тяжелое сотрясение мозга. Потеряв на какой-то промежуток времени всякое представление о том, кто он и где он, Роберт Гери в течение трех дней блуждал в пустыне, питаясь листьями кактуса, пока к нему не вернулось полное сознание. Понятно?

— Усвоено, — подтвердили из репродуктора. — Слушаю дальше.

— Сегодня Роберт Гери вернулся, — невозмутимо продолжал мистер Колишер,— и решительно намерен завтра утром заканчивать картину. Он еще немного потрясен своим трагическим приключением, но это никоим образом не помешает ему довести до самого конца исполнение роли Спасителя. Вот и все. Кроме того, Бердвин, я хочу, чтобы газетчиков держали подальше от Гери. Он сейчас не в таком состоянии, чтобы разговаривать с ними. Вам ясно?

— Да, сэр, — сразу же последовал ответ, и мистер Колишер выключил репродуктор.

— Это на время займет всех, — сказал он и повернулся к Роберту. — А теперь, Роберт, я запру дверь, чтобы нам не мешали, и вы должны признаться мне во всем ради чистоты вашей души и вашей карьеры. Как только мы кончим картину, я позабочусь о том, чтобы лучшие врачи в нашей стране взяли вас в свои руки. Я считаю себя обязанным сделать это, потому что вы прекрасно сделали Спасителя.

— Хорошо, — сказал Роберт, — я расскажу вам все, но думаю, что вы не поверите мне.

— Валяйте, — кивнул мистер Колишер.

— Во время урагана, — тихим голосом начал Роберт, — меня сняли с креста и унесли на небо три ангела. Не знаю точно, как это произошло, но я вдруг очутился в огромном, очень красивом зале, где парило множество ангелов. Там я встретился с самим всевышним, и он беседовал со мной. Не знаю, сколько времени это продолжалось. Три дня, вы сказали. Мне они показались несколькими мгновениями.

Так как мистер Колишер остался невозмутимым, Роберт нервно добавил:

— Могу рассказать, о чем он говорил со мной, если вас это интересует.

Мистер Колишер поднялся из-за стола. Он пристально взглянул на Роберта. У того лихорадочно блестели глаза.

— Роберт, — сказал он, — я могу, конечно, слушать все, что угодно. Однако лучше я пошлю за платьем для вас и отвезу вас домой. И я хочу, чтобы вы дали мне слово, что никому не станете рассказывать об этом.

Хотя Роберт и сдержал свое слово (с первого момента возвращения он и сам чувствовал безнадежность попыток убедить когонибудь в истинности своего рассказа), подозрения мистера Колишера все же разнеслись по оживленным улицам нового Иерусалима. На следующее утро, когда на съемочной площадке зажглось освещение и кинокамеры приготовились к съемке, слух о том, что Роберт Гери, одурманенный наркотиками, заблудился в пустыне, уже получил широкое распространение.

— Ирония кинематографа, — громко говорил Лингбаум. — На кресте в роли Спасителя мы снимаем барана, который вдобавок так нанюхался, что не мог отличить правую руку от левой. Посмотрите, как у него блестят глаза, — прибавил он, понизив голос, так как Роберт Гери в гриме и полном костюме для выхода подходил к ним.

— Здравствуйте, — холодно обратился Роберт, догадываясь, что это о нем перешептывались. — Как я выгляжу? Все в порядке?

— Вы прекрасно выглядите. Настоящий Спаситель! — как-то двусмысленно сказал Лингбаум. — Немного переложили коричневого в гриме. Надо было сделать тон помягче. И пусть Джо капнет вам глицерину в глаза перед тем, как вы пойдете на крест.

— Мне это не нужно, — еще более холодно сказал Роберт. Он хотел еще добавить, что осененный божественным светом не нуждается в глицерине для выражения своих чувств, но решил промолчать.

Странным пружинистым шагом направился он к лесенке, приставленной к среднему кресту. По бокам на двух других крестах уже висели актеры, изображавшие распятых разбойников.

В сценарии сцена распятия состояла из семи кадров, начиная с прибивания гвоздями рук и ног к кресту, что было уже отснято крупным планом на точных копиях конечностей Роберта, сделанных из папье-маше, и кончая смертью на кресте, когда голова безжизненно никнет, а все тело застывает в последней агонии.

На этом картина заканчивалась. До наступления урагана сцена распятия несколько раз уже репетировалась. Сегодня ее надлежало отснять полностью. Роберт в этот день играл с большим волнением и ощущал какой-то странный подъем. Когда съемка окончилась, он спрыгнул с креста прямо на землю, оттолкнув в сторону лестницу, поставленную для спуска. Фильм «Спаситель» был завершен. Мистер Колишер, почтивший своим личным присутствием последний день съемки, подошел к Роберту и отечески положил ему руку на плечо.

— Прекрасно! Замечательно! — громко произнес он. — Я не ожидал, что у вас так получится. Просто поразительно!

Про себя мистер Колишер посчитал, что дело тут, конечно, не в талантах Роберта Гери, а в наркотиках. С их помощью он действительно необычно сыграл сегодня. Но не следовало упоминать об этом. По кодексу мистера Колишера актер, пьяный или трезвый, все равно заслуживал похвалы, если не нарушал графика и хорошо выполнял свои обязанности.

— У вас хорошо прошло, — сказал Лингбаум. — Думаю, что нам не понадобится ни одной пересъемки. Признаюсь, меня очень беспокоила эта заключительная сцена.

— Благодарю вас, — обратился Роберт к обоим режиссерам, которые проводили его до артистической уборной. Там все остановились, и мистер Колишер подождал, пока Лингбаум попрощался и ушел.

— Встретимся завтра у меня в кабинете после просмотра отснятой пленки, — сказал мистер Колишер, когда они остались вдвоем, — и поговорим о врачах для вас. Не забудьте об этом. До завтра.

На другой день мистер Колишер с нетерпением ожидал вызова в просмотровый зал. Ему хотелось поскорее взглянуть на заключительные кадры, на съемке которых он присутствовал, и убедиться, что они представляют собой блестящее завершение его нового великолепного боевика. Неожиданно дверь без стука открылась, и в кабинет вошел растерянный и бледный Лингбаум. Мистер Колишер с удивлением посмотрел на него.

— Мне необходимо срочно переговорить с вами, — хрипло сказал Лингбаум. — Я прямо из лаборатории.

— В чем дело? — спросил мистер Колишер, поднимаясь из-за стола.

— Отснятый материал не годится, — дрожащим голосом ответил Лингбаум.

— Почему? — удивился мистер Колишер.

— Вы просто не поверите этому, — с волнением произнес Лингбаум и, как подстреленный, свалился в кожаное кресло.

— Ну, рассказывайте, — нетерпеливо кивнул мистер Колишер.

— Нет Роберта Гери, — выпалил Лингбаум.

— Где его нет? — пожал плечами мистер Колишер.

— На пленке, — задыхаясь, ответил Лингбаум.

— Он не в фокусе? — холодно предположил мистер Колишер.

— Его вообще нет. Ни в фокусе, ни вне фокуса, — с раздражением произнес Лингбаум, который видел во всем этом какую-то непонятную чертовщину. Хотя он всегда считал актеров второстепенной частью картины, но все же никогда не думал, что они должны вовсе отсутствовать в фильме.

— В чем же вы хотите меня уверить? — спросил мистер Колишер.

— Не знаю, — помедлив, ответил Лингбаум. — Но я только что посмотрел отснятый материал и не обнаружил никаких признаков Роберта Гери.

— Ну, а вообще что-нибудь есть на пленке? — осведомился мистер Колишер, чувствуя, что и у него голова идет кругом.

— Все есть! — быстро проговорил Лингбаум. — Освещение прекрасно! Краски замечательны! Композиция безупречна! Только Спасителя нет на кресте! Ну, просто никого!

— Но ведь он же был там! — вскричал мистер Колишер. — Я видел его своими глазами.

— А я снимал его, — простонал Лингбаум. — Но повторяю вам, произошло что-то непонятное.

Через двадцать минут мистер Колишер и Лингбаум с группой помощников сидели в темном просмотровом зале. Все сидели молча и ждали. В тишине слышно было тяжелое дыхание мистера Колишера, звучавшее угрожающе.

Но вот на экране появились кадры вчерашней съемки, и в течение нескольких минут они сопровождались дружными возгласами удивления. Среди них, однако, не было слышно голоса мистера Колишера, но его дыхание становилось все тяжелее.

На экране виден был крест, стоящий посредине, между двумя другими крестами, на которых висело по одному разбойнику, корчившемуся от боли. В отдалении над пустыней плыли облака, полные красоты и символического значения. Все было ясным, четким, в ярких природных красках и, как справедливо утверждал Лингбаум, в безупречной композиции и фокусе. Но на центральном кре-

сте — никого, ни малейших следов Роберта Гери.

— Где же он? — внезапно закричал из темноты просмотрового зала Лингбаум. — Выключите! Уберите это с экрана! — выкрикивал он, охваченный страхом.

— Продолжайте,—властно сказал мистер Колишер.— Я хочу просмотреть каждый фут этой пленки.

Внимательно, несколько раз просмотрев все до конца, мистер Колишер увидел нечто большее, чем то, что изумляло сидевших с ним в просмотровом зале. И он пришел к заключению, что не следует переснимать эти кадры и что фильм «Спаситель» должен быть выпущен без сцены распятия на кресте.

IV

СЛУХИ о «голливудском чуде», еще более преувеличенные и совершенно фантастические, расползлись по редакциям газет и стали предметом разговора за обеденными и вечерними столами. Большинство относилось к ним иронически, как к выдумке газетчиков дурного вкуса. Никто не был настолько наивен, чтобы принять на веру что-либо случившееся в кино.

Сам мистер Колишер оказался в затруднительном положении. Его душа кинодельца жаждала использовать случай и широко разрекламировать божественную благодать героя своего последнего фильма. Роберт Гери, побывавший на небесах или в каком-то потустороннем мире, летавший с ангелами и беседовавший с самим господом богом, создавал огромную, необычайно шумную сенсацию для его, мистера Колишера, величайшей картины «Спаситель». Однако, с другой стороны, здравый смысл предупреждал его, что в такой рекламной кампании на одного, который может поверить, по крайней мере десять человек сочтут его дураком и даже бессовестным дураком.

После еще одной беседы с Робертом с глазу на глаз мистер Колишер окончательно отказался от какой-либо пересъемки финальной сцены (это относилось также и к тому, чтобы на отдаленных планах использовать на кресте вместо Роберта дублера). Картина «Спаситель» выпускается без сцены распятия, это было решено им еще в просмотровом зале.

Расспросив Роберта о некоторых подробностях его небесного путешествия, мистер Колишер решил, что только ученые, вероятно, смогут объяснить все это. Слушая его удивительную историю, он не был подавлен или напуган необычайными обстоятельствами, а скорее считал их чем-то таким, что находится вне его понимания или использования в рекламных целях. Он посоветовал Роберту уехать куда-нибудь и хорошо отдохнуть.

— Я не хочу, Роберт, обсуждать ваш рассказ или спорить с вами,—сказал мистер Колишер.— Мой совет вам: быть осторожным и постараться избавиться от вашей, так сказать, аномалии. Я знал множество кинозвезд, таких же больших, как и вы, которые приходили и уходили. Появлялись и исчезали.

Роберт молча кивнул.

— Вы можете считать себя значительнее других, поскольку с вами произошла эта удивительная история, — задумчиво продолжал мистер Колишер,—но кем бы вы ни стали, вы сейчас не киноактер, пока остаетесь невидимым на пленке. Что огорчает меня, Роберт, во всей вашей истории, так это отсутствие всякой логики. Если всевышний захотел помочь мне в постановке «Спасителя», то почему он искалечил главное действующее лицо, уничтожив таким образом лучшие заключительные кадры в фильме?

Оставив этот вопрос без ответа, мистер Колишер занялся бумагами, лежавшими на столе, добавив решительным тоном, показывавшим, что их беседа окончена:

— Отдохните, Роберт. Очень благодарен вам за вашу работу в картине. Я ценю ее. Всего хорошего.

Роберт поднялся.

— Может быть, если я схожу в церковь, — пробормотал он, — и помолюсь богу, чтобы он убрал из меня свое знамение, то я снова смогу сниматься.

— Это ваше дело, — равнодушно сказал мистер Колишер.—Но советую вам внимательно следить за тем, что вы говорите, будь то в церкви или на людях. Многие, вероятно, не поймут вас. Еще раз всего хорошего, Роберт.

И Роберт, смущенный и терзаемый горечью, уехал в горный санаторий, проводя там время в тоскливом одиночестве.

Выход на экраны Нью-Йорка фильма «Спаситель» был шумным и значительным событием. Вряд ли действительная драма Спасителя, если бы она происходила в наши дни, могла бы больше взволновать людей. Во всяком случае, на небесах это тоже вызвало значительно большее оживление, чем во время событий, рассказываемых евангелиями.

В тот вечер, когда впервые должна была демонстрироваться кинокартина о сыне божьем, всевышний собрал всех ангелов, которых можно было освободить от выполнения текущих ангельских обязанностей, и сообщил им, что они смогут посмотреть в этот вечер на Земле. Подражая мистеру Колишеру, он разместил затем своих ангелов (для простых смертных они, само собой разумеется, оставались невидимыми) под куполом огромного, сверкающего огнями кинотеатра, где показывалась премьера для избранной публики.

С первых кадров фильма «Спаситель» ангелы затаили дыхание. События, происходившие на экране нью-йоркского кинотеатра, казались им такими же реальными, как и все, что они видели в этом маленьком земном мире.

Пока шла картина, всевышний несколько раз терпеливо объяснял ангелам, что такое кино.

— То, что вы видите на экране, — говорил он, — это произведение гениального мистера Колишера, как его называют на Земле. Картина сделана прекрасно, и я рад, что вы чувствуете это. Однако я помог создать необыкновенный конец этой кинокартины.

— Каким образом? — спросил архангел Михаил.

— Еще увидите, — улыбнулся всевышний. — Заключительная часть восхитит и поразит всех,— прибавил он с гордостью.

Среди ангелов царило большое возбуждение. Хотя все на экране казалось им весьма диковинным, но, когда они узнали, что и сам всевышний приложил к этому руку, они, затаив дыхание, с нетерпением ожидали увидеть в конце еще большие чудеса.

— Через несколько минут начнется моя сцена, — предупредил всевышний.

На экране в это время Спаситель тащил крест на вершину холма. Толпа улюлюкала и бросала в него камни.

— Вот сейчас начнется, — взволнованно сказал всевышний.

Ангелы наклонились вперед, напряженно всматриваясь в экран. Но произошло нечто странное. Как только Спаситель достиг вершины холма, на котором висели распятые на двух крестах разбойники, все начало темнеть. Звуча сотнями поющих голосов, музыкой органа и оркестра, картина «Спаситель» уходила в медленное затемнение. Ангелы с вопросительным видом повернулись к всевышнему.

— Что-то, видно, случилось, — пробормотал всевышний. — Михаил, — позвал он архангела. Он намеревался послать его для выяснения к мистеру Колишеру, но тут

же осекся. Постоянные посетители всех премьер дико зааплодировали. В зрительном зале нью-йоркского кинотеатра зажегся свет, и публика, поправляя нарядные туалеты и смахивая с глаз слезинки жалости и сострадания, длинной вереницей выходила из зала

Среди ангелов воцарилось неловкое молчание.

— Не могу поверить своим глазам, — проговорил всевышний. — Ну, просто не могу.

Архангел Михаил, стоявший рядом, затаил дыхание, увидев, что большая тень омрачила божественный лик всевышнего.

— Мистер Колишер не показал моего откровения! — с раздражением вскричал всевышний. — Он выбросил его!

Ангелы испуганно молчали. Они редко видели всевышнего в таком гневе.

Довольные толпы зрителей, выходивших из кинотеатра, где им посчастливилось первыми увидеть премьеру последней картины гениального мистера Колишера, неожиданно попали под самый сильный ураган, который когда-либо проносился над Нью-Йорком.

Ослепительное сверкание молний, чудовищные раскаты грома и дикое завывание ветра потрясали темноту ночи. Потоки дождя, хлынувшие с небес, остановили все движение в городе, и даже в домах люди испуганно дрожали перед этой страшной вспышкой стихийных сил.

Ураган бушевал почти до рассвета. Многочисленные обломки всю ночь плавали по улицам города.

Утренние газеты были заполнены описаниями «странного каприза природы», тем более удивительного, что в бюро погоды не имелось никаких метеорологических данных о возможности возникновения урагана. Несмотря на это, много места было отведено восхвалениям прекрасных качеств фильма «Спаситель», последней работы несравненного мистера Колишера.

Картина оценивалась как высшее достижение творческого гения, причем в таких цветистых выражениях, которое не смогло бы превзойти даже рекламное агентство самого мистера Колишера. Наибольшее впечатление на критиков произвело, однако, не великолепие фильма, к этому они уже были приучены, а сдержанность великого продюсера в финальной сцене картины.

С редким единодушием, основы которого были заложены на банкете, устроенном мистером Колишером накануне премьеры, критики заявляли, что великий маг и волшебник Голливуда сделал конец фильма прекрасным, благородным и высокохудожественным, оставив сцену распятия в воображении зрителей. Они писали, что было бы более грубым и мучительным даже для постоянных посетителей премьер, если бы на экране разыгрывались страдания Христа во время распятия.

Мистер Колишер с явным удовольствием читал все эти отзывы. Он позаботился, чтобы они были перепечатаны и в огромном количестве распространены среди публики, чтобы та могла еще раз убедиться, как хорошо и умно мистер Колишер служит ее лучшим духовным интересам.

Вам, по всей вероятности, интересно узнать, что же случилось далее с Робертом Гери. В своих похвалах кинокартине «Спаситель» критики не обошли и его. Они все согласились, что Роберт Гери превзошел себя в нежном и чувствительном изображении Христа, и в один голос провозгласили его самой блестящей и, главное, немеркнущей кинозвездой нашего времени.

Но, увы, их пророчество не оправдалось.

После шумного успеха фильма «Спаситель» Роберта вскоре пригласила другая киностудия для участия в цветной кинокартине в роли обитателя одного из островов Тихого океана, занимающегося добыванием жемчуга. Однако предварительные пробы привели к тому, что Роберта пришлось исключить из состава исполнителей. Повторилось то, что в свое время поразило мистера Колишера,— Роберта не было на кинопленке.

Посреди недели ему прекратили выплачивать жалованье. Его контракт, один из самых блестящих в Голливуде, предусматривал, что он может быть расторгнут, «если на то будет воля господня». Хотя это была просто старинная юридическая формула, лишенная содержания, адвокаты Роберта, которым он рассказал свою историю, убедили его, что у него нет никаких шансов выиграть дело при судебном разбирательстве, поскольку он сам признает, что невидим на кинопленке вследствие знамения бога.

Хозяева студии нисколько не поверили божественной истории Роберта Гери, так как получили от исследовательского отдела подробное объяснение, почему он невидим на пленке. По заключению исследовательского отдела, это объяснялось избыточной радиоактивностью и фосфоресценцией его тела (далее тут же пояснялось, что этим, вероятно, обусловлено возникновение у него устойчивых галлюцинаций). Однако боссы решили, что им проще воспользоваться бредовым рассказом Роберта, чтобы прекратить платить ему по договору.

Роберта больше не приглашали сниматься в кино, но в течение нескольких месяцев он продолжал еще привлекать к себе внимание. Многие верующие приезжали к нему в санаторий и умоляли его совершить поездку по стране с выступлениями в каждом большом городе.

Эти набожные люди были искренне убеждены в полной истинности того, о чем рассказывал Роберт. А его невидимость на кинопленке должна была, по их мнению, подтвердить всем правдивость его рассказа о путешествии на небеса. Они убеждали Роберта, который, можно сказать, был, по существу, вторым сыном божьим, оставить санаторий, где он продолжал скрываться в уединении, и распространять среди людей свое божественное откровение. И уж, конечно, он, выдающийся киноактер своего времени, всегда соберет толпы слушателей на свои выступления.

Но Роберт, хотя он и считал, что всевышний осенил его, наотрез отказался покинуть санаторий. Он всегда испытывал страх перед публичными выступлениями. Один вид толпы, ожидающей его слова, приводил его в состояние окаменения, и он чувствовал, что у него высыхают мозги и язык прилипает к гортани. Нет, он не станет изображать из себя косноязычного мессию, не умеющего толком выразить свои мысли.

Было и еще одно обстоятельство, которое удерживало Роберта от поездки в проектируемое турне в качестве сына божьего. Ему не хотелось представляться Спасителем и возвещать его истины. Роберту, чью прямодушную простоту отметил сам всевышний, претило делать новую карьеру с именем бога. В нем заговорила обиженная гордость кумира, который не желал на обломках своей славы распространять славу другого.

Из всего того, что я описал, самое любопытное (по крайней мере для меня) — это печальное заключение, к которому невольно приходишь.

Боюсь, всем покажется, что любое вмешательство всевышнего в дела людей, хотя бы и в кино, ничего не сулит нам или попросту бесполезно. Аминь.

Перевел с английского Г. ЛЕВ.

АКТИВНЫЙ ПРОПАГАНДИСТ АТЕИЗМА

ОБШИРНА и разнообразна тематика издаваемого Институтом научного атеизма Словацкой академии наук в Братиславе двухмесячника «Атеизмус» (год основания — 1973) *. В каждом его номере публикуются статьи по теории и истории атеизма, о развитии антирелигиозного движения в Чехословакии и других странах. Здесь же читатель найдет материалы, дающие критический анализ различных религий как в историческом, так и в современном плане. Эти статьи в целом представляют собой серьезный вклад в марксистско-ленинское исследование проблем религии и атеизма.

Заметное место в журнале занимает анализ роли религии и церкви в истории чехословацкого народа, главным образом со времени образования буржуазной республики после первой мировой войны и в последующие годы. Актуальность темы определяется тем, что в силу исторических причин церковь, прежде всего католическая, занимала прочные позиции в стране, особенно среди крестьянства, на чем строили свои планы и чем широко пользовались как внешние, так и внутренние враги чехословацкого народа. В этих материалах раскрывается классовая сущность и природа клерикальных сил, противоборствовавших социалистическому пути развития.

«В историю народов Чехословакии, — отмечает, в частности, Феликс Вашечка в статье «Идеология и политика клерикализма» (1974, № 4—6), — клерикализм вписал самые черные страницы. Когда в 1938 году чехословацкая буржуазия приняла мюнхенский диктат и не защитила страну от фашизма, словацкий клерикализм выполнял функции могильщика чехословацкой государственности. В оккупированной Словакии было создано вассальное клерикал-фашистское государство... После победы социалистической революции католическая иерархия, не довольствуясь тем, что ей как конфессиональной организации была предоставлена полная свобода религиозной деятельности в рамках закона, продолжала активно поддерживать реакционные политические силы. Аппарат церкви в целом, особенно в 1949 году, стал потенциальным носителем политической реакции.. После политического поражения в 1949 году церковь избрала новую тактику: выжить с минимальными потерями, не отказавшись от мысли в подходящее для нее время пойти на открытое политическое выступление, направленное на изменение характера общества и государства. Такая попытка была предпринята католической церковью в 1956 году; активизировались церковники и в 1968 кризисном году. Католическая церковь стала тогда попутчиком ревизионистских и оппортунистических сил и в коалиции с ними участвовала в разрушении социалистической системы. Но если в 1949 году клерикализм выступал еще в своем старом вульгарном образе «негативного» антикоммунизма, то в 1968 году — уже в облике «позитивного» антикоммунизма, оперируя самыми утонченными социальными доктринами и становясь на путь политического злоупотребления религией».

Раскрывая негативную, в ряде случаев пагубную роль церкви в исторических судьбах Чехословакии, журнал «Атеизмус» вооружает пропагандистов теоретическим и фактическим материалом. Этой цели служат статьи, посвященные развитию атеистической мысли в Чехословакии, связям чехословацких атеистов с атеистами Советского Союза. В этой связи хотелось бы остановиться на статье Веры Худечковой «Участие словацких трудящихся в работе Союза пролетарских безбожников в 1918—1938 гг.» (1974, № 4).

В ней освещается история зарождения и развития научно-атеистического движения в довоенной Чехословакии. Эта тема тем более важна, что именно в Праге находился в 20-х годах руководящий центр международного атеистического движения — исполком Интернационала пролетарских свободомыслящих (ИПС), в который входили антирелигиозные объединения СССР, Чехословакии, Германии, Австрии, Польши и других стран.

Союз пролетарских безбожников был первой массовой пролетарской организацией в буржуазной Чехословацкой республике. В борьбе за преодоление религиозного мировоззрения он руководствовался марксистским пониманием классовой борьбы. Этот союз был тогда одним из тех массовых объединений, на которые опиралась Компартия в своей пропагандистско-агитационной работе среди трудящихся.

В. Худечкова пишет, что, в то время как в чешских промышленно развитых областях уже существовали сравнительно давние традиции буржуазного свободомыслия и антиклерикализма, в экономически и культурно отсталой тогда Словакии антиклерикальная мысль была представлена лишь немногими прогрессивными деятелями. Местные группы Федерации коммунистических просветительных организаций начали зарождаться здесь только в 20-х годах.

Автор напоминает, что в своей атеистической работе Федерация коммунистических просветительных организаций Чехословакии руководствовалась марксистским учением о религии. В апреле 1926 года Федерация была переименована в Союз пролетарских безбожников (СПБ). Его печатным органом стал «Маяк» — ранее орган Союза социалистических безбожников. Союз пролетарских безбожников вел кампанию против содержания духовенства за счет налогов, взимаемых с трудящихся, а также против проекта реакционного школьного закона, вскрывал пагубный характер влияния клерикалов на народное образование. Чехословацкие безбожники выступали и против конкордата, который власти подписали с Ватиканом и который закреплял за церковью привилегии, какими она не располагала даже в христианнейшей Австро-Венгерской монархии.

В. Худечкова подробно анализирует пропагандистскую и организационно-политическую деятельность СПБ, направленную на популяризацию положений марксистско-ленинской теории религии и атеизма, на высвобождение трудящихся из-под церковного влияния. «Маяк» публиковал тогда отрывки из трудов В. И. Ленина, сообщения о содержании состоявшихся или намечаемых лекций, статьи по проблемам научно-материалистического мировоззрения и т. д.

Сильной стороной СПБ была его тесная связь и сотрудничество с Союзом воинствующих безбожников СССР. Первые контакты между ними были установлены еще в 1925 году, когда представители атеистического движения Чехословакии посетили Советский Союз. В августе 1930 года, в самый разгар клеветнической кампании сил реакции и империализма против СССР, число атеистических групп в Чехословакии выросло до 550, а число членов СПБ — до 25 тысяч.

СПБ удалось перешагнуть рамки чисто антирелигиозной и антиклерикальной критики, он сочетал ее с пропагандой таких первоочередных политических задач, как борьба против реакции и фашизма, окончательное освобождение пролетариата. После запрещения СПБ (июль 1933 года) антирелигиозной

* Обзор первых номеров этого журнала см. в «Науке и религии», 1974, № 5.

работой стали заниматься непосредственно партийные организации.

О развитии научно-атеистической мысли и антирелигиозного движения в Чехословакии идет речь и в ряде других материалов «Атеизмуса», из которых прежде всего хотелось бы отметить содержательную статью Адольфа Мудруньки «Влияние советской политики в отношении религии и церкви на процесс формирования марксистско-ленинского атеизма в чехословацком пролетарском антирелигиозном движении 20-х годов» (1975, № 1).

В ней дается исторический обзор контактов СПБ с советскими безбожниками, связей между прогрессивной общественностью Чехословакии и молодой Советской республикой. Автор знакомит с той большой ролью, какую сыграла в конце 20-х—начале 30-х годов литература о политике марксистской партии по отношению к религии и церкви. В тот период вышла книга В. Ружицкого «Государство и церковь в СССР». По решению пражской сессии исполкома Интернационала пролетарских свободомыслящих в 1926 году была издана и книга «Ленин о религии». Журнал «Коммунистицке ревю» опубликовал работу Ленина «Социализм и религия», а журнал «Маяк» издал брошюру «Ленин о религия». В 1933 году издательство «Левый фронт» выпустило брошюру Й. Маевского «О культурном строительстве в СССР». Несколько ранее вышла брошюра Л. Грюнвальда «Марксизм и религия».

«Так что, — пишет А. Мудрунька, — чехословацкое рабочее движение, Коммунистическая партия сделали тогда достоянием широких масс основные теоретические работы В. И. Ленина о религии... Прогрессивная публицистика и литература о СССР, об осуществленном там принципиальном марксистско-ленинском решении вопросов, связанных с отношением социалистического государства и рабочей партии к религии и церкви, оказали в высшей степени положительное влияние на коммунистическое и атеистическое движение, на широкие демократические круги вообще. Своей последовательностью, принципиальностью и гуманностью в отношении религии и церкви советская политика оказывала также благотворное влияние и на позицию части демократической буржуазии. Многие представители буржуазной интеллигенции признавали, что эта политика, как, впрочем, и Октябрьская революция в целом, способствовала социальному и культурному прогрессу».

Положение и роль религии и церкви как в буржуазной Чехословакии в период между двумя войнами, так и позднее, вплоть до наших дней, анализируется на страницах журнала также в связи с процессами, происходящими внутри современного католицизма. К числу материалов такого рода относится, например, статья Франтишека Цинольдра «Социальная доктрина католической церкви и ее место в международной классовой борьбе» (1974, № 2).

«В условиях идеологической борьбы с антикоммунизмом, в частности с антикоммунизмом клерикального толка, — пишет автор, — необходимо уделять максимальное внимание социальной доктрине Ватикана... Научная марксистско-ленинская критика концепции католицизма позволяет раскрыть ее реальное значение и цели».

Ф. Цинольдр указывает, что социальная доктрина современного католицизма не является чем-то единым и цельным. Она внутренне глубоко противоречива, допускает двойственное толкование. Одновременно критикуя и защищая капитализм, эта доктрина не может игнорировать прогрессивных, левых течений в католическом мире, их участия в борьбе за мир и контакте с другими, некатолическими кругами мировой общественности. Вместе с тем, как и прежде, для социальной доктрины католицизма характерна антимарксистская направленность. В этой связи автор приводит недавнее высказывание ватиканской газеты «Оссерваторе Романо».

«Ничего не изменилось в отношении религии к коммунизму, — писала она, — и было бы ошибкой думать, что все документы собора и социальных энциклик изменили что-нибудь в этом плане. Они представляют собой полную противоположность коммунизму, даже если он в них и не назван».

Журнал помещает статьи, заметки, корреспонденции о формах и методах научно-атеистической пропаганды, формировании материалистического мировоззрения, особенно среди учащейся молодежи.

Заметное по объему и значению место на страницах «Атеизмуса» занимают статьи советских авторов — как специально для него написанные, так и переведенные из советских изданий, главным образом из сборников «Вопросы научного атеизма» и журнала «Наука и религия».

За последние два с половиной года «Атеизмус» опубликовал большую статью академика Б. М. Кедрова «Три союза в борьбе за марксистское мировоззрение» (1974, № 2), текст доклада профессора А. Ф. Окулова «Религия и атеизм в современной идеологической борьбе» (1975, № 5), прочитанного в Братиславе на симпозиуме «Идеология и политика клерикализма в Словакии в кризисные годы чехословацкого социалистического общества».

Среди переводов работ других советских ученых, напечатанных «Атеизмусом», статья Д. М. Угриновича «Религия без бога — миф или реальность?» (1974, № 5), Л. Н. Великовича «О так называемой энциклопедии современного атеизма» (1974, № 6), В. И. Добренько «Теология кризиса» как выражение кризиса протестантской теологии» (1975, № 5), М. М. Шейнмана «Голландский катехизис» (1975, № 1), В. Ф. Зыбковца «Проблемы атеизма и религиоведения в «Советской исторической энциклопедии» (1975, № 1, И. А. Крывелева «Атеизм Фридриха Энгельса» (1975, № 6), В. И. Носовича «Некоторые вопросы руководства процессом секуляризации в социалистическом обществе» (1975, № 3), «О функции религиозного культа» (1975, № 4) и «Проблемы атеистического воспитания молодежи» (1975, № 6), А. М. Хазанова «Католическая церковь и португальский колониализм в Африке» (1974, № 6), В. А. Брянова «О подготовке пропагандистов научного атеизма в вузах. Опыт университета имени С. М. Кирова в Алма-Ате» (1974, № 4), Л. П. Курпаковой «Осуществление в ГДР ленинского принципа сотрудничества марксистов и верующих» (1974, № 1) и ряд других материалов.

Публикуются в журнале также обзоры сборников «Вопросы научного атеизма» (1974, № 4) и рецензии на книги советских авторов.

Таким образом, вся практика и опыт этого журнала представляют собой один из примеров того идеологического сотрудничества с партиями стран социализма, о значительном расширении которого за последние годы говорил на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, отметивший, что «многие направления наук развиваются теперь коллективными усилиями ученых социалистических стран. Имеет место и полезное сотрудничество органов массовой информации — радио, телевидения, печати. Все это помогает поднимать уровень идейно-воспитательной работы в каждой из наших партий и успешнее выступать в идеологическом противоборстве двух социальных систем».

Нет сомнения, что сотрудничество советских и чехословацких ученых в области научного атеизма, как, разумеется, и в других областях науки и культуры, с каждым годом будет все более развиваться и крепнуть.

И. ДАВЫДОВ

КЛЕРИКАЛИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ НА СЛУЖБЕ АНТИКОММУНИЗМА

А. БАЛЬСИС,
кандидат исторических наук

В СОВРЕМЕННОЙ международной обстановке идеологи антикоммунизма ищут более изощренные, замаскированные формы манипулирования сознанием людей. В последнее время важным звеном в деятельности зарубежных антикоммунистических центров стала активизация пропагандистской кампании по разжиганию буржуазного национализма. «Именно на националистические тенденции, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев,—и в особенности те из них, которые принимают форму антисоветизма, буржуазные идеологи, буржуазная пропаганда охотнее всего делают ныне ставку в борьбе против социализма и коммунистического движения»[1]. Анализируя содержание зарубежной антикоммунистической пропаганды, рассчитанной на трудящихся нашей республики, первый секретарь ЦК Компартии Литвы П. П. Гришкявичус, выступая на ее XVII съезде (январь 1976 г.), подчеркнул, что «центры антикоммунистической пропаганды по-прежнему прилагают отчаянные усилия, стремясь опорочить социалистический общественный строй, извратить суть нашей демократии, противопоставить одни советские народы другим. Они пользуются всевозможными кривотолками ревизионистов, не брезгуют услугами реакционно настроенных эмигрантов и иных отщепенцев, вставших на путь предательства, прибегают к различной лжи и фальсификациям. Для разжигания националистических страстей наши идейные противники не прочь использовать даже чувства верующих, не говоря об отдельных экстремистски настроенных служителях культов. В этой связи совершенно недопустимо ни малейшее ослабление идейной и политической бдительности»[2].

Все новые успехи в развитии экономики, культуры, благосостояния трудящихся Советской Литвы, как и других братских советских республик, укрепляют в сознании людей убежденность в правильности и плодотворности национальной политики КПСС. Дружба советских народов, их взаимопомощь способствуют укреплению социалистического строя и гарантируют счастливую жизнь всем нациям и народностям Советской страны. В сознании людей вырабатывается противоядие к буржуазно-националистической пропаганде.

В. И. Ленин в свое время подчеркивал, как важно и поучительно «систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями» русской эмигрантской контрреволюции, изучать, «как они организуются и как пользуются тем или иным случаем»[3]. Эти ленинские мысли актуальны и сегодня в борьбе с международным антикоммунизмом, на службе у которого состоит литовская реакционная эмиграция. Наблюдения за тактикой ее различных группировок, знакомство с содержанием их идеологической деятельности способствуют выработке эффективных средств борьбы с буржуазно-националистической идеологией.

Факты свидетельствуют о том, что в современных условиях антикоммунистические эмигрантские организации прилагают много усилий, чтобы направить в общее антикоммунистическое, антисоветское русло национализм и католический клерикализм. Усилилась клерикализация литовского буржуазного национализма, начатая еще в буржуазной Литве.

В условиях развитого социализма, когда у большинства трудящихся Советской Литвы сформировались новые, основанные на социалистической идеологии черты сознания, клерикализация националистических взглядов призвана маскировать явный национализм, чтобы облегчить его протаскивание в сознание верующих. При этом— в надежде на то, что таким образом удастся удержать в сфере религиозного влияния тех людей, интернационалистические убеждения которых еще недостаточно прочны, — односторонне раздуваются и клерикализуются оторванные от экономической и политической реальности элементы национального и патриотического самосознания.

Клерикальные пропагандисты утверждают, что в дальнейшем «нация и религия должны так срастись в одно целое, чтобы оно выглядело, как здоровое яблоко, способное дать хорошие семена для будущих деревьев»[4]. Религия при этом совершенно неправомерно изображается как неотъемлемый компонент духовной жизни литовской нации, ее национальной самобытности, национальной психологии, включается в сферу национальных чувств и противопоставляется научно-атеистической пропаганде как защитница некоего абстрактного «литовства»[5]. С дру-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 21.
[2] «Советская Литва». Вильнюс, 21 января 1976 г.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 40.
[4] «Mano pasauležiura». Chicago, 1958, p. 16.
[5] Литовство — перевод литовского слова «лиетувибе», которое в литературе литовской буржуазной эмиграции употребляется в смысле совокупности односторонне абсолютизированных литовских национальных атрибутов.

гой стороны, научный атеизм — антипод религии — изображается как антинациональное явление, как новая религия, основанная на вере в земное, которая используется как орудие русификации. «Русский коммунизм, — утверждается в «Трудах съезда Литовской католической академии наук» [6], — особенно непримирим к тем религиозным символам, которые связаны с национальными» [7]. Эмигрантский католический журнал «Айдай», выходящий в Нью-Йорке, распространяет вымыслы о жестоком преследовании религии в Прибалтике и особенно в Литве во имя атеистического коммунизма с целью ослабить национальную устойчивость. До тех пор, пока человек сохраняет веру в бога, он, по мнению авторов «Айдая», не воспримет коммунистических идей, которые-де не выражают интересов нации. Подобные пропагандистские измышления клерикалов основываются на ложных гносеологических принципах подхода к нации и на превратном, фальсифицированном в угоду антикоммунизму толковании явлений социалистической действительности.

«Взаимообогащение» католического клерикализма и буржуазного национализма осуществляется путем клерикализации национализма, с одной стороны, и внесения элементов национализма в религиозное сознание — с другой.

Грубое извращение клерикалами марксистско-ленинского принципа отношения Коммунистической партии к религии имеет давнюю историю. Современные политические клерикалы придают националистический уклон избитым старым стереотипам, изображая дело так, будто в Советском Союзе атеизм направлен на борьбу в первую очередь с религиозными верованиями нерусских народов, чтобы устранить такие источники национальной устойчивости, какими якобы являются католицизм, ислам и т. д. Клерикалов дополняют буржуазные националисты, которые фальсифицируют национальную политику Коммунистической партии и принципы взаимоотношений советских народов.

Многие клерикальные идеологи изображают научный атеизм как искусственно созданное явление, используемое Коммунистической партией в конъюнктурных целях, отрицают его научное содержание, историческую и социальную обусловленность, а его распространение среди трудящихся Советской Литвы объявляют результатом будто бы насильственных мер, направленных на подрыв сложившегося, по их мнению, на религиозной основе единства литовского народа, на ликвидацию религиозности как важнейшего компонента литовской национальной самобытности. В клерикальной эмигрантской печати научный атеизм шельмуется как антинациональное явление, а атеистическая пропаганда — как антипатриотическое дело.

Однако подобное истолкование отношения Коммунистической партии к религии и церкви опровергается как программными положениями КПСС, так и самой социалистической действительностью. С помощью атеистической пропаганды партия ведет идейную борьбу не с какой-то определенной религией, а со всяким религиозным мировоззрением вообще как с антинаучной системой взглядов, дающей ложную ориентацию в познавательной и практической деятельности. Это ленинское положение строго соблюдается в практической работе по формированию научного мировоззрения советских людей всех национальностей. Партия идейными средствами борется за преодоление превратных, антинаучных представлений о социальной действительности, за преодоление стереотипов мышления, основанных на национальной ограниченности и предвзятости.

В Отчетном докладе на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев отмечал, что в результате проводимой партийными организациями большой работы по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся «изживаются отдельные проявления национализма и шовинизма, факты неклассового подхода к оценке исторических событий, проявления местничества, попытки воспевать патриархальщину. Все это нашло глубокое понимание и поддержку трудящихся, положительно повлияло на дальнейшее укрепление дружбы и братства народов нашей страны».

Разоблачая фальсификацию клерикальными националистами роли научного атеизма в Советском Союзе, литовские советские ученые и публицисты показывают историческую и социальную обусловленность научного атеизма как течения общественной мысли и неотъемлемого компонента духовной жизни социалистического общества, подчеркивая, что ему чужды какие-либо узкоконъюнктурные цели. В общем контексте диалектического и исторического материализма научный атеизм решает специфическую конкретную задачу: доносит до сознания людей такую сумму знаний о природе и обществе (естественнонаучных, философских, политических, экономических, этических и других), которые опровергают превратную религиозную интерпретацию действительности и научно объясняют целый комплекс проблем, мистифицированных религией. В центре внимания научного атеизма — современный человек: верующий, освобождающийся или уже освободившийся от религиозных взглядов и жаждущий научно обоснованных ориентаций и программы действий.

Научный атеизм ведет непримиримую идейную борьбу с религией во всех сферах ее влияния и активизирует свое воздействие в таком направлении и в зависимости от того, какой круг мировоззренческих вопросов в первую очередь подвергается превратному религиозно-идеалистическому толкованию, какие мировоззренческие проблемы в конкретных исторических условиях становятся объектом наиболее острой идеологической борьбы. При этом научный атеизм также разоблачает политический клерикализм как союзника империалистической реакции.

Одной из форм подготовки сознания людей для восприятия клерикализированного национализма являются попытки католических идеологов и проповедников навязать свои антиисторические, идеалистические взгляды о какой-то «благородной», «мессианской» роли католицизма в истории ряда наций, в том числе и литовцев.

В работах литовских советских историков, философов и публицистов убедительно показана научная несостоятельность подобных притязаний католических авторов. Исторические факты свидетельствуют, что отношение католицизма к литовским национальным институтам в конкретных исторических условиях было противоречивым. До конца XIX века Ватикан отрицательно относился к национальным движениям народов и интересам наций. В его документах, например в «Инструкции нунциям» (1887 г.), утверждается, будто применение национального принципа к существующим государствам явилось бы возвращением к временам варварства. Тогдашние католические идеологи предлагали народам

---

[6] Так именуется общество, объединяющее около 200 представителей эмигрантской клерикальной интеллигенции, основанное в Риме в 1954 г.

[7] «Lietuviu kataliku mokslo akademijos suvažiavimo darbai», t 6. Roma, 1969, p. 309.

удовлетворять свои национальные потребности в рамках тех государств, в которых они живут. Литва, конечно, не была исключением из этого правила. К национально-освободительному движению конца XIX века литовская католическая церковь относилась с недоверием.

В годы господства литовской буржуазии (кстати, до июня 1926 года страной правил блок клерикальных партий) идеологи католической церкви, постепенно приспосабливая ее деятельность к интересам буржуазного государства, стали обосновывать единство, идентичность национального и религиозного.

В свою очередь буржуазные идеологи формулируют требование подчинить католическую церковь интересам правящей буржуазии, придать церковной атрибутике национальный оттенок, объединить национальные символы с религиозными, поставить католическую церковь на литовскую почву, чтобы она влияла не только на религиозные чувства, но и на национальное сознание. В уставе правящей партии таутининков было записано, что отношения между церковью и государством должны строиться на взаимном уважении и поддержке. Литовская нация, подчеркивалось в этом уставе, будет процветать до тех пор, пока литовец будет глубоко чувствовать роль религии в жизни народа [8].

Укрепление союза католической церкви с буржуазно-фашистским режимом в Литве вытекало из классовой потребности националистов и клерикалов объединить усилия для борьбы с активизирующимся революционным движением трудящихся, с распространением марксистско-ленинских идей и т. д. В этих обстоятельствах буржуазные круги и католический клир объединились на основе антикоммунизма и антисоветизма.

Идеологическим ядром национализма в буржуазном литовском государстве были антикоммунизм, направленный главным образом против возглавляемого Коммунистической партией революционного движения, которое объединяло трудящихся всех национальностей. Компартия Литвы противопоставляла буржуазно-клерикальной обработке умов в духе «надклассового» единства нации пропаганду идей пролетарского интернационализма, научного, материалистического понимания социальных процессов и целей революционной борьбы рабочего класса.

Буржуазные же националисты внедряли в массовое сознание взгляды, дискредитирующие жизнь в Советском Союзе. Именно антикоммунистическое ядро национализма привлекло внимание католической церкви. Религиозные элементы, влившиеся в национализм, усиливали его реакционность, так как ставили идеологические и психологические преграды на пути проникновения в сознание людей прогрессивных духовных ценностей, имеющих интернациональное значение, и в первую очередь — на пути проникновения в Литву советских социалистических духовных ценностей.

Идейный союз католицизма с национализмом на основе антикоммунизма и антисоветизма особенно ярко проявлялся в годы гитлеровской оккупации и был продолжен в условиях классовой борьбы в Советской Литве в первые послевоенные годы, когда значительная часть католического духовенства идеологически и организационно поддерживала националистические группы, боровшиеся против Советской власти.

В условиях победившего социализма основная часть католического духовенства Литвы заняла лояльные позиции по отношению к Советской власти. И хотя в церковных проповедях иногда и внушается мысль о каком-то «органическом единстве» религиозных и национальных элементов, однако большинство духовенства при этом уже, как правило, не пропагандирует буржуазно-националистические взгляды. Его представители нередко сами публично высказывались против национализма. Ксендз Вевисского прихода (Тракайский район) Ч. Каваляускас, например, направил письмо в прогрессивную газету литовских эмигрантов в США «Лайсве» («Свобода»), в котором резко критиковал ватиканское радио за использование передач на литовском языке в антисоветских и буржуазно-националистических целях. «Мы не верим политиканам, — писал он, — которые, прикрываясь религиозной фразеологией, добиваются узконационалистических целей и, в конце концов, служат монополистическому капиталу» [9].

Главным источником клерикализированных буржуазно-националистических взглядов в наши дни является реакционная литовская эмиграция. Ее издания поднимают шум вокруг «положения католической церкви» в Советской Литве. Цель этой идеологической диверсии — восстановить верующих против советского строя, оживить пережитки национализма.

В постановлении Бюро ЦК Компартии Литвы «О роли научно-атеистической пропаганды в формировании материалистического мировоззрения работников производственного объединения «Дробе» подчеркивается, что религиозные взгляды нередко тесно переплетаются с другими реакционными пережитками прошлого. Этим пытаются воспользоваться эмигрантские буржуазно - националистические клерикальные круги. Поэтому, отмечает Бюро ЦК Компартии Литвы, необходимо аргументированно и принципиально критиковать политический клерикализм, решительно разоблачать попытки клерикалов представить в извращенном свете социалистическую действительность, давать отпор их клеветническим выпадам против гуманизма нашего строя, против советского законодательства о религиозных культах, представляющего собой наиболее полное воплощение общедемократических принципов свободы совести. Бюро ЦК Компартии Литвы поставило перед идеологическими работниками республики задачу принципиально разоблачать попытки буржуазно-националистических и клерикальных кругов литовской эмиграции изображать религию и церковь выразителями национальных интересов, подчеркнуло необходимость наглядно показывать, что, с одной стороны, религиозность фактически используется для прикрытия национализма, а с другой — ей самой пытаются придать националистический оттенок [10].

Наша атеистическая пропаганда разоблачает рекламируемые эмигрантской реакционной прессой и в передачах Ватиканского радио на литовском языке мнимые заслуги католицизма перед литовской нацией, попытки этих недругов народа трактовать религиозность как какую-то неотъемлемую черту духовного мира литовцев, а атеизм — как некий чуждый национальным интересам, привнесенный извне элемент. В работах литовских советских философов не раз убедительно доказывалось, что клерикально-националистическая идеализация роли католицизма в жизни литовской нации не соответствует ни исторической, ни современной действительности и направлена против прогрессивного развития литовской социалистической нации.

Между религиями и нациями существуют исторически сложившие-

---

[8] «Lietuvlu tautininku sajungos istatai». Kaunas, 1934, p. 29,33.
[9] «Laisve». New York, 31 VIII, 3, 10 IX 1971.
[10] См.: «Вопросы идеологической работы». Вильнюс, 1975, стр. 106.

ся объективные взаимосвязи. Функционируя в определенной социальной и национальной среде, церковь усваивает национальные традиции, элементы культуры и вынуждена пользоваться национальным языком и другими национальными формами. Приспосабливаясь к народным традициям и культуре и пользуясь поддержкой правящих эксплуататорских классов, религия влияет на формирование определенного общественного мнения, внедряет свои стереотипы мышления, накладывает свой отпечаток на развитие духовной жизни нации. Претендуя на монополию в вопросах мировоззрения, католицизм всячески препятствовал развитию демократических светских элементов литовской культуры, облекая одни из них в мистико-религиозную оболочку, а другие и вовсе отвергая.

Тем не менее католицизму никогда не удавалось полностью подчинить себе духовную жизнь литовского народа. Прогрессивные идеи свободомыслия и атеизма активно противостояли религиозным взглядам во всех сферах общественной мысли. Атеизм и свободомыслие составляют неотъемлемую часть литовской национальной культуры прошлого и сыграли важную роль в подготовке почвы для восприятия диалектико-материалистических идей.

Научный атеизм бережно относится к гуманистическим ценностям культуры, даже если они связаны с религией. К культурным ценностям народа атеизм подходит исторически, снимая с них мистическую оболочку, раскрывая обстоятельства их создания и действительный смысл, строго соблюдая марксистско-ленинский принцип культурной преемственности.

Всесторонний расцвет социалистических наций в Советском Союзе наглядно свидетельствует о беспочвенности претензий церкви на роль творца и хранителя культурного наследия прошлого. Чем выше образование, культурный уровень людей, тем больше потенциальные возможности для создания ценностей культуры. Но все эти факторы ведут к отмиранию религии и формированию научно-материалистического мировоззрения. Избавление от религиозных взглядов и убеждений способствует активизации общественной жизни, выбивает почву из-под ног клерикальной реакции, пытающейся закрепить или оживить реакционные пережитки прошлого в сознании трудящихся нашей страны.

г. Вильнюс

Как известно, осенью прошлого года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую сионизм как форму расизма. В редакцию поступают письма, в которых читатели просят разъяснить, как правящие сионистские круги Израиля используют вероучение иудаизма и клерикализм в своей расистской, губительной в конечном счете для самого еврейского населения этой страны политике. Публикуемая ниже статья проливает свет на эту сторону сегодняшней израильской действительности.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ТОРЫ

Г. БАКАНУРСКИЙ,
кандидат философских наук

Израиль — одна из немногих капиталистических стран, где сращивание религии и буржуазной политики даже не пытаются скрыть и где клерикальное принуждение распространилось, по сути дела, на все население, в том числе и нерелигиозное. В Израиле не только официальная идеология, но и практическая политика государства как внутри страны, так и вне ее опирается на сионистско-клерикальные доктрины. С другой стороны, воинствующий клерикализм питает расистские, шовинистические идеи сионизма. Клерикалы составляют органическую часть правящей верхушки страны, которая уже около 30 лет проводит аннексионистскую политику в отношении арабских народов.

В октябре 1974 года главный раввин ашкеназийской общины Израиля (ашкенази — евреи европейского происхождения) Шломо Горен, до недавнего времени возглавлявший раввинат израильской армии, устроил молебен в память жертв октябрьской войны 1973 года. Молитва, которая прозвучала во время синагогальной службы, отнюдь не была призывом к миру; ее содержание заключалось в обращении к «богу израильского воинства» с просьбой окончательного уничтожения «всех врагов до единого во имя Израиля» [1].

«Существующий в стране религиозный диктат, — отмечается в Резолюции XVII съезда Коммунистической партии Израиля (июнь 1972 г.), — серьезно ограничивает права граждан, нарушает свободу совести, тяжело отражается на положении женщины, затрагивает ее элементарные человеческие права... Различные факты показали, что господство средневековых религиозных законов в израильском обществе приводит к самым пагубным результатам» [2].

В последнее время, особенно с момента выборов израильского парламента (кнессета) в декабре 1973 года, влияние клерикалов в стране еще более возросло. Какие же события способствовали этому, кто помог «успехам» реакционных клерикалов и несет прямую ответственность за усиление их влияния?

Серьезный кризис, который переживает израильское общество во всех сферах социально-политических отношений, в особенности после октябрьской войны 1973 года, отразил всю пагубность аннексионистской политики сионистского руководства. В период последних выборов кнессета он породил сложную политическую ситуацию, отмеченную резким обострением соперничества в борьбе за власть между так называемой «Партией труда» и блоком крайне правых партий «Ликуд». Острота полити-

[1] "Israel and Palestine". Paris, October — November 1974, № 33, p. 7.
[2] «XVII съезд Коммунистической партии Израиля». М., 1973, стр. 160.

ческого момента усугублялась тем, что парламентские позиции «Партии труда» и ее традиционного партнера по правительственной коалиции «Национальной религиозной партии» (НРП) в итоге прошедших выборов оказались ослабленными. Безрассудность авантюристической аннексионистской политики, со всей очевидностью проявившаяся в крушении мифа о непобедимости израильской армии в октябрьских боях 1973 года, растущая изоляция Израиля на внешнеполитической арене, трудности экономического порядка, которые сионистские правители целиком переложили на плечи трудящихся,— все это привело к отказу части избирателей от прежней поддержки партий правительственного блока и потере последними депутатских мест в парламенте.

В сравнении с выборами 1969 года «Партия труда» в декабре 1973 года потеряла 5 мандатов и из 120 депутатских мест в кнессете заняла только 51. «Национальная религиозная партия» получила 10 мест, потеряв 2 депутатских мандата. Что касается блока «Ликуд», то ему удалось несколько расширить свое участие в парламенте и получить 39 мандатов против 32 в 1969 году.

Подобное перераспределение голосов отнюдь не означает действительного поправения определенной части рядовых избирателей. Голосуя за кандидатов «Ликуда», они не столько выражали поддержку крайне правой реакции, возглавляемой партией «Херут» — главной силой «Ликуда», сколько отвергали обанкротившуюся политику «Партии труда», которая находится у власти в Израиле уже более четверти века.

Не опираясь после декабрьских выборов 1973 года на парламентское большинство, лидеры «Партии труда» развернули лихорадочную деятельность по сколачиванию коалиционного правительства. Первым шагом в этом направлении явилось их предложение руководству НРП войти в правительство. Подобная коалиция, ставшая уже традиционной, на сей раз была особенно необходима «Партии труда», так как давала ей возможность расширить свою парламентскую базу до 61 голоса, то есть заручиться поддержкой более пятидесяти процентов депутатов. Но тут НРП вдруг отказалась войти в новое правительство. В этих условиях лидеры «Партии труда», не отказываясь от коалиции с НРП, зарезервировали за ней три министерских кресла и держали их вакантными до ноября 1974 года, когда торг двух традиционных партнеров — «Партии труда» и НРП — закончился заключением сделки.

Какие же причины определили позицию НРП — основной клерикальной политической силы в Израиле, без участия которой не обходилось ни одно правительство страны за весь период существования этого государства?

Отказ НРП от участия в правительстве, который — как теперь стало ясно — представлял собой не что иное, как ловко разыгранный фарс, преследовал определенную политическую цель: используя результаты выборов в кнессет, добиться от руководства «Партии труда» еще более широкой поддержки клерикализма в стране. Обращая себе на пользу перипетии буржуазной парламентской борьбы за власть, НРП стремилась компенсировать собственные неудачи на выборах и превратить свое поражение в победу клерикализма в целом.

Факты израильской действительности свидетельствуют, что, несмотря на засилье клерикалов в стране и ту поддержку, которой они пользуются со стороны сионистского руководства, недовольство трудящихся, в том числе и верующих, сращиванием сионистского государства и синагоги начинает проявляться во все возрастающих размерах и принимает зачастую организованные формы антиклерикальных движений. В этой связи любопытно сопоставить число верующих в стране и процент голосов, получаемых религиозными политическими партиями на парламентских выборах.

По данным буржуазных исследователей, 20 процентов израильтян полностью выполняют предписания иудейской религии. Частично, в той или иной мере, они выполняются еще 30 процентами граждан еврейского происхождения. Другая половина еврейского населения Израиля вообще никакого отношения к религии не имеет и определяется буржуазными исследователями как секуляризованная [3]. Разумеется, буржуазная статистика отвлекается от такого немаловажного фактора, как конформистское соблюдение религиозных обрядов, с которым господствующий класс сплошь да рядом связывает не только этническо-культурную идентификацию личности, но и ее социально-политические характеристики. Но и в этом случае несомненно, что сфера религиозного воздействия в Израиле все еще значительна. И тем не менее за религиозные партии на выборах кнессета голосует не так уж много верующих. Так, кандидаты НРП за всю историю израильских парламентских выборов никогда не получали поддержку более 10 процентов избирателей (1973 г. — 8,7 процента) [4].

Аналогичным образом обстоит дело с поддержкой избирателями «Религиозного фронта Торы» — другой клерикальной политической организации, представляющей собой блок двух ультраортодоксальных партий: «Агудат Исраэл» и «Поалей Агудат Исраэл». Эти партии до образования государства Израиль в 1948 году выступали с антисионистских позиций и связывали возрождение еврейского государства в Палестине с иудейским мессианизмом. В последующие годы их политическое кредо существенно изменилось, и ныне если и можно обнаружить противоречия между сионистским руководством и этими партиями, то только в том отношении, что последние ставят перед собой цель превращения Израиля в откровенную теократию. «Поалей Агудат Исраэл» неоднократно входила в состав правительственной коалиции, позабыв свои былые распри с сионистским движением. «Религиозный фронт Торы» никогда не собирал больше 5,6 процента голосов на выборах кнессета (1973 г. — 4 процента) [5].

Таким образом, несмотря на то что по данным самих сионистских авторов число последователей иудейской религии в Израиле составляет примерно около половины еврейского населения [6], клерикальные политические партии даже в «лучшие времена» не собирали более 15,5 процента голосов избирателей. Эти цифры убедительно свидетельствуют, что не только секуляризованные слои населения, но и значительное количество верующих в Израиле не поддерживают как использования иудейской религии в интересах сионизма, так и претензий реакционных церковников на ведущую роль синагоги в политической и общественной жизни страны.

---

[3] S. Clement Leslie. The Rift in Israel. Religious Authority and Secular Democracy. London, 1971, p. 72.

[4] E. Birnbaum. The Politics of Compromiss: State and Religion in Israel. Cranbury, New Jersey, 1970, p. 317; "Israel and Palestine", January 1974, № 26, p. 2.

[5] Ibid.

[6] В 1973 году еврейское население Израиля составляло 2803 тысячи человек («Фолк ун Цион». Иерусалим, № 5, январь 1974 года; на языке идиш).

Антиклерикальные настроения стали проявляться в Израиле с первых лет его существования. Уже в июне 1950 года в стране возникла «Лига защиты от религиозного принуждения». Не ставя перед собой цели борьбы с религией вообще, эта организация выступает за гражданский брак (по закону 1953 г. «О браке и разводе» вся совокупность семейно-брачных отношений была полностью передана сионистами в руки раввинов и религиозных судов), за «снижение до минимума религиозных ограничений и принуждения в жизни граждан страны» [7].

Эхо антиклерикальных тенденций отозвалось в рядах самой НРП. В начале 1966 года ее член профессор иерусалимского «Еврейского университета» Э. Урбах с группой сторонников из числа рядовых членов партии объявил о своем выходе из НРП и о создании антиклерикального «Еврейского движения Торы», целью которого является «деполитизация раввинских учреждений и религиозных школ и обеспечение свободы религии» [8].

Особенное недовольство определенной части верующих, не говоря уже о значительных слоях безрелигиозного населения Израиля, вызывает экстремистская позиция руководства НРП в вопросах внешней политики. Так, группа иудаистов опубликовала заявление, в котором протестует против аннексионистских устремлений лидеров НРП, «обосновывающих» территориальные притязания на захваченные арабские земли ссылками на Ветхий завет [9].

Растущее недовольство сращиванием религии и государства, которое проявилось в результатах последних парламентских выборов, сокративших число депутатских мест партнеров правящей коалиции — «Партии труда» и «Национальной религиозной партии», вынудило первую из них ввести в правительство представителя «Движения за гражданские права». Эта группа, возглавляемая Шуламит Алони, занявшей в новом правительстве пост министра без портфеля, ратует за «ослабление религиозного гегемонизма в вопросах, касающихся личности, реорганизацию израильской избирательной системы и освобождение женщины» [10].

Это вовсе не означает намерения правящей «Партии труда» положить конец засилью клерикализма в стране или хотя бы ослабить его. Сионистской идеологии и политике, как и другим проявлениям реакционного буржуазного национализма, союз с религией необходим как воздух, ибо в религии, главным образом, сионизм черпает «обоснование» своих антинаучных, реакционных доктрин. Без нее не только идея «всемирной еврейской нации» — основа основ сионистской идеологии, но и экспансионистская политика, связываемая с библейской концепцией «великого Израиля» с границами от Нила до Евфрата, теряют почву под ногами [11]. «Если... раввинский обскурантизм торжествует в Израиле, — справедливо подчеркивает один из противников сионистско-клерикального альянса Н. Вайншток, — то это только потому, что сионистская мистика повисает в воздухе, если она не опирается на иудейскую религию» [12].

Перед лицом явно нарастающих антиклерикальных настроений руководство НРП, используя политическую обстановку после парламентских выборов в декабре 1973 года, перешло в решительное наступление. В качестве условий для своего участия в правительстве НРП потребовала, во-первых, создания кабинета «национального единства» с участием правого блока «Ликуд»; во-вторых, аннексии захваченных земель, в первую очередь на западном берегу реки Иордан. Этот район объявлялся «исторической землей Израиля» и не подлежал возврату арабам даже в том случае, если от этого зависел мир на Ближнем Востоке. Третье требование сводилось к внесению поправок в законодательство о гражданстве, согласно которому лицо нееврейского происхождения признается евреем лишь в случае перехода в иудейскую веру.

Последнее требование клерикалов нуждается в некотором пояснении. Дело в том, что по так называемому «Закону о возвращении», принятому в Израиле в начале 50-х годов, переезд туда влек за собой автоматическое предоставление гражданства только лицам еврейского происхождения. В связи с применением этого закона встала проблема — кого следует считать евреем. В феврале 1970 года клерикально-сионистская верхушка протащила через кнессет специальный закон, по которому еврейская принадлежность определялась по материнской линии, а также по иудейскому вероисповедному признаку. Закон 1970 года санкционировал многолетнюю практику, в которой проявлялось единство расистских постулатов сионизма и требований иудейских клерикалов. Как справедливо отмечено в документах XVII съезда Компартии Израиля, «установление тождества понятий «еврейская религия» и «еврейская национальность» в законе, принятом в феврале 1970 г., представляет собой реакционный, расистский акт» [13].

Но израильским клерикалам, стремящимся еще больше расширить сферу действия ортодоксального религиозного законодательства, показалось мало этого закона, и они потребовали, чтобы обращение в иудаизм признавалось основанием для приобретения израильского гражданства только в том случае, если оно было совершено раввинами ортодоксального, а не реформированного или консервативного направлений [14]. В самом Израиле раввины, возглавившие несколько реформированных и консервативных синагог, которые возникли там после 1958 года и объединили часть иммигрантов из западных стран, главным образом из США, лишены права обращать в иудаизм и вообще, в отличие от раввинов-ортодоксов, не обладают государственно-правовым статусом. Состоявшаяся в марте 1971 года в Иерусалиме конференция американских консервативных раввинов вынуждена была отметить факты религиозной нетерпимости в Израиле и потребовать равных прав для всех представителей иудаизма [15].

Как же отнеслось сионистское руководство правящей «Партии труда» к этим претензиям реакционных клерикалов? Ее верхушка, во главе которой до мая 1974 года стояла Голда Меир, не согласилась включить в состав правительства представителей блока «Ликуд». Это произошло не потому, что политика «Партии труда»

---

7 S. N. Eisenstadt. Israel Society. London, 1970, p. 320.

8 E. Birnbaum. Op. cit., p. 286.

9 "Israel and Palestine", July 1974, № 30, p. 6.

10 "The Israel Digest", vol. XVII, June 7 1974, № 12, p. 3.

11 Более подробно о союзе сионизма и иудейской религии см. статью Г. Баканурского «Рука об руку». «Наука и религия», 1971, № 1 (прим. ред.).

12 N. Weinstock. Le sionisme contre Israel. Paris, 1969, p. 315.

13 «XVII съезд Коммунистической партии Израиля», стр. 160.

14 Характеристику направлений иудейской религии см. в брошюре Г. Баканурского «Иудейский клерикализм». М., 1974, стр. [illegible] (прим. ред.).

15 «Новости еврейской культуры». Иерусалим, 1971, № 1, стр. 34 (на русском языке).

и «Ликуда» существенно отличается в своей основе — фундаментом политической программы обоих партийных объединений являются расизм, шовинизм и агрессия. Дело в том, что включение «Ликуда» в правительство означало бы появление в правящей коалиции сильного политического соперника в борьбе за власть и могло бы подорвать руководящую роль «Партии труда» в этой коалиции. Кроме того, отвергая коалицию с «Ликудом», верхушка «Партии труда» вынуждена была считаться с настроениями рядовых избирателей, большинство которых справедливо связывает с «Ликудом» тенденции к подавлению остатков буржуазно-демократических свобод и установлению откровенной фашистской диктатуры.

Что касается второго требования НРП, отражающего намерения сионистско-клерикальной верхушки Израиля увековечить захват арабских земель, то руководство «Партии труда» заявило о своем полном согласии с НРП и подчеркнуло при этом, что даже если вывод израильских войск с западного берега реки Иордан и района Газы будет предусмотрен соглашением с арабскими странами, то и в этом случае он не осуществится до момента его ратификации на следующих всеобщих выборах [16].

Такое же единодушие было проявлено и по третьему пункту требований НРП. Верхушка «Партии труда» в принципе согласилась с тем, что «обращение в иудаизм должно происходить на основе раввинистического законодательства» [17]. Лидеры «Партии труда», кроме того, приняли на себя роль посредника между ортодоксами, с одной стороны, и зарубежными реформистами и консерваторами — с другой, предложив последним еще до выработки согласованного решения совершать обряд перехода в иудаизм «только в соответствии с Галахой (талмудический кодекс. — **Г. Б.**) — насколько это возможно — с согласия и при участии ортодоксального раввината» [18].

Принятие сионистским руководством Израиля всех требований реакционных церковников, за исключением первого, которое отпало само собой ввиду отказа «Ликуда» войти в правительство, означало дальнейшее сращивание государства и синагоги, серьезное укрепление позиций клерикализма в стране.

Оставляя незанятыми ответственные министерские кресла, лидеры израильского правительства не сомневались в том, что «оппозиция» НРП не имеет под собой серьезных оснований — ни идеологических, ни политических. Уже в парламентской речи при утверждении правительства в июне 1974 года, а также в последующих заявлениях премьер-министр Рабин и другие министры от «Партии труда» подтвердили курс на дальнейшую милитаризацию Израиля. На фоне продолжающейся шовинистической политики руководства «Партии труда», оборачивающейся наступлением на жизненные права трудящихся и активизацией всякого рода реакционных сил, в том числе и клерикальных, «оппозиция» НРП не имела никакого смысла и ее продолжение могло нанести ущерб далеко идущим планам дальнейшей клерикализации жизни в Израиле. Обстановка в стране подсказывала лидерам НРП, что пора кончать затянувшуюся политическую комедию и возвращаться в правительство, в котором уже на протяжении четверти века клерикалы в союзе с сионистами проводят единую политику. В ноябре 1974 года Рабин объявил в кнессете, что НРП отказалась от «оппозиции» и в состав кабинета включены три ее представителя.

Политическая обстановка, сложившаяся в Израиле в результате последних парламентских выборов в декабре 1973 года, а главное — поражения в октябрьской войне 1973 года, способствовала укреплению позиций клерикальных сил. Однако это вовсе не означает расширения социальной базы, на которую опираются клерикалы. Наоборот, количество их сторонников неуклонно уменьшается, а ряды противников клерикальной политики растут, вбирая в себя значительные слои верующих. Клерикальные партии и организации, эксплуатирующие религиозные чувства трудящихся, их суеверия и предрассудки, не могут бесконечно опираться на широкую поддержку верующих масс, ибо социальный облик последних не совпадает с целями клерикальной политики. По мере того как простые люди в Израиле осознают антинародный характер сионистской политики, они начинают отворачиваться и от клерикалов, стремящихся подчинить религию интересам сионизма.

При этом союз клерикальных сил с сионизмом усиливается в той мере, в какой возрастает сопротивление трудящихся сионистско-клерикальной политике, отстаивающей интересы империалистических кругов. К современному Израилю полностью применимы слова В. И. Ленина, который указывал, что в развитии капитализма «наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство» [19].

В авангарде антиклерикальных выступлений демократических сил Израиля идет Коммунистическая партия.

В документах ее XVII съезда глубоко вскрыта реакционная роль клерикализма в структуре сионистской идеологии и политики. Вместе с тем материалы съезда подчеркивают, что перемещение клерикальных сил, в частности НРП, в лагерь крайне правой реакции делает еще более очевидными их антинародные цели и не только сужает, но и расшатывает изнутри их социальную базу.

«Религиозное насилие в Израиле резко ограничивает гражданские права, наносит удар по свободе совести, а также по положению женщины и ее элементарным человеческим правам, — говорится в документах XVII съезда Компартии Израиля. — Долг всех демократических сил нашей страны добиваться введения гражданской конституции, отделения религии от государства, предоставления гарантий свободы совести и вероисповедания, принятия гражданских и демократических бракоразводных законов» [20].

Недовольство народных масс засильем клерикализма в Израиле все теснее смыкается с их выступлениями против антинациональной политики правящих сионистских кругов, несущих главную ответственность за создание в стране обстановки религиозной нетерпимости и принуждения.

г. Одесса

---

[16] "The Israel Digest", vol. XVII, № 5, March 1, 1974, p. 1.
[17] Ibid.
[18] Ibid.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 166.
[20] «XVII съезд Коммунистической партии Израиля», стр. 33.

ТРУДНЫЕ БУДНИ

НАШ ЖУРНАЛ уже писал о борьбе против религиозного засилья, о пропаганде научно-материалистического мировоззрения, светской культуры и обрядности, которую ведет стоящий на марксистских позициях западногерманский Союз свободомыслящих — достойный наследник боевых традиций Союза пролетарских свободомыслящих, разгромленного гитлеровцами после их прихода к власти в 1933 году.

Ныне он объединяет в своих рядах 12 тысяч активных членов и отметил в прошлом году 70-летие своего существования (в 1905 году в Германии возникла первая пролетарская организация такого рода). На состоявшихся по этому поводу во многих западногерманских землях торжественных заседаниях свободомыслящих присутствовали представители ГКП, которые приветствовали от ее имени этих активистов атеистической работы в Федеративной Республике Германии как часть немецкого и международного рабочего движения. Свои поздравления свободомыслящим в связи с их юбилеем прислали также некоторые окружные организации Социал-демократической партии Западной Германии (СДПГ).

«В своей деятельности мы не проводим каких-либо различий между нашими товарищами — независимо от того, состоят ли они в ГКП или СДПГ,— заявил в своей речи на юбилейном заседании свободомыслящих земли Нижняя Саксония председатель Союза свободомыслящих ФРГ Эрих Верниг.— Мы знаем, что завоевание власти трудящимися и даже сохранение буржуазно-демократических свобод требуют создания единого Народного фронта всех трудящихся».

Главная задача союза сегодня, подчеркнул Верниг, выступая на церемонии югендвайе (посвящения в юность) в Бремерхафене, состоит в том, чтобы вместе с другими прогрессивными силами добиваться отделения церкви от государства. Не отказываясь при этом от идеологической конфронтации с христианами, свободомыслящие выступают за единство действий с трудящимися верующими в общей борьбе против наступления монополий. Вот почему, сказал Э. Верниг, союз проводит четкое разграничение между такими людьми, как кардинал Дэпфнер, с одной стороны, и рабочим-христианином — с другой.

Союз свободомыслящих, продолжал он, отвергает любую религию с марксистско-ленинских позиций, в частности, потому, что она, внушая человеку веру в сверхъестественные силы, парализует его активность и волю.

В последние годы, отметил Э. Верниг, активность Союза свободомыслящих заметно возросла. Он боролся и борется против гонки вооружений, был одним из инициаторов движения против чрезвычайного законодательства и постоянно сотрудничает с молодежным рабочим движением. В заключение своего выступления председатель Союза свободомыслящих ФРГ выразил протест против незаконных действий американской администрации, конфисковавшей после войны под видом «вражеской собственности» часть кассы Германского союза пролетарских свободомыслящих, которую после прихода гитлеровцев к власти удалось спасти от них, переведя эти членские взносы (несколько миллионов долларов) в банки Соединенных Штатов. Западные державы отказываются также возместить Союзу свободомыслящих и ту часть кассы Союза пролетарских свободомыслящих, которая была конфискована нацистами и которую западные союзники присвоили под видом репараций.

В прошлогоднем июльском номере «Науки и религии» сообщалось об организованной западногерманским Союзом свободомыслящих в Мюнстере конференции, посвященной борьбе за отделение школы от церкви. Одним из докладчиков на ней выступал бывший декан теологического факультета Венского университета доктор Губертус Мынарек, отстраненный от преподавания за свою разоблачительную книгу «Хозяева и слуги церкви», вызвавшую гнев католической иерархии. Учитывая интерес, вызванный выступлением Мынарека, и дружную поддержку, оказанную ему делегатами этой конференции и руководством Всемирного союза свободомыслящих (ВСС), мюнстерская группа свободомыслящих попросила бывшего теолога выступить на ее очередном собрании еще с одним докладом — на сей раз о структуре власти католической церкви.

Профессора Мынарека пришло послушать около сотни свободомыслящих Мюнстера и его окрестностей. Он говорил о способности церкви приспосабливаться к любому эксплуататорскому строю, о свойственных ей «духовном империализме», нетерпимости, инквизиторском духе, критиковал доводы, с помощью которых она и по сей день оправдывает свою систему, основанную на насилии и подавлении человеческого интеллекта.

В заключение собрания, как и за год до этого в Мюнстере, свободомыслящие провели сбор пожертвований в пользу профессора Мынарека, все еще не допускаемого к преподаванию не только на теологических, но и на иных факультетах университетов ФРГ, Австрии и Швейцарии.

Сфера деятельности западногерманских свободомыслящих не ограничивается организацией подобных собраний и конференций и проведением традиционных весенних югендвайе, противопоставляемых церковной конфирмации. Местные группы союза уделяют также много внимания распространению марксистской, в том числе атеистической, литературы, листовок, своего периодического бюллетеня «Фрайденкер». Мюнстерская группа, например, время от времени устраивает в центре города, у стен тамошнего собора, передвижную выставку таких изданий, вызывающую живейший интерес у прохожих, в том числе и у прихожан. Они не только рассматривают и берут почитать эту литературу, но тут же вступают в беседы, дискуссии. Среди этих людей встречаются и порвавшие с церковью, но не подозревающие о существовании Союза свободомыслящих. Такие беседы и знакомство с атеистической литературой способствовали тому, что местная группа союза пополнилась новыми членами.

Так в трудных и сложных условиях общественного строя, основанного на господстве государственно-монополистического капитализма, одним из орудий которого является клерикализм, все еще удерживающий ключевые позиции в буржуазном государстве, западногерманские свободомыслящие ведут свою благородную, смелую разъяснительную и просветительную атеистическую работу. Они стремятся подчинять ее главной, первостепенной задаче — борьбе за социальное освобождение всех трудящихся независимо от разделяющих их пока еще мировоззренческих различий.

В. МАЗОХИН

МУСУЛЬМАНСКИЕ БРАТСТВА В СЕНЕГАЛЕ

Д. МАЛЫШЕВА, кандидат исторических наук

В СТРАНАХ Тропической Африки ислам стал распространяться с X века — вслед за арабскими завоеваниями на севере континента. Странствующие суфии-дервиши наряду с арабскими купцами выполняли функции мусульманских миссионеров, и благодаря их усилиям ислам приобрел в Западной Африке большое число приверженцев. Обращение в ислам африканских племен было ускорено и расширено в результате деятельности марокканских правоверных монахов-воинов, членов различных дервишских орденов. Они строили мечети, открывали школы по изучению Корана, основывали монастыри-рибаты, ставшие опорными пунктами пропаганды ислама в Африке.

Мусульманские ордена, или, как их обычно называют, братства, занимают особое место в религиозной жизни африканских народов. Исторически их появление связано с развитием в позднем исламе мистико-аскетического течения — суфизма. Попадая к народам Тропической Африки, сохранившим родо-племенной строй, ислам сильно видоизменялся, приспособлялся к местным условиям. Зачастую население усваивало лишь внешнюю форму мусульманской религии, простейшие ее обряды, сохраняя при этом свои старые верования. Поэтому главным предметом почитания новообращенных становился порой не Аллах и его пророк, а местный святой—марабут[1], заменивший прежнего священного вождя и жреца. Мусульманские братства на первых порах мало отличались от местных языческих тайных союзов.

В странах Тропической Африки наиболее заметную роль играли такие мусульманские братства, как Тиджанийя, Кадирийя, Мюридийя, Синусийя и другие. Как правило, они отличались строгой духовной иерархией. Во главе братства стояли «указующие верный путь» — мурщиды или шейхи. В Сенегале, как и в других странах Западной Африки, их стали называть марабутами. Хотя эти люди и давали монашеский обет бедности, со временем они превращались в феодалов, обладавших большими земельными наделами и богатствами. Зачастую марабут с обязанностями духовного наставника совмещал должности деревенского вождя, судьи и даже колдуна. От своих приверженцев и учеников — мюридов — наставник требовал беспрекословного подчинения, презрения ко всему мирскому, самоунижения, а также постоянного участия в общих молебствиях — зикрах. Считалось, что, чем больше у марабута учеников и последователей, тем он значительнее. Взаимоотношения рядовых членов братств с их наставниками достаточно красноречиво характеризует суфийская заповедь: мюрид должен быть в руках шейха, как труп в руках омывателя мертвых.

Возникший в позднем суфизме взгляд на религиозного лидера как на посредника между Аллахом и верующими, вера в его магические способности творить чудеса и предсказывать будущее — все это способствовало укреплению политического влияния марабутов. Не столько религиозная аргументация, наделявшая их магическими способностями, сколько сама личность религиозного лидера привлекала внимание широких масс. В силу этого основатели мусульманских орденов и выдающиеся марабуты и до настоящего времени почитаются по всей Африке как святые, а их могилы становятся местами паломничества. Ежегодно около двухсот тысяч мусульман из различных районов Западной Африки стекаются в священный город Тубу в Сенегале. Паломники собираются у мечети, где покоится прах основателя дервишского ордена Мюридийя Амаду Бамба, почитаемого святым. Поскольку в рай попадут только преданные и щедрые, в дни паломничества могила Бамбы бывает засыпана деньгами. Ночью начинается праздник. Купола мечети ярко освещаются. Восторженные крики верующих разносятся по окрестностям Тубы.

В истории каждого западноафриканского государства мусульманские ордена играли заметную роль, однако наибольшего влияния на социально-политическую жизнь страны они достигли в Сенегале. Мусульманские братства, получившие распространение главным образом среди народностей волоф, тукулер, серер, возникли в Сенегале позже, чем в других западноафриканских странах: Кадирийя — в XVIII, Тиджанийя — в XIX веке. Братство Мюридийя было основано лишь в конце XIX века после битвы при Дюккеле, в которой французские колониальные войска окончательно сломили сопротивление местного населения. Это братство возникло как ответная реакция на порабощение французскими колонизаторами.

Еще в доколониальный период мусульманские братства в Сенегале занимали видное место в политической жизни страны, а марабуты обладали почти неограниченной властью над своими мюридами.

Главным источником влияния религиозных вождей стала догма «об очищении трудом», суть которой сводилась к тому, что каждый мюрид был обязан работать безвозмездно на своего марабута, чтобы обеспечить себе «вечное блаженство» в загробной жизни.

Своеобразное разделение труда, при котором рядовые члены братств трудились, а их религиозные наставники заботились только об их душах, позволяло марабутам нещадно эксплуатировать крестьян и обеспечить себе безбедное существование. Многие религиозные лидеры, используя свою духовную власть, стали крупнейшими феодальными собственниками.

Как это ни парадоксально, фактором, способствовавшим усилению их влияния, явилась деятельность французской колониальной администрации, установленной в Сенегале в 1895 году. На первых порах французские власти с большим подозрением относились к мусульманским братствам, обладавшим относительной автономией. В первые десятилетия своего господства колонизаторы стремились ограничить влияние мусульманских братств и отдельных марабутов, вытеснить их с политической арены как возможных противников колониального режима. Насаждая свой язык и культуру по всей Западной Африке, французские колониаль-

[1] Марабут — от араб. мурабит — живущий в рибате (монастыре).

ные власти надеялись закрепить свое господство в стране. Были приняты постановления о ликвидации шариатских судов, введении французской системы преподавания, запрещении марабутам собирать «добровольные пожертвования».

Если бы эта политика по отношению к мусульманским братствам была осуществлена, возможно, в Сенегале осталось бы мало марабутов, обладающих политическим влиянием. Однако эти мероприятия не увенчались успехом. Более того, репрессии, предпринятые против популярных марабутов, лишь способствовали возвышению их авторитета. Амаду Бамба, которого власти дважды отправляли в ссылку, приобрел ни с чем не сравнимую популярность в народе. Окруженный ореолом «мученика веры», он стал в глазах своих приверженцев своеобразным символом оппозиции ненавистному колониальному режиму.

Подъем национально-освободительной борьбы, начавшийся в Сенегале в период первой мировой войны, заставил французских колонизаторов искать более гибкие методы. Теперь они стремились привлечь на свою сторону верхушку мусульманских братств и с помощью марабутов предотвратить нарастание антиколониальной борьбы. Предоставлением земель и различных привилегий колониальным властям удалось подкупить некоторых марабутов. В свою очередь марабуты использовали союз с колониальными властями для усиления своего политического влияния.

На марабутов колониальные власти возложили обязанность сбора налогов, вербовки рекрутов для французской армии. Так, например, в 1917 году французские власти обратились к Амаду Бамбе с просьбой помочь собрать недостающее количество рекрутов в войска сенегальских стрелков, использовавшихся французами на фронтах первой мировой войны. Бамба обратился к сенегальскому народу с призывом: «Все, кто верит в меня и Аллаха, должен вступить в армию». Популярность знаменитого марабута была настолько велика, что после этого обращения все мужчины призывного возраста изъявили желание стать военными. Те, кому отказывали, умоляли офицера по вербовке включить их в список рекрутов, пытались его подкупить. «Иначе, — говорили они, — мы потеряем право попасть на небеса»[2].

Усердие «святого» Бамбы было щедро вознаграждено французской администрацией, а впоследствии она еще не раз прибегала к его помощи.

Став, по существу, союзниками колонизаторов, марабуты еще больше укрепили свои позиции. Они добились значительной автономии для мусульманских братств, свободного решения внутренних проблем, как религиозных, так и светских, контроля над деятельностью коранических школ.

У мечети в Тубе во время ежегодного мюридского праздника.

Мюриды отправляются на поля своего марабута.

[2] «The Journal of Modern African Studies». London, 1970, № 8, p. 87.

В 1960 году Сенегал обрел независимость. В новой обстановке мусульманские братства сумели сохранить свои прежние позиции.

В настоящее время из 4-миллионного населения Сенегала около двух миллионов — приверженцы ордена Тиджанийя; больше 500 тысяч — Мюридийя, почти столько же — ордена Кадирийя[3]. Основная масса приверженцев мусульманских братств сосредоточена в бассейне реки Сенегал в зоне выращивания арахиса — главной экспортной культуры страны. Половина урожая арахиса выращивается на участках мюридов.

Сельскохозяйственные работы на марабута по-прежнему остаются основной обязанностью мюридов братства. Рядовые члены религиозных орденов своим трудом обеспечивают материальное благополучие пяти тысячам сенегальских марабутов — крупнейших землевладельцев страны. Глава ордена Тиджанийя Ибрагим Ниасс владел 603 гектарами земли, халиф Мюридийи Фалилу М'Баке — 7 тысячами гектаров (средний земельный надел сенегальского крестьянина не достигает и пяти гектаров)[4]. Кроме того, М'Баке состоял в правлении директоров двух крупных сенегальских компаний, владел значительной недвижимостью в Сенегале и Марокко.

Мюриды обязаны отдавать марабутам часть урожая и работать на их участке определенное количество дней в году. В 1965 году для уборки урожая в одной из провинций Сенегала Фалилу М'Баке собрал около 8 тысяч мюридов. К месту работы их подвозили на 350 грузовиках[5].

Помимо этого, марабуты содержат так называемые «дара»[6] — своеобразные трудовые колонии для молодежи. У Тиджанийи и Кадирийи сельскохозяйственный труд в «дара» сочетается с изучением Корана, у Мюридийи — это исключительно физический труд на марабута. Пребывание в этом заведении порой затягивается на несколько лет.

Молодые люди, живущие там, отправляются на работу с песнями и трудятся под звуки барабана. Чтобы повысить производительность труда, марабуты организуют между бригадами своеобразные соревнования.

По религиозным предписаниям марабут должен жить аскетом, отшельником, но большинство из них ведут образ жизни средневековых феодалов: имеют роскошные дома, дорогостоящую одежду и мебель, многочисленных жен и наложниц.

Громадные средства тратятся на строительство многочисленных храмов и гробниц. Строительство только одной мечети в Тубе обошлось мюридам Сенегала более чем в миллион фунтов стерлингов. Это, конечно, непозволительная роскошь для такой страны, как Сенегал, где значительная часть населения постоянно голодает, где не хватает школ, больниц, жилья.

Обладая постоянным арсеналом бесплатной рабочей силы, земельными наделами и значительным богатством, марабуты держат под своим контролем большинство сенегальских избирателей и выступают на политической арене как весьма серьезная политическая сила, с которой вынуждены считаться в правительственных кругах. Принимая во внимание авторитет марабутов, их влияние на массы мусульманского населения, политические партии часто прибегают к их помощи в ходе политической борьбы.

В период межпартийной борьбы 1948—1952 годов политические лидеры всячески подчеркивали свою приверженность исламу, стремление помогать марабутам. Бывший премьер-министр Сенегала Мамаду Диа расценивал первые поездки президента Леопольда Сенгора — лидера партии Сенегальский демократический блок (в 1958 году переименованный в Прогрессивный союз Сенегала) в мюридские районы как большой успех, в частности из-за «идеального взаимопонимания» между президентом и марабутами.

Политической аргументации в период межпартийной борьбы часто придавалась религиозная окраска. Однако исход политической борьбы определялся в конечном счете не религиозной принадлежностью лидера, а его способностью привлечь к поддержке программы партии наибольшее число членов мусульманских братств, слепо следовавших за своими духовными вождями. В 1952 году католик Л. Сенгор сумел заручиться поддержкой самого влиятельного в Сенегале марабута М'Баке и других менее значительных религиозных вождей. Агитация марабутов за партию Сенгора среди рядовых членов братств в значительной степени облегчила победу Сенегальского демократического блока на выборах.

Марабуты широко действовали на политической арене и в 1962 году, когда в правящей партии Прогрессивный союз Сенегала образовалась группа во главе с Мамаду Диа, выступившим с более радикальных позиций, чем сторонники Сенгора. В противоборстве с Сенгором группа потерпела поражение, а сам Мамаду Диа был арестован, обвинен в попытке совершить государственный переворот и осужден.

Власть марабутов особенно велика в сельских районах. Здесь от них зависит назначение правительственных чиновников на официальные посты. Если же какой-либо чиновник не относится к категории «людей марабутов», все его начинания встречают сопротивление и чаще всего он отказывается от своего места. Поэтому человек, стремящийся занять государственный пост, должен обязательно заручиться поддержкой марабутов. Часто такая поддержка обеспечивается взяткой.

Марабуты играют сейчас значительную роль не только во внутренней политике, но и в общеафриканских делах. Приверженцы и ученики марабутов имеются во многих странах Западной Африки, и это дает сенегальским религиозным лидерам возможность осуществлять самостоятельные контакты независимо от правительства.

Хотя роль марабутов и их авторитет для членов братств все еще велики, под влиянием происходящих в Сенегале социально-экономических преобразований, модернизации самого образа жизни, отношения внутри мусульманских братств, складывавшиеся веками, постепенно рушатся. Рост национального самосознания, распространение знаний подрывают основы влияния марабутов на рядовых членов братств. Мюриды покидают деревни и устремляются в поисках работы в города, где вовлекаются в совершенно новые экономические отношения. Растущая миграция рабочей силы приводит к тому, что часть населения перебирается в соседние с Сенегалом страны. По мере отдаления от своего марабута мюрид начинает все более критически осмысливать свои отношения с религиозным наставником.

Естественно, что мусульманские лидеры стремятся каким-либо образом сохранить свои пошатнувшиеся позиции, добиться устранения разногласий. В 1967 году был создан Совет исламской реорганизации (известный сейчас под названием Высший совет религиозных

---

[3] L. Behrman. Muslim Brotherhoods and Politics in Senegal. Cambridge, 1970, p. 63.
[4] Ibid, p. 137.
[5] Cruise O'Brien. The Murides of Senegal. Oxford, 1971, p. 210.
[6] «Дара» (по-арабски — место, дом) — школы, где изучают Коран и другие религиозные книги.

руководителей), который претендовал на роль арбитра в религиозных и политических делах сенегальских мусульман. В программу совета входили такие пункты, как «защита догм ислама», «контроль над конституцией Сенегала в целях сохранения абсолютной свободы ислама», «посредничество между мусульманскими братствами и религиозными лидерами, между ними и администрацией», а также «защита интересов мусульман» [7].

Для верующих становится все более очевидным, что марабуты цепляются за отживающие догмы, стоят на страже консервативных порядков, препятствуют развитию страны по пути прогресса. Возглавляемые ими братства все больше превращаются в оплот реакции.

Допуская известную самостоятельность братств в политике, сенегальские государственные деятели пытаются ограничить деятельность братств и постепенно вытеснить их из общественной жизни. Пока это не дает практических результатов, но такого рода шаги предпринимаются.

Марабуты не раз становились объектом критических выступлений со стороны представителей интеллигенции. В 1953 году шейх Туре опубликовал манифест «Как стать верующим», в котором обвинил марабутов в том, что они скомпрометировали себя связью с «капиталистами, колониальными властями и эксплуататорами» [8]. Прогрессивный кинорежиссер Блез Сенгор в фильме «Паломничество в Тубу» осуждает фанатизм дервишей, которые в порыве религиозного экстаза стегают себя плетьми, наносят увечья, впадают в транс. Выдающийся писатель и кинорежиссер Сембен Усман сравнил марабутов с жирными котами, которые любят поесть, но ничего при этом не делают. Их лозунг, говорит Усман, «мое имущество — это мое, а что касается вашего, то ничего не помешает мне разделить его с вами» [9].

Подобного рода выступления отражают стремление передовой части сенегальского общества как можно скорее покончить с патриархальными отношениями и консервативными порядками, препятствующими проведению в стране прогрессивных преобразований. Передовым силам сенегальского общества предстоит еще большая и нелегкая работа по вытеснению мусульманских братств с политической и социальной арены.

---

[7] L. Behrman. Op. cit., p. 81.
[8] «Islam in Africa». New York, 1969, p. 109.
[9] Ibid.

Этимологические заметки

✦КТИТОР✦

«Ктитор» (в диалектах — «ктитар», «китар», «титар»)—«церковный староста». «Кригоръ» — так был назван в 1382 году в «Суздальской грамоте» основатель монастыря. Появилось это слово из греческого языка — это сейчас ясно, но от «критор» — «основатель» или от «ктэтор» — «владелец» пока не доказано.

✦КУДЕСНИК✦

В языческих представлениях так назывался волшебник. Древнерусское «кудесъ» — «колдовство», «чары». Отсюда «кудесить» — «чудить», «подшучивать». Есть связь со словами «чудо», первоначально имевшем, вероятно, вид «кудо». «Кудить» («кужу») — то же, что и «чудить», «проказить». «Прокуда» — «беда», «проказа», «ущерб», «проказник», а «окудник» — «шутник», старорусское «кудити» — «бранить», «порицать». Примерно тот же корень и в других славянских языках, а также в родственных индоевропейских. Например, греческое «кюбайдо» — «осыпаю бранью», шведское «хута» — «кричать», «шуметь», английское «хут» — «крик» и «кричать».

✦КУ-КЛУКС-КЛАН✦

Эта террористическая расистская организация в США, построенная как религиозный орден, подобрала себе название, о смысле которого до сих пор еще идут споры. Ясна лишь третья часть его — «клан». Это кельтское слово обозначает: «род», «происхождение». Первые два слова, возможно, возникли из древнегреческого «кюклос» — «круг», «цикл». Есть и другая версия, объясняющая первые два слова звукоподражанием. «Ку» — звук взводимого курка, «кукс» — «бульканье», «клокотание» — выражает предостережение противнику о грозящей ему опасности. В своем романе «Виннету» немецкий писатель Карл Май называет это слово «лингвистической загадкой».

✦КУЛЬТ✦

Хотя слово «культ» — религиозная служба и связанные с нею мистические обряды и слово «культура» одного корня, смысл их сейчас совершенно различный. Оба слова сложились в древнем Риме на основе глагола «коло—коларе» — «обрабатывать почву», «заниматься земледелием», «взращивать», «возделывать» «обитать», «почитать», «приносить жертву», «справлять праздник». Латинское «коло» в родстве со славянским «коло» — «круг», откуда идут русские слова «кольцо», «около».

◆КУРБАН-БАЙРАМ◆

Название этого мусульманского праздника впервые встречается в русском языке в форме «курбанть—баграмъ» (у Афанасия Никитина). В тюркских языках «курбан» —«жертва», «жертвоприношение», а «байрам» — «праздник».

✦КУРИЯ✦

Из древнейшей истории Рима известно, что мифический Ромул, родоначальник Рима, разделил патрициев города на тридцать групп — «курий». Позже так назвали совокупность нескольких патрицианских родов в Риме, а также здание, в котором собирался сенат. Сейчас «курия» — совокупность центральных учреждений Ватикана.

Латинское «курия» возникло, по всей вероятности, из соединений «кон» — «со», «совместно» и «вир» — «мужчина», означая «коллектив людей». Менее вероятна связь с «кура» — «забота», «попечение», «надзор», «лечение», откуда идут слова «курировать» (опекать), «курорт», «прокурор» и т. д. От этого же корня происходит «кюре» — католический приходский священник во Франции, Бельгии, Французской Швейцарии.

✦ЛАВЕРНА✦

Так в древнем Риме называлась богиня — покровительница купцов и воров. Был даже выстроен храм — убежище воров — с удобствами, в частности с баней. Отсюда и происхождение слова: латинские «лавацио» и «лаверна» означают— «купание», «купальня», «баня», «мытье», от «лаво» — «моюсь», «купаюсь».

✦ЛАВРА✦

В России «лаврами» именовались некоторые из крупнейших монастырей. Старославянское «лавра» восходит к древнегреческому «лаура» — «улица», «дорога», «проход», «коридор», «ущелье». Иной смысл это слово приобрело в древнем Риме в сочетаниях — «лавровое дерево», «лавровая ветвь», «лавровый венок»: «триумф», «победа», «торжество». Отсюда слово «лауреат».

Религия в оценке зарубежных марксистов

«ЗАРУБЕЖНЫЕ МАРКСИСТЫ О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ». М., Политиздат, 1975, 246 стр., 90 000 экз., 49 коп.

В книге собраны статьи, отрывки из выступлений, отдельные высказывания марксистов из капиталистических и социалистических стран — или видных деятелей братских коммунистических и рабочих партий, так и научных работников, публицистов.

Материалы сборника раскрывают перед читателями сложную и противоречивую картину существования религии в сегодняшнем мире, процессов и тенденций, характерных для деятельности церковных организаций, показывают место религии в современной борьбе идей, рассказывают о той большой и нелегкой работе, которую ведут коммунисты в мире капитала, сплачивая верующих и неверующих людей труда на борьбу за свои права, социальный прогресс, за демократию и прочный мир на земле.

Предлагаем вниманию читателей несколько фрагментов из нового сборника — выдержки из выступлений и статей: Мориса Тореза, который в течение трех с половиной десятилетий — до 1964 года — был Генеральным секретарем Французской коммунистической партии; Пальмиро Тольятти, одного из основателей Итальянской коммунистической партии, ее Генерального секретаря с 1926 по 1964 год; Долорес Ибаррури, с чьим именем связана вся история Коммунистической партии Испании, ее нынешнего председателя; Уильяма З. Фостера, ветерана американского и международного рабочего движения, в течение четырех десятилетий, до самой смерти в 1961 году, стоявшего у руководства Коммунистической партии США; Луиса Корвалана, пламенного вождя чилийских коммунистов, ныне томящегося в застенках фашистской хунты.

Морис ТОРЕЗ

ИЗ ДОКЛАДА НА IX СЪЕЗДЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (1937 г.)

Проблема сотрудничества трудящихся — коммунистов и социалистов с их братьями — католиками и другими верующими не нова. Ее ставили уже основоположники международного рабочего движения. Но сейчас она стоит с особой остротой в связи с основным вопросом нашего времени, определяющим всю политику коммунистической партии и все сильнее и сильнее волнующим народные массы: **кто победит — рабочий класс и объединенные демократические силы или фашизм?**

...Нужно бороться за сплочение и объединение всех трудящихся, независимо от их верований, в борьбе против реального врага — капитализма и его отвратительного порождения — фашизма.

...Будем же терпеливо добиваться союза между коммунистами и католиками, протестантами и другими верующими... Наша цель — **единство народных масс в борьбе за лучшую жизнь, за свободу и мир.** А это значит, что коммунисты должны не только пропагандировать политику протянутой руки, но также — и это главное — приобщать католиков к своей борьбе и добиваться совместных действий с ними.

Вовлечь в борьбу за дело народа всех трудящихся можно только путем практических совместных действий, благотворные результаты которых будут все шире и шире сказываться вокруг нас. Тех, кто в силу своих предрассудков остается еще вдали от нас, мы будем привлекать на сторону Народного фронта и коммунизма по мере того, как будем им показывать, что наш благородный идеал — коммунизм — вдохновляет на самоотверженность и благодеяние, по мере того, как будем показывать, что нигде больше они не найдут такого источника чистых и возвышенных чувств.

Пальмиро ТОЛЬЯТТИ

ИЗ ЛЕКЦИИ, ПРОЧИТАННОЙ В БЕРГАМО (1963 г.)

...В мои намерения не входит проводить сравнение идеологий, религиозной, с одной стороны, и марксистской — с другой. Это идеологии, имеющие разные исходные позиции, даже если по определенным проблемам они могут прийти к сходным выводам. Мы, однако, всегда отвергали попытки предвещать сближение между коммунистами и католиками на основе какой-либо формы компромисса между этими двумя идеологиями. Этого компромисса нельзя найти, и нужно рассматривать коммунистический и католический мир как комплекс реальных сил (государства, правительства, организации, взглядов индивидуумов, различной природы движения) и изучить, возможны ли в свете развития революции нынешнего периода и будущих перспектив, и если да, то каким образом — взаимопонимание, взаимное признание ценностей и, следовательно, согласие, а также соглашение ради достижения общих целей, поскольку они необходимы, крайне необходимы всему человечеству.

...Мы обращаемся ко всем католическим силам. Мы призываем их к размышлениям, диалогу, дискуссии, к возможному согласию ради целей, которые не могут не быть общими для всех людей. Мы призываем их вспомнить о нашей общей человеческой природе, природе цивилизованных людей, долг которых объединиться и сотрудничать ради спасения цивилизации и самого человечества от ужасающих катастроф.

...Со всех точек зрения, с которых бы она ни рассматривалась, проблема отношений между католическим и коммунистическим миром является центральной. Нужно решить ее положительно, на благо трудящихся и всего человечества. Мы хотим, чтобы она была решена положительно, и трудимся для такого решения. Даже на самые сумасбродные антикоммунистические нападки мы отвечаем с необходимой энергией, но в то же самое время повторяем, что не желаем ссоры между католиками и коммунистами, ибо она нанесла бы ущерб всем и прежде всего тому делу, за которое мы боремся, — делу мира, спасения нашей цивилизации, приходу к власти трудящихся классов, строительству нового общества.

Долорес ИБАРРУРИ

ИЗ РЕЧИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ (1967 г.)

...Раньше я уже коснулась деятельности католиков в Испании. Относительно этого вопроса мы утверждаем, что нельзя закрывать глаза на те изменения, которые происходят в католической церкви... Внутри католического движения возникают широкие слои, которые ориентируются на будущее и переходят на благожелательные позиции в отношении демократии и социализма.

В настоящее время в Испании эти тенденции имеют большое значение. Речь идет о тенденциях, признающих классовую борьбу и необходимость устранения капитализма путем этой борьбы. Силы, которые проявляют такие тенденции, провозглашают необходимость борьбы, осуждают покорность и наиболее неприглядные черты религии. Они заявляют о решимости действовать бок о бок со своими «братьями коммунистами» в целях преобразования общества. Католическое движение такого характера в настоящее время играет в Испании положительную роль в борьбе за демократию...

Уильям З. ФОСТЕР

ИЗ КНИГИ «ЗАКАТ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА» (1959 г.)

Одним из глубоких процессов, совершающихся на протяжении последних десятилетий, является быстрый упадок религии. ...Жизнь в современном промышленном обществе, в том числе и капиталистическом, действует на религию разрушительно.

...Как бы религия ни старалась приспособиться к достижениям науки и индустриализации, против которых она ожесточенно, но безуспешно боролась в течение веков, в индустриальных странах она постепенно разлагается в корне. Это разложение религии происходит во всех капиталистических странах, даже в тех, где правящий капиталистический класс в эксплуататорских целях настойчиво использует все возможные средства культивирования и сохранения религиозности трудящихся масс. Особенно же быстро оно происходит при социализме.

...При социалистическом строе наступает невиданный расцвет науки и развитие индустриализации, а государство строго отделяет себя от церкви. Особенно важно то, что при социализме нет господствующего класса, которому требовалась бы религия как орудие господства эксплуататоров над рабочими. Кроме того, при социализме люди, освободившись от эксплуатации и пользуясь плодами своего труда, не будут нуждаться в мечтах о мифическом рае. С развитием и распространением марксистско-ленинского материалистического взгляда на жизнь и смерть массы при социализме получают такую этику и такой кодекс нравственности, которые вполне удовлетворяют их интеллектуальные и социальные потребности и полностью вытесняют устарелые религиозные мифы, легенды, суеверия и рабские нравы. Все те силы, которые, как мы уже видели, в условиях капитализма подрывают основу религии, при социализме действуют с еще небывалой мощью и эффективностью, а к ним прибавляются еще и новые, созидательные идеологические силы. Хотя при социалистическом строе религии предоставляется полная свобода, тем не менее она неизбежно становится убывающей величиной.

...Религиозной мистике и метафизике нет места в нынешнюю эпоху роста науки и индустриализации и развития марксистского диалектического материализма. Мы уже давно вступили в период реализма во всех областях жизни, когда религия потеряла свою жизненность. Пройдет еще немного времени, и человек, сознание которого полностью освободится от суеверия во всех его формах, будет дивиться тому, что человечество на протяжении стольких веков принимало и терпело неприемлемые для разума нелепости религии.

Луис КОРВАЛАН

ИЗ ОТЧЕТНОГО ДОКЛАДА XII СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧИЛИ (1962 г.)

...Мы убеждены, что все люди избавятся от религиозных верований. Это может произойти и произойдет только длительным путем, через много лет, когда на высших этапах развития коммунистического общества познание законов природы и развития общества осветит умы всех людей.

Сквозь призму народных верований

Г. А. Носова. ЯЗЫЧЕСТВО В ПРАВОСЛАВИИ. М., изд-во «Наука», 1975, 152 стр., 39 000 экз., 55 коп.

Книга Г. А. Носовой, посвященная генезису, эволюции и современному состоянию специфического типа религиозности — бытового православия, вновь привлекает внимание читателя к проблеме религиозного синкретизма. К ней все чаще обращаются не только историки, этнографы, фольклористы, для которых эта тема исследования традиционна, но и философы, социологи, психологи, занимающиеся вопросами формирования научного мировоззрения. Внимание к этой проблеме не случайно. Как справедливо отмечает автор, совершенствование форм и методов атеистической работы требует конкретного, дифференцированного представления о реально существующих формах массового религиозного сознания, об удельном весе в религиозном комплексе различных компонентов — дохристианских и христианских, о характере их взаимодействия и взаимосвязи с другими пережитками прошлого, тенденциях развития, причинах устойчивости и т. д.

Немаловажен и теоретический аспект проблемы: изучение синкретических религиозных систем позволяет глубже разобраться в вопросах происхождения и ранних форм религии. Известно, что любая религия включает в себя различные образования, возникшие на различных ступенях общественно-экономического и культурно-исторического развития народов. В формировании русского варианта христианства решающую роль сыграл восточнославянский языческий пласт. В этой связи вопрос о механизме формирования православно-языческого комплекса, роли в нем раннего, дохристианского компонента, во многом определившего характер и особенности официального русского православия, приобретает актуальное звучание.

Обращаясь к истокам этого сложного явления, автор показывает, что на Руси, как и повсюду, христианство не смогло достичь глубин народного сознания, а в течение мно-

гих столетий преломлялось сквозь призму язычества, приобретая форму аграрно-бытовых верований. Православие укрепилось в местных условиях во многом благодаря тому, что унаследовало языческие традиции; шло его обрусение, «оязычивание», приспособление к миропониманию, психологии, быту широких народных масс. Относительная легкость процесса совмещения славянского язычества и византийского христианства объясняется их большой близостью, позволившей, с одной стороны, христианству вобрать в себя элементы древних самобытных воззрений и культов, а с другой, «перевести на язык христианства» языческую систему взглядов и обрядовой практики.

Г. А. Носова обращается к исследованию дорелигиозности русского крестьянства, то есть той среды, которая в наибольшей полноте сохраняла древние религиозно-бытовые традиции. Характерной чертой религиозности сельского населения является преобладание обрядовой, ритуалистической стороны, так называемое обрядоверие. Поэтому в поле зрения автора преимущественно культ, обрядовая практика: аграрный календарь, семейно-бытовая обрядность, культы православных святых, святых мест и реликвий, народная медицина.

Анализ соотношения в обрядах и народном религиозном мировоззрении языческих и христианских черт, их синтеза и взаимосвязи раскрывает сложную природу обыденного религиозного сознания и поведения. С одной стороны, иллюзорный, мистифицированный характер традиционных народных верований, иррационализм и консерватизм религиозной психологии, находившие опору в социально-экономическом укладе старой деревни. С другой — жизнеутверждающая сила народной культуры, стихийно-материалистического народного мировоззрения и мироощущения, противостоящие церковно-аскетическому отрешению от мира, официальной церковной идеологии.

Конкретность, образность, связь с непосредственными потребностями трудовой и бытовой практики обеспечили жизнеспособность языческих пережитков через много веков после официальной «победы» христианства. Облекаясь в традиционные языческие образы, христианство как бы «подкрепляло» и освящало языческие представления. «Сохранение языческих традиций звучало как одна из форм пассивного протеста против христианского аскетизма, против ухода от реальной действительности в «небесный», потусторонний мир».

В книге показаны связь религиозных явлений с архаическими формами общественных отношений и семейного уклада, их роль в закреплении бытовых пережитков, методы воздействия церкви на народные традиции. Автор приходит к выводу, что вплоть до конца XIX века в массовом религиозном сознании доминировали синкретические формы, и это — один из факторов закрепления религиозных пережитков.

Автор указывает и на другую тенденцию: с ростом самосознания крестьянства, расширением его социального опыта, с распространением в крестьянских массах просвещения и свободомыслия в условиях развития капитализма в пореформенный период шло, хотя и медленное, разрушение и размывание архаических верований, религиозно-бытовых представлений, суеверий, первобытно-магических обрядов. Ускорение этого процесса связано с победой социалистической революции, становлением новой жизни в советской деревне.

Третья глава дает представление о том, как в современных условиях религиозные предрассудки уходят из быта, каков характер проявления тех из них, которые еще сохраняются. Отвечая на вопрос, с чем связано теперь существование религиозно-бытовых пережитков, какие споры в быту поддерживают дохристианские верования, Г. А. Носова обращает внимание на их связь с другими пережиточными явлениями в быту, в сознании, в психологии. Автор видит их в остатках деревенского внутрисемейного уклада, в реликтах дореволюционного общественного быта, в пережитках многовековой региональной специфики различных культурно-исторических зон и т. д. Наиболее стойки в религиозном комплексе представления, образы и обычаи, сопутствующие важнейшим событиям жизни человека: крещение, свадьба, похороны и т. д.

Автор не ограничивается традиционно-этнографическими принципами исследования, а применяет и методы конкретно-социологического анализа, позволяющие вскрыть ряд факторов социально-психологического характера, объясняющих живучесть различных обрядов и традиций, особенно в семейно-бытовой сфере. Большое место уделено раскрытию суеверий. Не в последнюю очередь их наличие объясняется слабостью нашей работы в этой области, отсутствием доступной и популярной интерпретации научных достижений.

Заключают книгу выводы о необходимости целенаправленной критики не только догматической канвы православия и церковной культовой практики, но и многочисленных форм внецерковной обрядности и языческих суеверно-магических представлений.

Характер издания — научно-популярная серия, обращенная к массовому читателю, — предопределил стиль изложения. Книга лишена «ученого академизма», написана в форме этнографических очерков, ясным языком. Как несомненное достоинство следует отметить умелое владение обширным эмпирическим материалом. Автор не тонет в массе уже опубликованных данных, а вводит в научный оборот новые архивные источники, малоизвестные материалы дореволюционных периодических изданий. Третья глава почти полностью основана на собственных материалах и наблюдениях автора, собранных в течение ряда лет экспедиционной этнографической работы. Это делает книгу конкретной и живой, позволяет в популярной форме довести до читателя сложные научные концепции. Она привлечет внимание не только специалистов, но и широких кругов читателей, интересующихся историей и современным состоянием духовной жизни народа.

Ю. ПИЩИК,
кандидат философских наук

Отповедь несостоятельным утверждениям

Н. Аширов. ИСЛАМ И НАЦИИ. М., Политиздат, 1975, 144 стр., 80 000 экз., 28 коп.

Исследование взаимосвязи религиозных верований и национальных отношений — актуальная проблема научного атеизма. Однако практически советские исламоведы только приступают к такой разработке.

В рецензируемой книге впервые анализируется соотношение ислама и нации, отношение мусульманства к формированию социалистических наций, к процессу их интернационализации. Раскрытию положения ислама в социалистическом обществе здесь также уделено серьезное внимание.

Обширный фактический материал, выдержки из проповедей, из богословских трудов, кстати в подавляющем большинстве впервые вводимые в научный оборот, позволяют читателю представить эволюцию позиции ислама по национальному вопросу. Приводимые факты достаточно красноречиво подтверждают, что

деятельность религиозных организаций и духовенства независимо от их субъективных намерений наносит вред делу развития социалистических наций, укреплению дружбы народов и интернациональному воспитанию трудящихся.

В первой главе на большом фактическом материале прослеживается борьба религиозных организаций против национальной самобытности, культуры и национального суверенитета народов Советского Востока во имя сохранения иллюзорного «мусульманского единства». Здесь же разоблачается идеология панисламизма и пантюркизма. Автор подводит читателя к аргументированному выводу о том, что в рамках ислама нельзя добиться прогресса в социальном и национальном развитии.

Во второй главе показан процесс развития социалистических наций и отношение к нему мусульманского духовенства, стремление религиозных организаций приспособиться к новым условиям. Критическому анализу подвергаются попытки мусульманских богословов пересмотреть историю народов Советского Востока, доказать, что ислам — это их национальная религия. На основе убедительных фактов автор разоблачает попытки служителей культа изобразить ислам как стимулятор развития национальной культуры народов Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья. Автор показывает несостоятельность отождествления национального с патриархальным, раскрывает иллюзорность утверждений о том, что исламская религия никогда не относилась враждебно к другим нациям и другим религиям.

Социализм значительно углубил связи между «мусульманскими» и «немусульманскими» народами, способствовал их взаимному сближению и интернационализации всех сторон общественной жизни. В первые годы Советской власти мусульманское духовенство решительно сопротивлялось этим прогрессивным процессам. Теперь оно открыто не выступает против сближения социалистических наций. Более того, служители культа стали утверждать, будто с проповедью дружбы народов впервые выступил ислам, а содержание Корана проникнуто духом интернационализма.

В третьей главе вскрывается несостоятельность подобных утверждений, доказывается, что идеология ислама, его обряды, деятельность религиозных организаций ведут к обособлению людей разных национальностей, пренебрежительному отношению к обычаям и традициям немусульман, наносят ущерб интернациональному воспитанию трудящихся.

Наши зарубежные идеологические противники в своей борьбе против коммунизма особое внимание стали уделять национальным и религиозным вопросам. Их враждебная по своей сути пропаганда всячески стремится к тому, чтобы подогревать националистические пережитки, способствовать созданию внутренней оппозиции социалистическому строю, разжиганию межрелигиозных противоречий.

Разоблачению буржуазной фальсификации положения ислама и жизни мусульман в СССР, показу несостоятельности представлений о якобы революционном характере этой религии посвящается четвертая глава книги. Автор приводит многочисленные свидетельства зарубежных исследователей и религиозных деятелей о жизни верующих в СССР, о наличии в нашей стране не только гарантированного законами права граждан исповедовать любую религию или быть атеистом, но и существование для этого реальных условий и гарантий. Это усиливает контрпропагандистское звучание книги. Для данного исследования — и не только той его части, которая посвящена критике антисоветизма, — характерен последовательный классовый подход.

В книге содержатся выводы о том, что чем больше нация освобождается от религии, тем больших успехов она добивается в экономическом и культурном развитии. А чем больших успехов добивается нация в своем развитии, чем больше реализуются ее потенциальные возможности, тем большая ее часть освобождается от веры в бога и переходит на позиции атеизма. Такова закономерность взаимодействия интернационализма и атеизма.

Ценность работы не только в анализе современной позиции ислама в национальном вопросе, в ней четко намечены задачи улучшения атеистического и интернационального воспитания. Следует подчеркнуть также и стремление автора очертить круг актуальных научных проблем, которые еще ждут своих исследователей.

Не все затронутые вопросы получили одинаково обстоятельное освещение. Например, заслуживают дальнейшего развития мысли автора о влиянии религии на формирование национального самосознания и о факторах, способствующих высвобождению национального самосознания из-под влияния ислама. Очевидна целесообразность более глубокого анализа вопроса о воздействии процесса развития атеизма на формирование новой исторической общности людей — советского народа.

В целом же книга заслуживает положительной оценки. Она представляет собой оригинальное исследование, вносящее известный вклад в изучение столь важной и актуальной проблемы, как религия и нации. Книга Н. Аширова окажет большую помощь в улучшении атеистического воспитания населения в районах традиционного распространения ислама.

Ш. МАМЕДОВ,
доктор философских наук

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

«АТЕИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ». Вып. 8. М., Политиздат, 1976, 135 стр. с илл. 100 000 экз., 93 коп.

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Вып. 19. М., изд-во «Мысль», 1976, 335 стр., 16 500 экз., 1 руб. 37 коп.

Ю. Я. Герчук и М. И. Домшлак. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ. Изд. 2-е, испр. и доп. М., изд-во «Искусство», 1976, 143 стр. с илл., 75 000 экз., 45 коп.

«ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА!» Франц. материалисты XVIII в. об атеизме, религии, церкви. М., Политиздат, 1976, 303 стр., 100 000 экз., 72 коп.

М. Друскин. ПАССИОНЫ И МЕССЫ И.-С. БАХА. Л., изд-во «Музыка», 1976, 168 стр. с илл., 13 480 экз., 93 коп.

И. М. Кичанова. ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ БУРЖУАЗНОГО АТЕИЗМА. М., изд-во «Мысль», 1976, 180 стр., 12 000 экз., 59 коп.

А. Н. Кочетов. БУДДИЗМ — ЛАМАИЗМ. М., изд-во «Знание» (Серия «Научный атеизм», № 4), 1976, 62 стр., 55 300 экз., 11 коп.

И. А. Крывелев. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ. Очерки в 2 томах. Т. 2. М., изд-во «Мысль», 1976, 419 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 79 коп.

«КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА». М., изд-во «Наука», 1976, 444 стр. с илл., 10 000 экз., 2 руб. 29 коп.

П. Н. Максимов. ТВОРЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗОДЧИХ. М., Стройиздат, 1976, 240 стр. с илл., 8 000 экз., 1 руб. 19 коп.

С. И. Масленицын. ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ. Книга-альбом. Л., изд-во «Аврора», 1975, 144 стр. с илл., 8 руб. 21 коп.

К. А. Немира. КОММУНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО НЕПРИМИРИМЫ. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976, 58 стр., 4 500 экз., 9 коп.

К. Пэрриш и Д. Оул. ОБРАЗЦЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ФОРМ ОТ ГРИГОРИАНСКОГО ХОРАЛА ДО БАХА. Пер. с англ. Л., изд-во «Музыка», 1975, 215 стр. с нот. илл., 5 000 экз., 1 руб. 32 коп.

М. Раджабов. ФИРДОУСИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. Душанбе, изд-во «Ирфон», 1976, 136 стр., 3 000 экз., 19 коп.

М. И. Стеблин-Каменский. МИФ. Л., изд-во «Наука», 1976, 104 стр., 40 000 экз., 34 коп.

З. А. Тажуризина. БУРЖУАЗНЫЙ АТЕИЗМ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. М., изд-во «Знание» (Серия «Научный атеизм», № 3), 1976, 64 стр., 55 200 экз., 11 коп.

С. А. Токарев. РЕЛИГИЯ В ИСТОРИИ НАРОДОВ МИРА. Изд. 3-е, испр. и доп. М., Политиздат, 1976, 575 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 27 коп.

Д. М. Угринович. ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ИСКУССТВА. М., изд-во «Знание» (Серия «Научный атеизм», № 2), 1976, 64 стр., 55 050 экз., 11 коп.

Всеволод и Лев Успенские. МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. Изд. 2-е. Л., изд-во «Детская литература», 1976, 144 стр. с илл., 300 000 экз., 45 коп.

В. Ф. Феоктистов. ФИЛОСОФСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СЮНЬ-ЦЗЫ. М., изд-во «Наука», 1976, 293 стр., 4 700 экз., 1 руб. 13 коп.

«ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК». М., изд-во «Наука», 1976, 384 стр., 5 750 экз., 1 руб. 98 коп.

«ФИЛОСОФЫ — ПЕДАГОГАМ». Пер. с нем. М., изд-во «Прогресс», 1976, 219 стр., 20 000 экз., 67 коп.

К. Худайбергенов. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАРАКАЛПАКСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX И НАЧАЛА XX В. Нукус, изд-во «Каракалпакстан», 1975, 310 стр., 1 000 экз., 48 коп.

Э. Церен. ЛУННЫЙ БОГ. Пер. с нем. М., изд-во «Наука», 1976, 381 стр. с илл., 10 000 экз., 1 руб. 37 коп.

А. Чертков. ПАСХА. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1975, 63 стр., 100 000 экз., 8 коп.

Г. А. Югай. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ. М., изд-во «Мысль», 1976, 247 стр., 10 000 экз., 95 коп.

«ЯРОСЛАВЛЬ». Путеводитель. М., изд-во «Советская Россия», 1976, 271 стр. с илл., 90 000 экз., 2 руб. 51 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. И. Гараджа. ФОМА АКВИНСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ». «Философские науки», 1976, № 2, стр. 69—81.

В. Грибачев. С ДЬЯВОЛОМ В ГЛАВНОЙ РОЛИ. «Новое время», 1976, № 13, стр. 29—30.

В. П. Данильченко, А. В. Чернецов. РЕАЛЬНЫЕ РЫБЫ НА СТРАШНОМ СУДЕ. «Природа», 1976, № 3, стр. 156—160.

«ДОРОЖИТЬ МИРОМ И СВОБОДОЙ...». Интервью с архиепископом Дмитровским Владимиром, ректором Московской духовной академии и семинарии. «Латинская Америка», 1976, № 2, стр. 126—129.

«ДУХОВНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА». «Вопросы философии», 1976, № 2, стр. 75 — 115.

А. Зубов. ПАМЯТНИК И МЫ (Размышления о культурном наследии). «Знание—сила», 1976, № 3, стр. 39—42.

М. Конаровский. ЗАГАДКА ДРЕВНЕГО МИНАРЕТА. «Азия и Африка сегодня» 1976, № 3, стр. 52—53.

Ю. Курицын. ТАК ПОДСКАЗАЛ ОРАКУЛ (верования и обряды нигерийцев). «Азия и Африка сегодня», 1976, № 1, стр. 43—45.

«МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ». М., 1976. Из содержания: Н. Кузнецова. Из опыта атеистической пропаганды, стр. 156—167.

Б. В. Мееровский. ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И СВОБОДОМЫСЛИЯ. **Д. Толанд.** Христианство без тайн. «Философские науки», 1976, № 2, стр. 123—129.

«НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ». Минск, 1976. Из содержания: «Роль нравственности в жизни общества», стр. 5—11; «Советские праздники и обряды в семье», стр. 155—163.

Д. Ф. Острянин, В. Е. Евдокименко, М. И. Новиков, В. К. Танчер. ОБ АТЕИЗМЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО. «Философские науки», 1976, № 2, стр. 82—89.

А. Сантини. ОТ ДИАЛОГА К СОВМЕСТНОМУ ДЕЙСТВИЮ. «Проблемы мира и социализма», 1976, № 4, стр. 72—76.

В. Сергеев. РАСИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ СИОНИЗМА. «Агитатор», 1976, № 7, стр. 54—57.

В. Скосырев. СВАДЬБА — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ (свадебный обряд в Индии). «Азия и Африка сегодня», 1976, № 3, стр. 47—48.

В. В. Согрин. Рецензия на кн.: А. А. КИСЛОВА. Социальное христианство в США. «Вопросы истории», 1976, № 3, стр. 164—166.

Л. Ульянов. ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. «Партийная жизнь», 1976, № 7, стр. 78—79.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

БРУТЯН Левон Акопович—кандидат исторических наук. Занимается проблемами современной идеологической борьбы. Автор ряда книг и статей в научных монографиях и сборниках. В нашем журнале печатается с 1975 года.

ИВАНИЦКИЙ Вячеслав Юлианович — инженер, кандидат филологических наук, автор статей по теории популяризации и истории науки, физике, электронике. В нашем журнале была опубликована его статья «Математика и мировоззрение» (1970, № 2).

БАЛЬСИС Антанас Бенедиктович — кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела философии, права и социологии Института истории АН Литовской ССР. Автор книг «Становление научного мировоззрения личности» (1974), «Человек в сфере конфронтации идеалов» (1974), «Где скрещиваются копья» (1972), «Позиция человека» (1966), а также многих статей в научных сборниках, центральной и республиканской прессе, в том числе и в журнале «Наука и религия» (1968, № 12). Специализируется на исследовании проблем формирования социалистического сознания и научно-материалистического мировоззрения.

Внуки кузнеца Божинтоя

КАЖДОЕ лето собираются жители бурятских сел на свой праздник. Раздаются звонкие голоса цимбал и удары медных гонгов под бескрайней чашей степного неба, раскатистые звуки праздничных труб ухыр-бурэ. И вот на возвышении при огромном стечении зрителей начинается Сур-харбан — Праздник стрелы.

Торжественный хоровод. В такт движениям звенят чеканные подвески на красочных народных костюмах танцоров. В степи праздничный убор должен быть виден издалека. Каждая деталь украшения подчеркивает храбрость и силу мужчин, нежность и красоту женщин. Народный эпос так повествует об излюбленной одежде героя-богатыря: «И надев халат широкий, и его оправив складки, опоясался он поясом из витого серебра. И к себе привесил справа сагайдак лунно-серебряный: шириной с долину он...»

Такому герою все по плечу, а уж сразиться с грозным чудищем — для него одно удовольствие.

Как выглядели эти сказочные демоны, рассказывают маски, страшные и вместе с тем ироничные.

Обычно такие маски делали мастера самого высокого класса. Их умение передавалось от отца к сыну.

Истинные артисты своего ремесла во все времена ценились очень высоко. Сложность была в том, чтобы не обмануться внешней броскостью, а воплотить суть — силу духа персонажа. Сейчас эти произведения искусства занимают достойное место в краеведческом музее столицы автономной республики.

Пока непобедимый богатырь изумляет зрителей меткой стрельбой из лука, полюбуемся на хозяйку праздника. «Щегольским было платье ее, с тонкой кисточкой шапка была, а сама круглолицей была, госпожою, царицей была...» — говорит легенда.

Весь костюм бурятской женщины, от шапочки до узорчатых сапог, вышит ее прилежными руками и украшен мастером-ювелиром. Лицо обрамляют «хиихэ»—накосные украшения из серебра, к ним подвешено «хон хо» — длинное ожерелье из колокольчиков; две рыбки из накладной филиграни свидетельствуют о невинности и чистоте. Стоит шевельнуться — и колокольчики зазвенят, сопровождая музыкой каждое движение. На груди — «гуу», круглая или прямоугольная коробочка с богатым орнаментом. Серебряное головное украшение — «даруулгу» убрано низками кораллов, малахита, лазурита, янтаря.

Адрес редакции: 109004. Москва Ж-4, Ульяновская ул., 43, корп. 4, Телефоны: 297-02-51, 297-10-89. А-03681. Сдано в набор 16. IV. 76 г. Подписано к печати 24. V. 76 г. Тираж 440 000 экз. Зак. 01955. Бумага 84×108 1/16. Физ. п. л. 6. (10,08 усл. п. л.)
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Недаром говорят, что бурятские ювелиры — внуки легендарного кузнеца Божинтоя. Так или иначе, искусство это очень древнее, передается от дедов внукам. Если у старого мастера нет учеников, значит, погаснет яркая звездочка кузнечного горна, уйдут в небытие опыт и красота, созданные поколениями умелых творцов. Поэтому посылают молодежь, пришедшую работать на фабрику сувениров в Улан-Удэ, на учебу в бурятские села, к старым мастерам. В молодых руках привычные мотивы обретают новый смысл, древние традиции рождают новое искусство.

Ю. ХОЛОПОВ
Фото автора.

Цена 30 коп.
70602